

Министерство здравоохранения Российской Федерации

Федеральное государственное автономное учреждение
Национальный медицинский исследовательский центр
здоровья детей

ФЁДОР ПЕТРОВИЧ ГААЗ

**Россия, Москва, Малый Казенный переулок:
путь милосердия и сострадания страждущим**

Под общей редакцией члена-корреспондента РАН
В. Р. Кучмы

Москва • 2020

УДК 371.217.2:614.7(048.8)

ББК 51.230

К 96

Рецензенты:

Альбицкий В.Ю., д.м.н., профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации и Республики Татарстан,
главный научный сотрудник НИИ педиатрии и охраны здоровья детей
ЦКБ РАН

Подунова Л.Г., д.м.н., заслуженный врач Российской Федерации,
Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора

Фёдор Петрович Гааз. Россия, Москва, Малый Казенный переулоч:
К 96 путь милосердия и сострадания страждущим. Под общ. ред. В.Р. Кучмы —
М.: НМИЦ здоровья детей Минздрава России, 2020. — 184 с. : ил.

ISBN 978-5-6044185-7-4

Книга содержит описание жизненного пути великого гуманиста, врача Ф.П. Гааза от момента окончания Гёттингенского университета в Вене до кончины в Москве, в Полицейской больнице, в Малом Казенном переулке, дом 5, и краткую историю создания Мемориальной комнаты-музея доктора Ф.П. Гааза в НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей медицины и историей Отечества; медицинских, педагогических, социальных работников, членов соответствующих общественных организаций и движений, может быть полезна студентам, врачам-ординаторам, слушателям циклов последипломного профессионального образования.

Издается по решению Попечительского совета Мемориальной комнаты-музея доктора Ф.П. Гааза от 12 декабря 2019 года (протокол № 5).

В оформлении обложки использован рисунок Е.П. Самокиш-Судковской из книги А.Ф. Кони «Федор Петрович Гааз. Биографический очерк».

УДК 371.217.2:614.7(048.8)

ББК 51.230

ISBN: 978-5-6044185-7-4

9 785604 418574

© Коллектив авторов, 2020

© ФГАУ «НМИЦ здоровья детей», 2020

Коллектив авторов

Главный редактор

Кучма В.Р.

Редакционная коллегия

Александрова И.Э., Лобанов А.Ю., Шубочкина Е.И.

Авторы

Александрова И.Э., Барсукова Н.К., Батюкина В.А., Вернер А., Глухов А.Н., Ефименко Н.В., Курганский А.М., Кучма В.Р., Лобанов А.Ю., Пертли Л.В., Поленова М.А., Скоблина Н.А., Щемелева Н.Ф., Шубочкина Е.И.

Оглавление

Предисловие 7

Глава 1.

Учеба, приглашение в Москву, война 1812 года,
служба, памятные гаазовские места в Москве
(Курганский А.М.) 12

Глава 2.

Главный врач Москвы и московских больниц
(Лобанов А.Ю., Щемелева Н.Ф.) 27

Глава 3.

Фёдор Петрович Гааз — первооткрыватель
Кавказских Минеральных Вод и автор первой книги
о минеральных источниках Пятигорья
(Глухов А.Н., Ефименко Н.В.) 57

Глава 4.

Ф.П. Гааз — основоположник пенитенциарной медицины
(Пертли Л.В., Александрова И.Э.) 79

Глава 5.

Гааз — святой московский доктор
(Александрова И.Э., Вернер А.) 95

Глава 6.

Смерть — забвение — возвращение — беатификация
(Курганский А.М., Щемелева Н.Ф.) 109

Глава 7.

Полицейская больница как больница доктора Гааза:
история и современность

(Кучма В.Р., Шубочкина Е.И.)..... 116

Глава 8.

Фёдор Петрович Гааз сегодня

(Шубочкина Е.И., Скоблина Н.А.) 145

Глава 9.

Фёдор Петрович Гааз в русской литературе

(Курганский А.М.) 154

Глава 10.

Мемориальная комната-музей доктора Ф.П. Гааза

(Кучма В.Р., Шубочкина Е.И., Курганский А.М.,
Александрова И.Э., Барсукова Н.К., Поленова М.А.)..... 160

Основные фонды и дарители

Мемориальной комнаты-музея доктора Гааза

(Батюкина В.А., Шубочкина Е.И.)..... 170

Петръ Русъ.

Предисловие

Кем необходимо быть и что сделать, чтобы весной 2020 года — в разгар пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 — группа врачей и ученых в практически карантинной Москве думала, как выразить благодарность, признательность и глубочайшее уважение человеку, родившемуся 240 лет назад в Пруссии, в небольшом городке Бад-Мюнстерайфель?

Надо быть личностью, спешащей делать добро, — не на словах, а на деле.

Фёдор Петрович Гааз (Фридрих-Иозеф Хаас), прекрасно окончив Гёттингенский университет, в возрасте 26 лет в качестве врача в свите героя Аустерлицкого сражения князя Г.Н. Волконского-Репнина отправился в Россию и скоро оказался в Москве.

В возрасте 27 лет он стал главным врачом Павловской больницы (ныне 4-я Городская клиническая больница Москвы). За усердную работу на этом поприще в 1811 году Ф.П. Гааз получил орден Святого Владимира 4-й степени.

В 31 год он обобщил результаты двух экспедиций на Кавказ и опубликовал монографию «Мое путешествие на Александровские воды в 1809 и 1810 гг.», которая стала основополагающей для курортологии и курортного дела. Мы до сих пор пьем минеральные воды, открытые и описанные Ф.П. Гаазом.

В 34 года Фёдор Петрович уже в Париже с русскими армиями в качестве вольнопрактикующего врача.

В 45 лет он по приглашению генерал-губернатора Москвы князя Д.В. Голицына стал штатт-физиком (главным врачом) Москвы и впервые столкнулся с тюремной медициной — практически с ее отсутствием.

1825 год значим не только для России, но и лично для Гааза. Кризис среднего возраста, как сказали бы сегодня, приведший его к переосмыслению своей жизни и к новому кредо: «Если тебе плохо, ищи, кому хуже».

В 48 лет он начал работать в «Московском Попечительном о тюрьмах комитете». В 1830 году стал главным врачом губернской больницы тюремного замка. На свои средства Ф.П. Гааз создал детскую больницу для детей арестантов.

В 1830–1831 годах Ф.П. Гааз — активный участник ликвидации азиатской холеры в Москве, главный доктор Яузской временной холерной больницы.

В 1840 году Ф.П. Гааз принял предложение губернатора Москвы И.Г. Сеньявина занять место главного доктора Старо-Екатерининской больницы.

В 1844 году Ф.П. Гааз в качестве главного врача Полицейской больницы пришел в «Нарышкинский» особняк в Малом Казенном переулке, где и проработал до последних дней жизни. За свои деньги он оборудовал Полицейскую больницу, ставшую практически первой скоропомощной больницей, куда полицейские везли всех нуждающихся в медицинской помощи малоимущих жителей Москвы.

С этого времени история и легенды о главном враче, «святом докторе» живут в «Гаазовском доме». Это в значительной степени обусловлено тем, что благодаря личности Ф.П. Гааза и его делам в здании всегда размещались и работали медицинские учреждения. Вначале этому способствовали сотрудники и ученики, а затем практически все, кто работал в стенах этого дома.

В 1909 году во дворе торжественно был открыт сооруженный на средства горожан памятник Ф.П. Гаазу (скульптор — Н.А. Андреев), ставший символом, магнитом и оберегом «Гаазовского дома» в Москве. Инициаторами сооружения памятника были последователи Ф.П. Гааза и прежде всего главный врач С.В. Пучков.

В 1910 году по инициативе С.В. Пучкова во дворе больницы у памятника состоялся первый праздник с развлечениями и подарками для детей-сирот под названием «У доброго дедушки Гааза». Эта традиция сохранялась до гражданской войны, охватившей страну. К 100-летию открытия памятника сотрудники НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков вновь собрали детей, и с тех пор праздник опять стал ежегодным. В сентябре во дворе собираются дети, которым рассказывают о Гаазе;

Апельсины от дедушки Гааза

они возлагают венок к памятнику, а потом участвуют в конкурсах, поют песни, пьют чай из огромного самовара и каждый ребенок уходит домой с традиционным апельсином от дедушки Гааза. Что движет всеми участниками и организаторами праздников? Пример и память о «святом докторе».

Сергею Васильевичу Пучкову мы обязаны инициацией написания в 1896 году выдающимся деятелем юриспруденции России А.Ф. Кони биографического очерка «Фёдор Петрович Гааз», явившего стране выдающегося медицинского деятеля, христианина, гуманиста, основоположника курортологии, пенитенциарной медицины, неотложной медицинской помощи.

Память сохранялась благодаря людям, работавшим и работающим в этом здании, и ему (зданию), благодаря Гаазу, снова повезло. Со времен гражданской войны в нем располагалось всего два учреждения, оба медицинские и оба научные: с 1925 года — НИИ гигиены труда и профессиональных болезней и с 1959 года по настоящее время — НИИ гигиены детей и подростков. Из уст в уста, от поколения к поколению передается, в каких комнатах жил Гааз, где располагались его кабинет, прозекторская. Всегда берегли его рабочий стол. Сохранить дух и память Гааза в этом

доме было непросто, особенно в новейшей истории России. Городская усадьба XVIII–XIX веков в центре Москвы в представлении предпринимателей новой России — прекрасное место для клуба, казино. В 90-е годы XX века мы были свидетелями попытки отобрать у Института это здание: оно уже было не наше, а на балансе Москвы, и платить аренду было нечем. Но несколько судов, уверен, что «под патронажем» Гааза, вернули здание Институту. Стало больше экскурсий к памятнику Фёдору Петровичу во дворе, киностудии начали запускать в производство фильмы о Гаазе, просили дать возможность отснять интерьеры дома, гаазовский стол. Все больше и больше раздавалось голосов о необходимости как-то увековечить память Гааза в самом здании.

В 2005 году Федеральная служба исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации учредила медаль Фёдора Гааза, а в 2011 году объявила 14 апреля днем медицинской службы уголовно-исполнительной системы. Дата обусловлена тем, что 14 апреля 1829 года Гаазу было предоставлено право осуществлять объективный врачебный контроль состояния арестантов, находящихся в Москве.

В 2005 году девиз доктора Гааза воплотился в ведомственной награде Уполномоченного по правам человека при Президенте Российской Федерации — медали «Спешите делать добро».

Это уже исторический факт, что обращение Ассоциации творческих учителей России (председатель — Н.Ф. Щемелева) к руководству Научного центра здоровья детей об организации на базе НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков Мемориальной комнаты-музея доктора Ф.П. Гааза было поддержано, и Распоряжением от 3 июня 2015 года № 74 на функциональной основе комната-музей была создана. При поддержке дарителей и меценатов, и прежде всего Всероссийского общества развития школьной и университетской медицины и здоровья, музей развивался, сформировалась его основная экспозиция, пополнились дополнительные фонды, и сегодня «Мемориальная комната-музей доктора Ф.П. Гааза» под номером 154 значится в Реестре медицинских музеев Министерства здравоохранения Российской Федерации.

В настоящее время завершается процесс причисления Римско-католической церковью при участии Русской православной церкви Фёдора Петровича Гааза к лику блаженных. В этой работе участвует множество лиц, организаций, и она осуществляется в приходе, который включает в себя Малый Казенный переулок в Москве.

Уехав из Вены молодым врачом, Фёдор Петрович (Фридрих-Иозеф) Гааз в Москве, в Малом Казенном переулке, при жизни стал «святым доктором», а на рубеже XX–XXI веков — легендой христианского мира, символом и примером служения в медицине на благо всех страждущих независимо от национальности, вероисповедания, образования, имущественного положения, уровня культуры. Примером нам всем — спешить делать добро!

В. Р. Кучма,
член-корреспондент РАН

Москва, Малый Казенный переулок, дом 5,
25 марта 2020 года

Глава 1.

Учеба, приглашение в Москву, война 1812 года, служба, памятные газзовские места в Москве

12

Курганский А.М.

Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Российская Федерация

Молодость и годы возмужания доктора Газа

Доктор Газ родился в Пруссии, в городе Бад-Мюнстерайфель, 4 сентября 1780 года в семье аптекаря Питера Газа четвертым ребенком. Его мать звали Катрин Брюер. У него было пятеро братьев — двое старших и трое младших — и три сестры — одна старшая и две младших. Младшая сестра Вильгельмина была управителем его дома в Москве в течение нескольких лет. Данных об обучении Ф.П. Газа в начальной школе не сохранилось. В 1796 году он поступил в известную Кёльнскую гим-

Родина Ф.П. Газа — город Бад-Мюнстерайфель

назию Монтанум, где учился под присмотром своего дяди Фридриха Иосифа Флорентина Гааза. С 1799 по 1802 год он обучался в Кёльнской школе, где попал в число лучших учеников. Выиграл в 6 из 10 конкурсов и получил первый приз от педагогов, в связи с чем его учитель Фердинанд Валрафф (Ferdinand Wallraff) помог ему поступить в Йенский университет в 1802 году [1].

Благодаря документам, на которые ссылается автор диссертационной работы, выполненной в Германии на немецком языке, становится ясным, что с 1802 года Гааз учился в Йенском университете на факультете философии, где познакомился с известным философом Шеллингом [1]. В 1803 году вместе с другом-студентом Трокслером (Trochler), восторженным последователем Шеллинга, Гааз увлекся лекциями офтальмолога профессора Гимли, который преподавал теоретическую медицину, хирургию и офтальмологию. Вместе с другом Гааз перешел в Гёттингенский университет (университет Георга Августа). С 1804 по 1806 год Фридрих Иозеф Хаас находился в Вене, где предположительно работал ассистентом или просто студентом под руководством профессора Адама Шмидта над диссертацией «Воздух, вода и болезни». Разграничить периоды работы Гааза в Гёттингенском и Венском университетах затруднительно. Этот период (1804–1806 годы) связан с изучением медицины и работой над упомянутой выше диссертацией. На выбор темы значительное влияние оказали натурфилософские течения того времени.

Это направление исследований продолжало интересовать Гааза в дальнейшем, что проявилось вниманием к Кавказским минеральным водам, в частности изучением их свойств и климатических условий Северного Кавказа, а также свойств источников Старой Руссы, что и послужило становлению в России такого направления медицины, как курортология.

Гааз придавал большое значение и в дальнейшем использованию ванн, в том числе серных, в гигиенических и терапевтических целях, это встречало значительное сопротивление российских чиновников, что можно кратко охарактеризовать фразой «зачем беднякам эти водные процедуры и ванны».

В 1805 году Гааз перенес брюшной тиф в тяжелой форме, из-за плохого самочувствия он был вынужден оставить работу

над диссертацией¹. К тому же у Ф.П. Гааза имелись серьезные финансовые затруднения, в результате чего приглашение князей Репниных и заем денег помогли ему справиться со случившимися трудностями и решить проблему со здоровьем. Приглашение Репниных последовало после того, как Гааз вылечил княгиню от мучительной болезни глаз, когда опытные медики отступились.

Переезд в Москву стал для молодого доктора выходом из трудной ситуации, в которой он оказался. Уезжая из Вены, он писал своему дяде и крестному в Кёльн: «Вена 17 февр. 1806 года, ночь. Драгоценнейший дядя, *Aleas jacta est*, жребий брошен — судите теперь Вы, чего можно ожидать. Завтра утром, около 7 часов я покидаю Вену и еду с княгиней Репниной в Санкт-Петербург в качестве ее лейб-медика. Ежели этот шаг покарает меня чем-либо добрым, то главное это то, что он отвечает той вполне неожиданной, неясно желанной возможности, открывшейся как раз в то время, когда совершенно необъяснимое, но невыносимое беспокойство гнало меня прочь из Вены.

Всегда таившаяся во мне нелюбовь к Вене, после моего выздоровления от тифа 5 недель назад, превратилась в этом городе в чувство тревоги, я пришел к мысли, что должен уехать, и собирался уже поступить в Русскую армию в качестве полкового врача (об этом в другой раз)... Княгиня — чрезвычайно милая дама в возрасте около 26 лет. Она племянница русского посла графа Разумовского, и в ноябре приехала к мужу, офицеру императорской гвардии. Князь был ранен и попал в плен при Аустерлице. Теперь он снова в Петербурге и намерен выехать тотчас же к границе, чтобы встретить свою супругу. Мы поедем довольно спешно по отвратительным дорогам через Львов, Броды, Вильну, а, вероятно, и через Москву».

Поездке в Россию предшествовало оформление договора найма, в котором указано, что «Господин доктор Гааз в качестве врача принимает на себя заботу о лечебном пользовании ее

¹ Но при этом есть упоминание, что медицинский факультет Гёттингенского университета, в связи с его успехами в учебе, серьезностью заболевания и продолжением работы над темой, присваивает ему заочно ученую степень доктора наук (Pfeifer K., 2010).

Светлости княгини Репниной, всей ее семьи и прислуги, причем не только в городе Петербурге, но также и в деревне и повсюду, где ее Светлость будет находиться. Он обещает и обязуется нести эту службу в течение четырех лет, начиная с 1 февраля 1806 и кончая 31 январем 1810 года»². Сейчас сложно установить истинную причину того, что Гааз не последовал за нанимателем в Петербург, а поехал в Москву. Видимо, в дальнейшем изменились планы его нанимателя, ведь Репнин, получив отпуск для лечения ран до сентября 1806 года, а затем отставку от службы по болезни, вскоре, 11 ноября 1808 года, был вынужден вернуться на государственную службу. И уже в самом начале следующего 1809 года отправился служить чрезвычайным посланником при Вестфальском (Испания) короле Иерониме, брате Наполеона. Одни источники говорят, что Фридрих Гааз как домашний доктор лечил московских родственников княгини Репниной-Волконской. Другие, что он уже тогда начал работать частнопрактикующим врачом. Возможно, он совмещал эти два занятия.

Доктор Гааз с самого начала своей работы в Москве знакомился с больницами и богадельнями, занимался лечением бедняков, которым нечем было заплатить за лечение. Он успешно лечил стариков, страдающих глазными болезнями, в Преображенской и Екатерининской богадельнях. Его успехи были замечены.

В 1807 году (в 27 лет), через год после приезда в Москву (что подтверждает стремительность его карьеры), по распоряжению Марии Фёдоровны (матери императора Александра I) Ф.П. Гааз стал главным врачом Павловской больницы (4-я Градская) и успешным в своих начинаниях в ней. При этом Ф.П. Гааз также не оставил свое попечение о бедняках Москвы. За свои заслуги он получил статус надворного советника и орден князя Владимира IV степени, который с гордостью носил на своем фраке вплоть до смерти.

В Москве Ф.П. Гааз продолжил научные исследования. В 1811 году он опубликовал материалы метеорологических

² Это строки из договора о найме княгиней Репниной доктора Фридриха Гааза, составленного 3 февраля 1806 г. Договор был переведен с французского и опубликован Львом Зиновьевичем Копелевым в 1993 г. [2].

наблюдений, сделанных в Павловском госпитале. В 1822 году сделал доклад в физико-медицинском обществе «О любопытном заразном глазном заболевании». Как ученый доктор Гааз интересовался процессами ассимиляции, которые характеризовал как состояние жизнедеятельности организма, нарушающееся при болезни. Также, развивая понятие ассимиляции, Ф.П. Гааз пишет о защитно-приспособительных реакциях, черпающих свои силы в ассимиляции, подходя к проблеме иммунитета [3].

В 1813–1816 годах Ф.П. Гааз на основе собственных многочисленных наблюдений за больными детьми активно занимался изучением ложного и дифтерийного крупа и впервые дифференцировал их как разные заболевания. Он пишет две монографии на эту тему, что является важным открытием в области детских болезней в то время: «Sutamille. Decouverte sur la croup seu L'astma synanchicum acutum» (М., 1817) и «Beitrag zuden Zeichen des Coups» (М., 1818) [4–6].

Доктор Гааз приобрел дом на Кузнецком мосту (№ 20), которым ранее владела помещица по прозвищу Салтычиха, замучившая полторы сотни крепостных³. Так, по мнению историка и краеведа Рустама Рахматуллина, «эти полы, нечистые от крови, это кровавое белье четверть столетия отбеливал святой доктор. Отбеливал совесть Москвы и всей России, искупал чужое (некогда общее) преступление» [7].

По вероисповеданию доктор Гааз был католиком. Его приход Св. апостолов Петра и Павла располагался по адресу Милютинский переулок, 18А. Доктор Гааз вносил деньги на строительство храма, после своей смерти завещал приходу свою духовно-нравственную литературу. В советское время храм был закрыт, в наши дни данный приход располагается неподалеку, в храме Св. Людовика по адресу Малая Лубянка, 12А.

Доктор Гааз — участник Отечественной войны 1812 года, он с русской армией дошел до Парижа. По официальным до-

³ Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха. Решением Сената и императрицы Екатерины Второй была лишена достоинства столбовой дворянки и приговорена к смертной казни, но позже мера наказания была изменена на пожизненное заключение в монастырской тюрьме, где осужденная и умерла в 1801 г.

кументам Российского государственного архива (РГВИА), «С 22 января 1814 г. Гааз находился в действующей армии, куда был определен врачом»⁴. В рапорте на имя Главнокомандующего русскими армиями фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли главный медицинский инспектор армий Я.В. Виллие сообщал, что «определенный для употребления по военному ведомству из вольнопрактикующих врачей ... надворный советник Гааз, истратясь в проезд свой от С.-Петербурга до главной квартиры сей армии, не получая еще никакого жалованья, в содержании себя претерпевает крайнюю нужду. <...> Уважая сего чиновника, недостаточное состояние вообще и особливо настоящее его бедное положение, я в справедливую обязанность себе вменил ... просить ... об оказании ему ... вспомоществования ... в размере 500 рублей ассигнациями»⁵. 28 апреля того же года М.Б. Барклай де Толли в записке на имя Александра I просил выдать Гаазу 500 рублей. На записке сохранилась резолюция Александра I, сделанная карандашом: «Исполнить». На следующий же день Барклай де Толли предписал генерал-интенданту армий Е.Ф. Канкрину «...деньги сии из экстраординарной суммы доставить» к Виллие, о чем ему также было сообщено. Из документов становится понятным, что Гааз, добровольно вступая в армию, добирался самостоятельно из Петербурга и попал туда уже на территории других стран коалиции: «В начале января 1814 г. союзные войска, освободив территорию всех германских государств, форсировали Рейн и вступили в пределы Франции»⁶.

В РГВИА имеются важные документы о повышении Ф.П. Гааза в чине в 1826 году: «К излечению распространившейся в прошлом 1825 году в Московском военно-сиротском отделении глазной болезни, — писал в представлении Клейнмихель, — употреблен был исправляющий должность штадт-физика Медицинской конторы, доктор, надворный советник Гааз, благодаря трудам которого ... помянутая болезнь совер-

⁴ РГВИА. Ф. 103 (М.Б. Барклай де Толли), материалы, связанные с приездом Гааза в 1814 г. в действующую армию.

⁵ РГВИА, Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 137. Д. 20. Л. 49.

⁶ Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. Доступно по: <https://ria.ru/20100105/203020298.html>.

шенно уничтожена»⁷. Характеризуя Газа, П.А. Клейнмихель приводит его биографические данные: «Произведен в надворные советники 26 февраля 1811 г.; уволен от службы за слабостью здоровья с изъявлением Высочайшего благоволения и награждением алмазным перстнем 1 июня 1812 г.; определен в действующую армию 22 января 1814 г.; уволен от должности 3 апреля 1825 г.; 3 августа 1825 г. назначен временно исправлять должность штадт-физика Медицинской конторы. В походах и штрафах и под судом не бывал. Имеет ордена Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й степени»⁸. На этом документе стоит помета Клейнмихеля от 6 июля 1826 года «О производстве г. Газа последовал указ Сенату» [8].

Когда Газ возвращался из Парижа, он застал в своем родном городке Бад-Мюнстерайфеле умирающего отца. Известно, что отец был недоволен переездом сына в Россию, но во время прощания, видя его успехи, он благословил Фридриха остаться в России.

После войны, в 1815 году, доктор Газ как военный врач приезжал в Старую Руссу. Старая Русса — один из древнейших русских городов, в котором в XV–XVI веках был богатый соляной промысел. К середине XIX века из-за низкого содержания соли в воде завод прекратил поставку поваренной соли и стал поставлять в Петербург соленые растворы для медицинских целей. Доктор Газ, проведя научное исследование данного источника и убедившись, что он ничем не хуже Кавказских минеральных вод, составляет проект курорта, который отправляет в Петербург в высокие инстанции. Чиновники благодарят Ф.П. Газа за «проект» и кладут его «под сукно». Работа, сделанная Ф.П. Газом, ждет своего применения до 1834 года [9].

В 1828 году в город приехал лейб-медик Г. Раух для инспекции военных госпиталей Старой Руссы. Он узнал про целебные источники, которыми жители традиционно пользовались для исцеления и омоложения тела от ломоты, язв. При содействии новгородского губернатора Сумарокова, военного министра

⁷ РГВИА, Ф. 405 (Департамент военных поселений), представление начальника штаба военных поселений П.А. Клейнмихеля от 13 июля 1826 г.

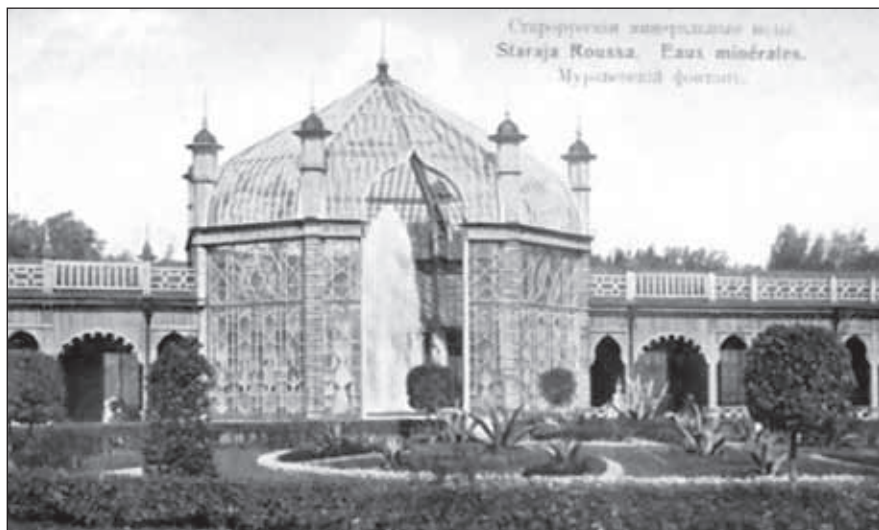
⁸ Там же. Л. 269 об.–270.

Чернышева, начальника штаба Г.А. Клейнмихеля с согласия Николая I Г. Раух начал работы по строительству курорта, но в 1830 году в городе вспыхнула эпидемия холеры, в 1831 году произошло восстание военных поселенцев, в связи с чем строительство курорта отложили.

В 1834 году, через 19 лет после доклада и представления проекта Ф.П. Гаазом в высшие инстанции, на месте заброшенного Петропавловского монастыря построили здание на восемь ванн для господ и двадцать ванн для низшего сословия. В 1837 году появилось второе здание на 12 кабин для лечения высшего класса. В 1839 году курорт принял уже 1070 человек.

Курорт стал популярен не сразу — его первыми пациентами были солдаты после ранений и заболеваний. Во второй половине XIX века его соединили с Петербургом шоссейной дорогой, построили железнодорожную станцию, телеграф, где принимали корреспонденцию на трех языках — русском, французском и немецком. Курорт в разное время посещали Н. Добролюбов, К. Станиславский, М. Горький, Ф. Достоевский — кто по медицинским показаниям, а кто с выступлениями и литературными вечерами. На сцене курортного театра начинала свою карьеру замечательная актриса В. Комиссаржевская, на ней блистали М. Савина и М. Андреева. Пейзажи Старой Руссы вдохновля-

Муравьевский фонтан в Старой Руссе. Старинная открытка, конец XIX века

ли художника Б. Кустодиева. В курортном парке дирижировал Е. Мравинский, строил по своему проекту театр А. Бенуа, а доктор Л. Блюменау написал первые в России научные работы по использованию курорта для лечения нервных расстройств.

С 1882 года на курорте была открыта лечебная колония для больных детей, деньги на ее открытие собирали профессора Петербургского университета, в том числе Д.И. Менделеев, которые читали лекции в курортном театре как представители «Русского общества народного здоровья».

Курорт Старой Руссы — это одно из плодотворных начинаний доктора Гааза, которое не потеряло своей актуальности и в наши дни.

В 1825 году генерал-губернатор Москвы князь Д.В. Голицын предложил Гаазу возглавить медицинское ведомство города (должность штатт-физика). При этом доктор Гааз считал себя недостойным данного поста, отказывался, но по настоянию начальства ему пришлось вступить в должность. Гааз начал наводить порядок на аптечных складах, занимался вопросами хранения и распределения лекарств, препятствуя хищениям и воровству, затрагивая финансовые интересы чиновников, служивших в конторе. Поэтому доктора Ф.П. Гааза в штыки приняла бюрократия: появилась масса сфабрикованных обвинений, за которые ему приходилось оправдываться в судах после вынужденного ухода с поста еще в течение 12 лет, когда он был полностью оправдан. Анализ управления медицинским ведомством Москвы показал, что Гааза отличал очень ревностный, принципиальный характер, но не всегда практичный, если можно так сказать о человеке которого его недоброжелатели называли «утрированным филантропом, фанатиком добра». Известно, что Гааз отдавал свое жалование уволенному бывшему штатт-физику, имевшему большую семью [10].

Фёдору Петровичу Гаазу было 47 лет, он умен, высокообразован, успешен, богат, пользовался уважением в обществе. У него дом на Кузнецком мосту, имение в Подмосковье (село Тишково, Пушкинский район), своя суконная фабрика. Он переписывался с Шеллингом и много читал. У Фёдора Петровича большая и удобная карета, четверка орловских рысаков. Он носит фрак,

белое жабо и манжеты, короткие, до колен, панталоны, черные шелковые чулки, башмаки с пряжками, напудренные волосы, собранные в широкую косу.

Однако как помещик доктор Гааз был не самым практичным управленцем. Его соседи — помещики и уездные чиновники — ухмылялись, посмеивались, а кто и хохотал, рассказывая анекдоты о новом барине. «Слыхали, — говорили они, — немец-то наш наемни проведывал свои владения. Приказчик ему в глаза врет бесстыдно: там, дескать, не уродило, там градом побило, там мужики воруют. Староста, плут из плутов, знай, поддакивает, казанской сиротой прикидывается, про бедность скулит, а сам-то матерый кулак, богаче иных купцов московских. Но этот лупоглазый всем верит, всех жалеет. Пошел по избам, спрашивает, где есть больные, стал и стариков, и баб учить, наставлять, ну вроде попа...» [2]. Об отношении Гааза к новому Отечеству свидетельствует и тот факт, что когда государство требовало у помещиков крепостных для службы в армии, то все отдавали самых плохих крестьян, а доктор Гааз честно выдвигал самых лучших. Ведь армии нужны самые сильные солдаты.

«Материальные средства Фёдора Петровича начали быстро уменьшаться с начала 30-х годов. Одной из главных тому причин была покупка по чьему-то совету имения Тишково (2000 десятин) с суконной при нем фабрикой. Приведу для иллюстрации два факта. Фёдор Петрович возвращается в Москву из своего имения на тройке; по дороге встречает такую сцену: у крестьянина в запряжке пала лошадь и бедняга горько плачет у трупа своей кормилицы. Гааз останавливает лошадей, выходит из экипажа, утешает несчастного и затем приказывает отстегнуть одну из пристяжных лошадей и дарит ее крестьянину; таким образом, наш фабрикант возвращается в Москву уже на паре. А вот какие выгодные торговые сделки заключал помещик Гааз. В 1829 году он продал из своего имения дрова за 2000 рублей московскому купцу Н.И. Ч., который поставил их в полицейские дома по подряду и получил деньги, а Гаазу, несмотря на многократные обещания, долга не платил, вследствие чего Гааз в 1830 году обратился с просьбой к обер-полицеймейстеру понудить купца Ч., как поставщика полицейских домов, к уплате

денег за дрова. Ч., вызванный начальником полиции, дал письменное обязательство уплатить деньги, но этого обещания не исполнил» [11].

Понятно, что при таких условиях имение и фабрика вместо прибыли давали большие убытки, а тем временем Гааз настолько отдался общественной и благотворительной деятельности, что у него слишком мало оставалось времени для платной врачебной практики. Дела его настолько испортились, что в 1838 году на фабрике были приостановлены работы. Друзья и почитатели Гааза, желая прийти ему на помощь в его трудном положении, на собранные между собою по подписке деньги купили в Оренбурге 3700 пудов киргизской шерсти и доставили ее на фабрику. Но это не спасло Фёдора Петровича от катастрофы: вскоре он был объявлен несостоятельным должником, и имение его было продано с публичного торга.

Однако это не дает понимания того, когда и как доктор Гааз из богатого и титулованного, вращающегося в самых высших кругах человека неожиданно и вдруг превращается в праведника и нищего. Сам доктор Гааз говорил, что его вначале очень радовало получение орденов, новых чинов, а потом ситуация изменилась, и в чем могли быть причины, сам доктор Гааз описывает следующими словами: «Я ведь тоже был молод, как вы, и, верно, по сей день вел бы дурную жизнь, если бы не случай. Будучи назначен по предписанию светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына для прекращения эпидемической болезни в Московском тюремном замке, имел я случай посетить Бутырку. Первое, что я увидел в камере, был человек в железном ошейнике, прикованный на цепь как раб, как собака. Не могу выразить вам, что стало со мной. Я зарыдал, вся моя жизнь увиделась мне страшным злодейством, ведь я и прежде видел кандальников, бредущих к Рогожской заставе, подавал им серебро, но хоть бы раз подумал, кто они, за что и кем осуждены идти тысячу верст к Ледовитому океану? Да ведь любой ученый европеец, проделав тот же путь в медвежьей шубе, на тройке с фельдъегерем, встреченный на каждой станции обедом с шампанским, снискал бы себе славу нового Колумба! А тут шли тысячи, прикованные к желез-

ному пруту, и живые влчили мертвых до ближайшего этапа, и ни одно христианское сердце не встало на пути: стойте, ведь это братья наши! Я был на войне, видел, как убивают, калечат, но тюрьмы страшнее. Посещение бутырского замка имело во мне столь сильное впечатление, что не могу вам выразить, голубчик. Тот день, перевернувший всю мою жизнь, запечатлен в моей душе еще и годом, столь памятным России, — двадцать пятым» [12].

Второй момент. 1825 год — это восстание декабристов, в котором участвовал его друг, в жену которого Фёдор Петрович был безнадежно влюблен (к сожалению, имя декабриста и его жены доподлинно не установлено) [13]. Потрясенный тем, что она отправилась в Сибирь вслед за мужем, доктор Гааз начинает переосмысливать свою жизнь. Духовный кризис, связанный с таким исходом любви и дружбы, разрешился в его душе простой формулой: «Если тебе плохо, ищи, кому хуже». Действительно, описаны случаи, что доктор Гааз впадал в отчаянье, но всегда после этого собирался духом. Впоследствии он тратит все свои сбережения на облегчение участи заключенных, всю свою жизнь посвящает несчастным узникам.

Деятельность Гааза в московском здравоохранении того времени была так значительна, что «можно с уверенностью сказать, что примерно с 20-х годов этого времени ни одно сколько-нибудь крупное дело по санитарно-врачебной части в городе Москве не обходилось без участия, и в большинстве случаев очень активного и энергичного, доктора Гааза» [11].

В начале 1825 года Московский военный генерал-губернатор князь Д.В. Голицын пригласил Ф.П. Гааза для прекращения свирепствовавшей в тюремном замке эпидемии тифа. Гааз вместе со своим другом проф. А.И. Полем деятельно вел борьбу с эпидемией, для чего устроил временную больницу в Покровских казармах, где изолировал заболевших арестантов. Благодаря его трудам дальнейшее развитие эпидемии в тюремном замке прекратилось.

В 1830 году Гааз много потрудился в деле борьбы со страшным общественным бедствием: в этом году впервые в Москве появилась и свирепствовала азиатская холера. По данным Ми-

нистерства внутренних дел, с сентября 1830-го по март 1831 года в Москве умерло 4846 человек⁹.

По приглашению князя Голицына Гааз был назначен членом временного Медицинского Совета, организованного для принятия по городу Москве всех врачебно-санитарных мер по борьбе с эпидемией. Временный Медицинский Совет собирался в доме генерал-губернатора ежедневно в 11 часов утра, «а когда надобность была, то и после обеда». Гааз, независимо от этого, состоял инспектором одной из временных холерных больниц, и, кроме того, ему было поручено заведывание всей регистрацией холерных заболеваний в Москве. При его участии во время эпидемии готовилась и издавалась «Ведомость о состоянии города Москвы» [4].

Во время эпидемии холеры Александр Сергеевич Пушкин из-за карантина был вынужден оставаться в Болдино (его знаменитая Болдинская осень), а Наталья Гончарова пребывала в Москве, что создавало дополнительный драматизм ситуации. Известно, что доктор Гааз активно участвовал в мероприятиях по борьбе с этим заболеванием и вел работу по предотвращению паники среди населения. Таким образом, в определенной степени Пушкин обязан Гаазу здоровьем своей невесты.

В 1835–1845 годах Гааз работал главным врачом Старо-Екатерининской больницы для заключенных, а потом для чернорабочих (ныне МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского) и продолжал свое служение больным и обездоленным, улучшая по возможности условия содержания и лечения.

Известно, что к сороковым годам доктор Гааз перестал успевать за прогрессом в медицине. Если в более молодые годы он с немецкой педантичностью стремился применять максимальное количество нововведений, то в зрелом возрасте подвергся подшучиваниям со стороны молодого поколения врачей за устаревшие методы лечения. Но доктор Гааз не стремился брать большие деньги с богатых господ за применение новых методик лечения, в том числе такой «модной» в то время болезни, как

⁹ Поддубный М.В., Егорышева И.В., Шерстнева Е.В. и др. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / Под ред. Р.У. Хабриева. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.

подагра, а сосредоточился на лечении простых людей доступными и понятными методами.

В 1844 году в заброшенном особняке в Малом Казенном, в здании бывшего ортопедического института доктора Менделини, по инициативе доктора Гааза открывается Полицейская больница. В ней он становится главным врачом и занимает эту должность вплоть до своей смерти в 1853 году. В здании этой больницы у Гааза были кабинет и комната, в которой он прожил до своей кончины.

Памятные места на карте Москвы, связанные с жизнью доктора Ф.П. Гааза

- Здание Московской мэрии, где он работал штатт-физиком (главным врачом Москвы);
- Дом на Кузнецком мосту — современное здание Центрального дома работников искусств, ул. Пушечная, д. 9/6;
- Воробьёвы горы, где находился пересыльный пункт и тюремная больница;
- Рогожская застава — полуэтап для каторжников перед Владимирским трактом;
- Бутырская тюрьма, где началось служение Ф.П. Гааза людям;
- больницы Москвы, где Ф.П. Гааз работал (4-я Градская, Старо-Екатерининская, Преображенская и Екатерининская богадельни, Покровские казармы);
- здание бывшей Полицейской больницы по адресу Малый Казенный, д. 5, стр. 5 — последнее детище и пристанище, где доктор Гааз закончил свои дни и во дворе которой установлен памятник ему работы скульптора Н.А. Андреева;
- могила доктора Гааза — расположена на Немецком (Введенском) кладбище, куда до сих пор ходят люди поклониться «святому доктору».

Литература

1. Pfeifer K. ARZT und Christ. Das Berufsethos von Friederich Joseph Haass (1780–1853): Dissertation. Regensburg; 2010. 139 p.

2. *Копелев Л.* Святой доктор Фёдор Петрович Гааз. СПб.: Петро-РИФ, 1993. 190 с.
3. *Мирский М.Б., Блохина Н.Н.* Научный вклад доктора Гааза // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 2004. № 1. С. 49–53.
4. *Блохина Н.Н.* Вклад врача-гуманиста Ф.П. Гааза в медицинскую науку и практику: Автореф. дис. ... канд. мед наук. М., 2004. 21 с.
5. *Sutamille.* Decouverte sur la croup seu L'astma synanchicum acutum. М., 1817.
6. *Beitrag zuden Zeichen des Coups.* М., 1818.
7. *Рахматуллин Р.Э.* Две Москвы, или Метафизика столицы. М.: АСТ; Олимп, 2008. 704 с.
8. *Давыдов Б.Б.* Документы РГВИА о Ф.П. Гаазе. Архивоведение и источниковедение отечественной истории. М., 1997. С. 207–208.
9. *Воскресенский А.Е.* Город Старая Русса и его соляно-минеральные источники в медико-топографическом, физико-химическом и врачебном отношениях, с приложением плана города. СПб., 1839. 298 с.
10. *Кони А.Ф.* Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк (репринт). Изд-е 3-е. СПб., 2003. 184 с.
11. *Пучков С.В.* К характеристике доктора Ф.П. Гааза. М., 1910.
12. *Варжапетян В.* Тринадцатая страсть / Сб. «Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе». М.: Древо добра, 2002. 544 с.
13. *Гай Т.* Доктор Гааз. Мир Культуры, 2018. Доступно по: <http://mirkultura.ru/doktor-gaaz-tina-gay/>

Глава 2.

Главный врач Москвы и московских больниц

Лобанов А.Ю., Щемелева Н.Ф.

Московский областной научно-исследовательский
клинический институт им. М.Ф. Владимирского,
Москва, Российская Федерация

Московский клуб друзей Ф.П. Гааза,
Москва, Российская Федерация

27

Благодаря приглашению княгини В.А. Репниной (урожденной Разумовской) Фридрих Иозеф Гааз прибыл в Россию в 1806 году и остался в Москве (из-за новых служебных назначений главы семьи). Необходимость в медиках в Москве была острейшей. Немецкий врач тут же получил обширную частную практику. Уже тогда прекрасное образование и философский склад ума, хорошая память и немецкая педантичность, а также воспитанность и внимание к пациенту сделали молодого док-

Ф.П. Гааз у постели больного. Иллюстрация Е. Самокиш-Судковской к книге Ф. Кони «Федор Петрович Гааз. Биографический очерк»

тора знаменитым среди москвичей. Вначале среди состоятельных и богатых — аристократов, чиновников, купцов, с которыми Фридрих Гааз общался не просто как врач, а вел обстоятельные беседы, объясняя подробно причину болезни и действие назначаемых лекарств. Он был внимателен не только к больному, призвавшему его на помощь, но и к его родным, домочадцам. Доктор давал дельные советы по предупреждению заболеваний впредь, объяснял основы гигиены. Многих он привлекал как ученый собеседник, сведущий в философии, естественных науках и богословии. Не многие дворяне в Москве знали немецкий язык, но Гааз свободно говорил по-французски «с едва приметным шепелявым немецким акцентом» [1]. Это был главный язык российского дворянства, так как, с одной стороны, именно Франция была законодательницей образа дворянской жизни, с другой — простолюдинам незачем было знать, о чем говорят господа. С коллегами Фридрих Иосиф общался на латыни и родном немецком. Ведь многие врачи в России конца XVIII – начала XIX века были иностранцами, и чаще всего — немцами.

Энергичный и способный молодой врач быстро освоился, начал учить язык и вскоре стал говорить по-русски. Вначале плохо и через переводчика, но постепенно все лучше и лучше. Обширная практика стала приносить ему хороший доход и материальное благополучие. Фридрих постепенно обзавелся собственным домом и выездом. А.Ф. Кони писал, что «белоснежные рысаки обеспечивали ему чуть ли не лучший выезд в Москве».

Московед В.А. Никольский в 1920-х годах писал: «С угла Рождественки, по правой стороне Кузнецкого моста, начиналось громадное владение Салтычихи» [2]. Здесь, в глубине двора, был поставлен в XVIII веке дом Д. Салтыковой — «мучительницы и душегубицы», замучившей до полутораэта крепостных. Этот огромный дом, пример традиционно аристократической недвижимости, выходивший окнами на три улицы, знаком нашим современникам по расположившейся внутри его периметра станции метро «Кузнецкий мост». После суда над Д. Салтыковой дом переходил из рук в руки, меняя владельцев. В начале XIX века его приобрел Ф.И. Гааз. Также молодой доктор купил имение в подмосковных Тишках с суконной фабрикой.

Христианская католическая вера и воспитание, философско-богословский взгляд на жизнь, несмотря на материальное благополучие, постоянно подвигали доктора к помощи не только богатым, но и малоимущим жителям города. Он регулярно посещал приюты и богоугодные заведения, Екатерининскую и Преображенскую богадельни, где бесплатно лечил бедных больных, давал добрые советы или просто разговаривал на христианские темы, врачуя если не тело, то душу человека добрым и мудрым словом. Это было в диковинку, ведь ученый человек, не бедный, воспринимаемый народом как дворянин, никому не отказывал в помощи, не чинился, не чванился ни ученостью, ни дружбой с сановниками, не напускал на себя таинственности. И вскоре немецкого доктора люди стали называть по-русски — Фёдором Петровичем. Его узнавали на улице: «Высокий, чуть сутулый — почти ко всем собеседникам приходилось наклоняться, — он всегда был в черном фраке с белоснежным кружевным жабо, в коротких панталонах, черных шелковых чулках и башмаках с блестящими стальными пряжками. Первое время носил паричок с косичкой, потом стал гладко причесываться, стригся коротко без модных зачесов и коков. Светло-голубые выпуклые глаза на всех смотрели прямо, внимательно и приветливо» [1].

Доктор Гааз по возможности помогал всем и шел туда, где в нем нуждались. Как пишет Л.З. Копелев, ссылаясь на рассказы родных княгини Ростопчиной: «В кадетском училище начались поварьные заболевания глаз. Гааз больше недели не выходил из училища. Сам промывал глаза, делал примочки, смазывал, ставил компрессы» [3].

Вести о способном молодом враче дошли до царского двора. По ходатайству вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны 4 июня 1807 года император Александр I назначает Ф.П. Гааза главным доктором Московской Павловской больницы (ныне 4-я Городская клиническая больница), считавшейся в то время одной из образцовых. Указ гласил: «По отличному одобрению знания и искусства доктора медицины Гааза как в лечении разных болезней, так и в операциях Ея Императорское Величество (императрица Мария Фёдоровна) находит его достойным быть

определену в Павловской больнице над медицинской частью главным доктором» [4].

Стоит упомянуть, что Мария Фёдоровна — супруга императора Павла I, Указом от 12 ноября 1796 года была поставлена им во главе Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института), что положило начало ее опеки над различными российскими филантропическими учреждениями, такими как инвалидный дом Шереметьевой в Москве, Павловская и Голицынская больницы, Обуховская больница в Петербурге, а позже (1803 г.) две больницы для бедных в Москве и Петербурге, получившие в честь благотворительницы и попечительницы в связи с ее кончиной в 1828 году название Мариинских. Всего в ведении Марии Фёдоровны с 1796 по 1828 год находилось 39 различных учреждений.

Павловская больница была названа так в честь избавления цесаревича Павла от тяжелой болезни и построена по обету, данному его матерью — императрицей Екатериной II. Со дня открытия больницы в 1763 году она имела 25 коек. Количество больных, нуждающихся в поступлении в больницу, обычно превышало ее возможности. В указе Сената от 1768 года регламентировался профиль больных, поступавших в Павловскую больницу; в нее принимали только излечимых, «ибо в противном случае больница будет походить на богадельню» [5]. Только в начале XIX века число коек выросло до 75. Безденежных больных в Павловскую больницу принимали по специальному билету, выданному ее директором.

Авторитет Павловской больницы как лечебного учреждения обуславливался тем, что ею руководили опытные, знающие врачи. В 1763–1765 годах это был доктор медицины Г. Леклер, в 1776–1777 годах — профессор анатомии и хирургии доктор медицины И.Р. Эразмус, в 1777–1779 годах — профессор физиологии и патологии доктор медицины И. Вейс.

Ко времени вступления Ф.П. Газа в должность главного доктора (1807 г.) больница располагалась в трехэтажном каменном корпусе, построенном архитектором М.Ф. Казаковым на месте сгоревшего в 1784 году большого деревянного корпуса. В больнице находилось 75–100 больных. В обязанности

Ф.П. Гааза, кроме административной деятельности, входило оказание консультативной помощи старшим и младшим ординаторам. Ф.П. Гааз ежедневно проводил утренний обход всех больных, днем участвовал в консилиумах, его трудовой день заканчивался вечерним обходом тяжелых больных. В обязанности главного доктора также входило наблюдение за аптекой больницы, контроль за качеством приготовляемой для больных пищи, назначение при необходимости вскрытия умерших, «если род болезни или обстоятельства смерти потребуют анатомического исследования» [5]. Вскрытия производились с согласия родственников умерших. Ф.П. Гааз предоставлял месячные, годовые отчеты почетному опекуну, управляющему больницей, а также инспектору по медицинской части, во врачебную управу и в больничную контору для составления общей отчетной ведомости.

Стоит отметить, что уже в то время, являясь наблюдательным и вдумчивым врачом, Фёдор Петрович понял необходимость создания подобия неотложной или скорой помощи. В 1811 году, по его распоряжению, в Павловской больнице к постоянным койкам были добавлены две «запасные сверх комплекта» для «внезапно упавших, переломавших ноги или раздавленных» [5].

Получив должность главного врача Павловской больницы, Фёдор Петрович продолжал заниматься частной практикой и посещать богадельни, оказывая помощь всем нуждающимся.

Особенно многих пришлось ему лечить в Екатерининском богаделенном доме. До 1787 года Екатерининская богадельня размещалась на территории Старо-Екатерининской больницы на 3-й Мещанской улице (ныне ул. Щепкина, территория МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского). Ф.П. Гаазу еще предстоит не только работать в Старо-Екатерининской больнице, но и быть ее главным врачом. В 1787 году ряд заведений благотворительного комплекса Старо-Екатерининской больницы, включая богадельню и смирительный дом, переводятся в здания бывшей парусинной фабрики, построенной еще Петром I в 1697 году на правом берегу реки Яузы в Матросской слободе

(ныне восточный конец современной улицы Матросская Тишина). Весь этот конгломерат разнородных заведений получает название Екатерининской богадельни, а в народе ее называют по месту расположения Матросской богадельней. Богадельня разместилась в двухэтажных строениях, в плане образующих квадрат. В конце XVIII века рядом были построены «долгауз» — Преображенская психическая больница и смиренный дом (ныне тюрьма на улице Матросская Тишина).

Добросовестная служба Ф.П. Гааза была высоко оценена почетным опекуном Павловской больницы А.М. Луниным, который в своем годовом отчете (1808 г.) императрице Марии Фёдоровне называл Ф.П. Гааза одним из тех, кто способствовал порядку в больнице. «Долгом поставляю по справедливости в особенности похвалить смотрителя Носкова и доктора Хааза, которые отличной попечительностью и усердием о больничном порядке вообще споспешествовали» [5].

В письме императрицы Марии Фёдоровны к почетному опекуну Павловской больницы А.М. Лунину, написанном 3 апреля 1809 года, имеются сведения о том, что Ф.П. Гаазу удалось поставить лечебную работу в Павловской больнице на высокий уровень: «Приехавшие из Москвы разные особы, видевшие и хвалящие наши заведения, восхищаются содержанием Павловской больницы» [5].

Во время службы в Павловской больнице Фёдор Петрович Гааз перенес две больничные лихорадки. В связи с плохим самочувствием попросил отпуск и совершил две поездки на Северный Кавказ для изучения лечебных свойств и в поисках новых источников минеральных вод, о которых он узнал от офицеров, возвращавшихся с Кавказской войны. Уроженец немецкого курортного города, он, как никто другой, знал о целебном действии минеральных вод. В книге, посвященной этим поездкам, он напишет: «Самый поразительный феномен минеральных вод — это множество, своеобразие и разнообразие болезней, исцеляемых ими» [6]. Эти путешествия оставят значительный след в истории отечественной курортологии. Вокруг открытых Гаазом источников возникнут известные курорты — Железноводск, Пятигорск, Ессентуки и Кисловодск.

Первая короткая поездка состоялась в 1809-м, а вторая — в 1810 году [7]. Доктор Гааз открыл и подробно исследовал несколько источников минеральных вод — сернокислых, серно-щелочных и железистых. По приезде из второй поездки на Кавказ Ф.П. Гааз обработал свои путевые дневники и в 1811 году издал книгу под названием «Ma visite aux eaux D'Alexandre en 1809 et 1810» («Мое путешествие на Александровские Воды в 1809–1810 годах»), в которой уделил большое внимание изучению климатических условий Кавказа и составу минеральных вод. Книга была написана и издана на французском языке [6].

На время поездок Ф.П. Гааза на Кавказ обязанности главного врача Павловской больницы исполнял Христофор Фёдорович Оппель (1768–1835) — известный в начале XIX века врач, прадед выдающегося отечественного хирурга профессора В.А. Оппеля (1872–1932). В 1803–1830 годах Х.Ф. Оппель руководил одной из крупнейших в стране городских больниц — Московской Марининской больницей для бедных.

За усердную работу в Павловской больнице и труды по исследованию Кавказских целительных источников Ф.П. Гааз в 1811 году получил чин надворного советника и орден Святого Владимира 4-й степени. С этим орденом Фёдор Петрович никогда не расставался, гордился им и носил в петлице фрака до конца жизни.

Одним из важных мероприятий Ф.П. Гааза в Павловской больнице было использование им для ухода за больными женского персонала. Первую попытку использования женского труда в госпиталях и лазаретах в России сделал еще Петр I, который указом от 1722 года повелел в штате 3 госпиталей — Санкт-Петербургского, Котлинского и Ревельского — «иметь по одной старице и по одной помощнице ей для надзора за бельем и госпитальными работницами» [4]. По указу Сената от 17 июля 1724 года из Псковского Вознесенского монастыря в Ревельский госпиталь была направлена монахиня Августина, которой была выделена помощница Евпраксия. После смерти Петра I использование женского труда в лечебных учреждениях прекратилось. В начале XIX века императрица Мария Фёдоровна, под покровительством которой находились благотворительные учреж-

дения России (воспитательные дома, больницы, вдовьи дома), из-за нехватки в лечебных учреждениях ухаживающего персонала вновь поставила вопрос о женском труде в них, мотивируя это тем, что по сравнению с мужчинами «всегда женщина к обхождению с больными попечительное и нежнее», о чем и сообщила в 1803 году в письме к почетному опекуну Московской больницы для бедных А.И. Муханову [4].

Спустя пять лет, в 1808 году, императрица Мария Фёдоровна писала почетному опекуну Павловской больницы А.М. Лунину: «Находя представление ваше о перемене прислуги в Павловской больнице под именем хожатых, прачек и т.п. весьма основательным, я тем охотнее на оное соглашаюсь, как я в здешней Больнице для бедных сама вижу, сколь успешна служба у больных наемными женщинами исправляется, и только нужно строгое наблюдение, чтобы оказывающихся негодными сменять без пощады» [4].

В приложении к изданию «Пятидесятилетие IV отделения собственной ее Императорского величества канцелярии 1828–1878» сообщаются следующие сведения: «Для улучшения ухода за больными по инициативе императрицы Марии Фёдоровны в 1808 году в Павловской больнице в Москве вместо состоявших для ухода за больными инвалидных солдат и жен их поставлено определить по найму исключительно женскую прислугу — сидельниц, вместо поваров иметь кухарок» [4]. Таким образом, Ф.П. Гааз был одним из первых в Москве главных докторов, привлечших женщин к уходу за больными. Им впервые в штатное расписание больницы был включен женский обслуживающий персонал.

В 1812 году в России началась война с Наполеоном, и Фёдор Петрович стал военным врачом. В составе русского войска (полковым врачом) дошел до Парижа. В 1814 году, после окончания войны, он приехал в родной город Бад-Мюнстерайфель к умирающему отцу. Мать и братья упрашивали Гааза остаться в Германии, но доктор ответил, что слился душой с русским народом, понял и полюбил его. После смерти отца в 1815 году Фридрих Иозеф Гааз навсегда покинул первую родину и более никогда не выезжал за пределы Российской империи.

Когда Гааз вернулся в Москву, обнаружилось, что он в совершенстве выучил русский язык. Со временем Гааз овладел русским языком так, что сам поправлял русских чиновников.

По возвращении Фёдор Петрович Гааз завоевал любовь москвичей как прекрасный доктор, превосходный интернист, а также искусный хирург и окулист. Он становится известен не только в Москве: среди его пациентов было много влиятельных людей и знати со всей России. Генерал Ермолов специально приезжал к Фёдору Петровичу с Кавказа, чтобы посоветоваться относительно своих болезней.

К этому периоду относятся две книги Фёдора Петровича, посвященные исследованию диагностики и лечения крупа, эпидемия которого возникла в России в 1813–1818 годах. Первая книга «Открытие крупа, или острой удушающей астмы» (*Decouverte sur la croup seu L'astma synanchicum acutum*) была опубликована им в 1817 году под псевдонимом Sutamilli и являлась не только сборником личных наблюдений, но и квинтэссенцией всего, что было известно и опубликовано по данной проблеме до этого времени. Книга была написана на французском языке. Второй труд был опубликован в 1818 году и назывался «Сообщение о признаках крупа» (*Beitrag zu den Zeichen des Croups*). Это первые книги и первые фундаментальные работы в области исследования крупа в России. Обе работы имели положительные отзывы в трудах московского Физико-медицинского общества за 1821 год [8, 9].

В 1820 году Москву возглавил светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844). Он в течение 24 лет, вплоть до своей кончины, управлял Москвой в качестве военного генерал-губернатора. Князь много сделал для города, практически восстановив его после разрушения Наполеоном и великого пожара 1812 года.

Дмитрий Владимирович Голицын уделял большое внимание здравоохранению управляемого им города. Именно благодаря ему в Москве будут открыты еще несколько больниц — Ново-Екатерининская, Голицынская и, конечно же, Гаазовская (Александровская). Но об этом чуть позже...

Вместе с назначенным на должность князем в Москву приезжает и его семейный доктор Андрей Иванович Поль, будущий лучший друг Ф.П. Гааза, а по его кончине — душеприказчик. А.И. Поль родился в Петербурге в 1792 году 2 февраля по старому стилю. Немец по происхождению, он окончил Императорскую Медико-хирургическую академию, работал в Обуховской больнице волонтером. Позже он стал личным врачом секретаря императрицы Марии Фёдоровны — М.И. Полетика (1768–1824), который принадлежал к числу образованнейших людей своего времени, отличался добротой и высокими нравственными качествами, был отмечен орденом Св. Анны 1-й степени и вышел в отставку в высоком чине действительного статского советника. А.И. Поль выезжает с ним за границу на два года, где продолжает свое обучение, посещая университеты и больницы Вены, Берлина, Парижа, Лондона, Неаполя. Вернувшись в Россию, А.И. Поль становится домашним врачом семьи князя Голицына. Фёдор Петрович часто посещал дом Дмитрия Владимировича Голицына как врач и как добрый знакомый. Он был частым собеседником широко образованного князя. Как указывает в своей книге Л.З. Копелев, «Фёдор Петрович постоянно бывал в доме князя» и был «другом семьи». Именно там Фёдор Петрович познакомился с А.И. Полем [10].

В 1820 году Андрей Иванович Поль в Москве в Медико-хирургической академии с успехом сдает экзамены на звание доктора медицины и возглавляет самую большую московскую гражданскую больницу для беднейших слоев населения — Екатерининскую (ныне ГБУЗ МО «Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского»). На тот момент в Москве было всего две гражданские больницы — Павловская и Екатерининская, а также созданный Петром I военный госпиталь.

В 1825 году Д.В. Голицын, оценив труд Фёдора Петровича на посту главного-врача Павловской больницы, решает назна-

Друг и коллега
Ф.П. Гааза —
доктор А.И. Поль

чить его штатт-физиком Москвы, то есть главным городским врачом.

Еще в 1733 году Медицинской канцелярией в Москве и Петербурге были учреждены физикаты — первые органы управления городским медицинским делом. Их возглавляли опытные врачи, в обязанность которых входило наблюдение за народным здоровьем, принятие медико-полицейских мер, наблюдение за вольнопрактикующими врачами, надзор за аптеками, оказание бесплатной помощи больным, имеющим право на казенное пособие, и запрещение медицинской практики тем, кто не имел на это права.

Главное аптекарское и медицинское управление в то время находилось в храме Успения Пресвятой Богородицы на Покровке (снесенном в советское время).

Картина, представившаяся взору Фёдора Петровича, была ужасна: «Везде не хватало кроватей, белья, перевязочных средств, лекарств, дров, питания» (Л.З. Копелев). Со свойственной ему энергией, Фёдор Петрович взялся за порученное ему дело. Он не просто проводил заседание членов физиката, а сделал их регулярными. Он лично объезжал и проверял вверенные ему учреждения. При нем была наведена чистота и порядок во всех вверенных медицинских учреждениях, богадельнях и аптеках. Были исправлены многие недочеты в больницах, починили аптекарские склады, страдающие от нашествия мышей и крыс. Завели кошек, на которых было выделено довольствие. У Гааза появилось множество недоброжелателей: раньше лекарства можно было воровать и списывать на мышей, а тут вдруг все упрядочили с немецким педантизмом.

В это время Фёдор Петрович внес ряд предложений по организации медицинского обслуживания населения города. Он постоянно ходатайствовал о многих, по тем временам передовых, но непонятных чиновникам нововведениях. А.Ф. Кони пишет, что Гааз внес в Медицинскую контору предложение о необходимых мероприятиях по оказанию городскому населению «немедленной» помощи в случаях внезапного заболевания. Им было предложено также учредить особого врача для наблюдения за внезапно заболевшими, нуждающимися в немедленной

помощи, по примеру Гамбурга, в котором за 18 лет, начиная с 1808 года, благодаря такой помощи было спасено 1677 человек «из 1794, близких к скоропостижной смерти» [4]. Гаазом были предложены особые врачи для помощи внезапно заболевшим или больным и умирающим, найденным на улицах. Но это предложение не получило отклика у властей. Медицинская контора посчитала это излишним, так как в каждой части Москвы имелся «положенный по штату лекарь».

Гааз предлагал упорядочить продажу «секретных» средств и облегчить русским изобретателям возможность применения и сбыта придуманных или найденных ими полезных средств.

Фёдором Петровичем были составлены правила для освидетельствования психически больных, в соответствии с которыми предварительные сведения о них (история жизни больного, характер и признаки болезни) следовало получать от родных.

Он считал необходимым также бороться с предрассудками, связанными с оспопрививанием. По словам Ф.П. Гааза, еще нередко встречались врачи, полагавшие, что «нецелесообразно природе человеческой заимствовать оспенную материю от животного, опасаясь от сего какого-то повреждения в здоровье, даже некоторого худого влияния на самую нравственность» [4]. Доктор Гааз, опасаясь эпидемии оспы, предложил особые меры к расширению оспопрививания. Но и это предложение было оставлено без внимания.

А.Ф. Кони указывал, что чаще всего Фёдору Петровичу, являвшемуся главным врачом (штадт-физиком) Москвы, отказывали, ссылаясь на «ненужность» или «несвоевременность» предложенных мер. Он постоянно ощущал нежелание выделять денежные средства на помощь страждущим, и поэтому, не раздумывая, платил сам.

Фёдор Петрович обратил внимание членов физиката на то, что в период с 1822 по 1825 год было отказано во врачебном приеме 2774 больным — крепостным помещичьим людям — из-за отказа установить плату за их лечение с их владельцев в размере 5 рублей в месяц. Из-за этого с 1815 года в Екатерининской больнице были упразднены 50 коек, предназначенные для таких больных. Он просил о восстановлении платы и коек, но просьба была «доведена до сведения по принадлежности» и осталась без

ответа. Отчаявшийся Ф.П. Гааз, чтобы помочь хоть немногим, давал на их лечение свои деньги. Многие нововведения он оплачивал из собственных средств, постепенно лишаясь того, что заработал частной практикой. Появились недовольные, а затем на слишком рьяно относящегося к своим обязанностям штатт-физика начались доносы.

Гааз предлагал расширить коечный фонд Старо-Екатерининской больницы, однако руководство Медицинской конторы на это не согласилось. Придирались даже к происхождению Фёдора Петровича. А.Ф. Кони пишет, что инспектору медицинской конторы Добронравову не понравилось иноземное происхождение Гааза. В своем замечании он указал, что «конторе неизвестно, какими путями достиг, будучи иноземцем, доктор Гааз чинов». Придирик и злобы оказалось очень много.

Ф.П. Гааз не выдержал и в 1826 году уволился, решив, что больше пользы принесет простым врачом. Но Фёдора Петровича не оставили в покое. Некоторые судебные тяжбы, в которые его втянули в это время, длились долгие годы. Так, его обвинили в «незаконном израсходовании» 1502 рублей, хотя эти деньги были потрачены с разрешения генерал-губернатора на ремонт аптечного склада. Этот процесс длился 19 лет, «причиняя ему много волнений и неприятностей» [1]. И этот суд, и все остальные процессы доктор Гааз выиграл.

Оставив должность штатт-физика в 47 лет, Фёдор Петрович продолжил частную практику. Однако при любом случае он оказывал содействие развитию медицины города и посильную помощь всем страждущим.

А.Ф. Кони приводит такой пример. В конце 1826 года в отделении для кантонистов разразилась эпидемия глазной болезни, о которой было доложено московским комендантом генерал-губернатору. Фёдор Петрович приглашается для борьбы с болезнью, и с большим успехом выполняет возложенное на него поручение.

В 1826 году врач П.Ф. Броссе подал московскому генерал-губернатору проект об учреждении в Москве глазной больницы. Для этого был организован комитет, возглавляемый генерал-губернатором князем Д.В. Голицыным. В него вошли

известные московские врачи П.Ф. Броссе, А.Е. Эвениус, А.И. Поль, М.А. Маркус и Ф.П. Гааз [13].

Комиссия работала чрезвычайно интенсивно, и уже через пять месяцев новая больница была полностью оборудована. Ее открытие состоялось 11 июня 1826 года в доме Ланге у Никитских ворот, в Малом Кисловском переулке. Больница имела в своем составе 20 коек и комнату для приема больных. Первым главным врачом больницы стал инициатор ее создания Пётр Фёдорович Броссе, прослуживший в этой должности 31 год. Все свое жалование он оставлял в пользу созданной больницы, работая безвозмездно. Фёдор Петрович Гааз стал членом Совета глазной больницы и оставался в этом звании пожизненно. Он постоянно помогал своим опытом и знаниями, консультируя пациентов. Фёдор Петрович также оказывал клинике материальную помощь, собирая для нее пожертвования. Именно на эти деньги 8 мая 1830 года у графини Дмитриевой-Мамоновой был куплен каменный дом на углу Тверской улицы и Мамоновского переулка с мебелью и надворными постройками. С 15 ноября 1830 года глазная больница стала располагаться в этом здании, где и работает до сих пор. В 1845 году при больнице была построена домовая церковь, освященная Митрополитом Московским Филаретом в честь Христа Спасителя.

В 1830–1831 годах во время эпидемии холеры в Москве Ф.П. Гааз одним из первых откликнулся на призыв московского генерал-губернатора организовать отпор эпидемии. Из письма в Кёльн родной сестры Фёдора Петровича Вильгельмины, проживавшей с ним в Москве с 1822 по 1832 год, мы узнаем, насколько это был тяжелый период. 27 сентября (9 октября) 1830 года она пишет, что Гааз «и сам плохо чувствовал себя вчера и позавчера, но должен был выходить, потому что сейчас врачу нет покоя». Фёдор Петрович стал членом временного медицинского совета по борьбе с холерой, главным доктором Яузской временной холерной больницы.

Вскоре к Фёдору Петровичу Гаазу обратился князь Д.В. Голицын с предложением работы во вновь созданном Московском Попечительном о тюрьмах комитете, который был открыт 29 декабря 1828 года. Идею создания таких обществ императору

Александр I подал в 1818 году английский общественный деятель и филантроп Джон Венинг (1776–1858). Общество должно было заботиться о «введении и устройстве «по удобности» ближайшего и постоянного надзора над заключенными, размещении их по роду преступлений, наставлении их в правила благочестия и доброй нравственности, занятии их приличными упражнениями и заключении буйствующих в уединенное место» [1].

Московский попечительный комитет о тюрьмах возглавили генерал-губернатор князь Д.В. Голицын — глава светской власти города и митрополит Филарет — глава духовной власти. Списки состава комитета составлял собственноручно князь Голицын, неоднократно их проверяя и переделывая. Из врачей в них предложено было внести знаменитого анатома Лодера, профессоров Мудрова и Рейса.

Фёдор Петрович Гааз с радостью принял предложение, ответив письмом, в котором выражал свое горячее согласие. Оно заканчивалось словами: «*Simplement et pleinement je me rends à la vocation de membre du comité des prisons*» (франц. — *Просто и полностью отдаюсь призванию члена тюремного комитета*) [1].

За короткое время Гааз становится самым активным членом комитета и одновременно главным врачом московских тюрем, состояние которых в то время наводило ужас на очевидцев. Он с головой уходит в работу. В книге о Фёдоре Петровиче, написанной А.Ф. Кони, которую, по справедливости, считают поэмой о врачебном долге, читаем: «Несмотря на то, что филантропическая активность Гааза пришлась на время наиболее сильной бюрократической рутины, результаты его деятельности огромны».

Много и плодотворно работал Гааз над улучшением содержания заключенных, особенно в единственном на то время в Москве Бутырском губернском тюремном замке, который был построен в 1780–1790-х годах на землях, примыкавших к Камер-Коллежскому валу.

Ф.П. Гааз и его друг А.И. Поль привели в порядок тюремное здравоохранение города Москвы. Тюремная больница в Бутырской тюрьме, если ее можно было назвать больницей, существовала сначала в коридоре тюремного замка. В 1825 году, по случаю открывшейся эпидемической горячки, она была выведена

во временное отделение при Покровских казармах, где оставалась до 1830 года.

Губернская больница тюремного замка была основана в 1830 году по проекту доктора А.И. Поля и по ходатайству Ф.П. Гааза. На деньги добровольных приношений благотворителей было открыто два отделения: на 48 кроватей для мужчин и 24 кровати для женщин в тюремном замке. Строительство здания больницы стараниями господ Ханыкова и Талызина было начато за год до ее открытия. Это была пристройка в два этажа, по пять палат на каждом. С 1830 года больница состояла под покровительством Московского тюремного комитета, а доктор Ф.П. Гааз стал ее главным врачом.

Целиком на свои средства Ф.П. Гааз создал детскую больницу для детей арестантов. Всего в ведении Фёдора Петровича Гааза, как главного врача московских тюремных больниц, находились: мужская больница при тюремном замке (на 72 кровати), ее отделение для пересыльных на Воробьевых горах (открытое в 1832 г. на 120 кроватей) и помещение для больных арестантов при Старо-Екатерининской больнице.

Екатерининская больница была основана на месте чумного карантина по указу императрицы Екатерины II в 1775 году в деревянных зданиях, оставшихся со времен Московской эпидемии чумы 1770–1772 годов. Это была одна из первых граждан-

Старо-Екатерининская больница. Корпуса постройки середины XIX века

ских больниц Москвы (точнее, вторая, после Павловской). В 1830 году ее возглавил А.И. Поль, являвшийся с 1820 года семейным врачом генерал-губернатора князя Д.В. Голицына. Он настаивал на необходимости перевода больницы в более удобные помещения и создании на ее базе кафедры медико-хирургической академии. И в 1830 году для этого было найдено подходящее помещение — дом Гагарина у Петровских ворот. Здание требовало ремонта, который завершается в 1835 году. Этот год становится этапным для Екатерининской больницы. Она разделяется на Ново-Екатерининскую (у Петровских ворот) и Старо-Екатерининскую (3-я Мещанская — здания бывшего карантин). В этот сложный для Старо-Екатерининской больницы момент (из нее были переведены основной персонал и часть пациентов в Новую) ее покровителем, а затем и главным врачом становится Гааз (1835–1845 гг.). Еще не вступив в должность официально, он берет на себя обязанности руководителя клиники, как главный врач тюремных больниц.

В феврале 1835 года по распоряжению московского военного генерал-губернатора в освободившиеся (после разделения и перевода на Страстной бульвар Ново-Екатерининской) здания Старо-Екатерининской больницы были переведены из тюремного замка «по тесноте помещения оногo» больные арестантки, за что Приказ общественного призрения получал из Городских

Ново-Екатерининская больница. Фотография XIX века

денег ежегодный доход 349 рублей. В Старо-Екатерининской больнице и до этого было отделение для арестантов и арестантский двор, но сведения об их существовании документально подтверждаются только описью строений по состоянию на ноябрь 1833 года.

Также в Старо-Екатерининской больнице лечились и «неисправные должники». Как писал А.Ф. Кони, «это были бывшие арестанты, отбывшие свои сроки наказания в тюрьме, Рабочем и Смирительных Домах, но имевшие несчастье заболеть во время своего содержания под стражей». Их лечили в Старо-Екатерининской больнице, и стоимость лечения по особому расписанию вносили в счет. Когда наступал день окончания срока заключения, освобожденному предъявляли «счет, иногда очень крупный» [1]. Но откуда освободившемуся из заключения было взять деньги? Чаще всего у него не было средств уплатить по счету, и его препровождали в «яму» (долговую яму — тюрьму), «зачисляя должником казны» [12]. Срок пребывания в «яме» соотнобразывался с размером недоимки.

Гааз обратил на должников особое внимание уже в 1830 году. Он стал хлопотать об организации «искупления должников», особенно простых крепостных крестьян, выкупать которых из «ямы» помещики не желали. Фёдор Петрович внес в комитет попечительства о тюрьмах небольшой капитал, который затем увеличивался пожертвованиями. Из этого фонда ежегодно тюремным комитетом отпускалась особая сумма для выкупа несостоятельных должников из московской долговой тюрьмы. Дата выкупа, по предложению Фёдора Петровича Гааза, была приурочена тюремным комитетом ко дню кончины Императора Александра I — основателя «Попечительного о тюрьмах общества».

Фёдор Петрович поселяется на территории Старо-Екатерининской больницы. Вот текст переписки главы коронной власти Москвы и военного генерал-губернатора по поводу разрешения Гаазу жить при Старо-Екатерининской больнице: «Московский генерал-губернатор князь Голицын препровождает при сем к его превосходительству Московскому военному генерал-губернатору Николаю Андреевичу записку г. доктора Гааза о дозволе-

«Московский военный генерал-губернатор князь Голицын препровождает при сем к его превосходительству господину Московскому гражданскому губернатору Николаю Андреевичу записку г. доктора Гааза, о дозволении ему иметь жительство в Старой Екат. б-це на тот конец, что он князь Голицын желает иметь от его превосходительства Николая Андреевича сведение, можно ли изъявить согласие на удовлетворение просьбы г. Гааза. Копия, Докладная записка Московск. граждан. Губернатора № Марта ... 1835 года.

Доктор Гааз запиской, поданной к вашему сиятельству испрашивал дозволение иметь ему жительство в Старой Екатерининской больнице: ваше сиятельство изволил записку сию приказать передать ко мне с тем, чтобы я представил свое мнение можно ли согласиться на удовлетворение просьбы Гааза. Во исполнение чего честь имею донести, что в зданиях Старой Екатерининской б-цы свободные четыре комнаты, прежде занимаемые надворным советником Боголюбовым, которые занять г. Гаазу дозволить можно, о чем с возвращением записки вашему сиятельству имею честь донести».

нии ему иметь жительство в Старой Екат. б-це на тот конец, что он, князь Голицын, желает иметь от его превосходительства Николая Андреевича сведение, можно ли изъявить согласие на удовлетворение просьбы г. Гааза. ...марта 1835 г.» [14].

«Доктор Гааз запиской, поданной к вашему сиятельству, испрашивал дозволение иметь ему жительство в Старо-Екатерининской больнице. Ваше сиятельство изволили записку сию приказать передать ко мне с тем, чтобы я представил свое мнение можно ли согласиться на удовлетворение просьбы Гааза. Во исполнение чего честь имею донести, что в зданиях Старо-Екатерининской больницы свободные четыре комнаты, прежде занимаемые надворным советником Боголюбовым, которые занять г. Гаазу дозволить можно, о чем с возвращением записки вашему сиятельству имею честь донести» [14].

С 1837 года в Старо-Екатерининскую больницу из Тюремной больницы Бутырского замка были переведены арестантки с «тифозными заболеваниями, скарбутом и холерою». Это была вынужденная противоэпидемическая мера, так как тюремная больница была очень мала (72 койки).

В 1838 году в Старо-Екатерининской больнице, помимо Ф.П. Гааза, жил персонал, обслуживающий арестантское отделение. В 1839 году из переписки попечителя Преображенской больницы мы узнаем, что в Старо-Екатерининской больнице лечились даже психически больные.

Больница становится, по сути, Полицейской. В отчете Московского полицмейстера за 1838/1839 год в статье, озагла-

ленной «Больницы» под рубрикой «Казенные», Старо-Екатеринская на 150 коек больница указана отдельно. Смотритель Старо-Екатерининской больницы Боголюбов систематически направляет в Приказ общественного призрения списки «находящихся в зданиях Старо-Екатерининской больницы на жительстве чиновников и другого звания людей». И изучая их, мы вновь сталкиваемся с людьми, защищаемыми Фёдором Петровичем. Так, например, 28 января 1838 года Боголюбов рапортует Приказу общественного призрения, что «по снисхождению г. доктора Гааза принята на пользование в состоящую при сих зданиях заведому им больницу <...> прапорщица вдова Ирина Евсеева Трыкина <...> отроду ей более семидесяти лет, находится в слабости и в недавнем времени сделалась весьма больною <...> законного же письменного пашпорта при ней не состоит, ибо данный ей после неприятельского нашествия из здешнего губернского Правления пашпорт якобы был у дочери ея и после не нашелся» [14].

Тогда же, в 1838 году, в списках живущих в больнице под пунктом 8 мы находим воспитанника Фёдора Петровича — это «еврей Лейб Маркович Норшек Виленской губернии, Тишковского уезда местечка Полуныян, о коем и дело производится в консистории о крещении его в христианскую веру», о своем звании он имеет «билет, данный из канцелярии г-на Московского Военного генерал-губернатора и Кавалера. Генваря 12 числа 1838 году за № 161...» [14]. О нем мы расскажем вам немного позже.

Для арестантов во флигеле № 10, как свидетельствует «опись, учиненная при здании Старо-Екатерининской больницы ...» в 1837 году Гаазом, во время пребывания арестантов были сделаны деревянные нары большие и малые в количестве семи.

В 1839–1840 годах в связи с эпидемией тифа в Бутырской тюрьме арестантское отделение при Екатерининской больнице было расширено до 400 кроватей. После ликвидации этой

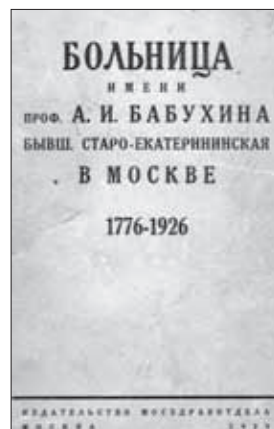
8	Еврей Лейб Марков Норшек — Виленской губернии, Тешевского уезда местечка Полуныян о коем и дело производится в консистории о крещении его в христианскую веру.	Билет данный из канцелярии г-на Московск. Воен. генерал-губернатора и Кавалера Генваря 12 числа 1838 г. за № 161. Спросить при каком занятии проживает.
---	--	---

эпидемии организованный тюремный лазарет опустел, и его хотели закрыть. Ф.П. Гааз, помня свое стремление в бытность штаб-физиком Москвы организовать подобие скорой медицинской помощи в Москве, выпросил у князя Голицына распоряжение оставить освободившиеся койки для таких пациентов. Это были люди, которых на улицах подбирала полиция и привозила в полицейские части для кратковременного содержания или «вытрезвления». Нередко они страдали различными заболеваниями, как тогда «заразительными и прилипчивыми болезнями». Чтобы прекратить распространение в городе этих болезней эти, подчас «беспризорные» больные и были помещаемы в бывшее Арестантское отделение при Екатерининской больнице.

В 1929 году в сборнике, посвященном 150-летию юбилею Старо-Екатерининской больницы (в тот период им. А.И. Бабухина), главный врач В.Н. Рябинкин писал: «Доктор Ф.П. Гааз <...> первым оценивает положение рабочего люда и вопреки установленному правилу понемногу начинает принимать и лечить в Старо-Екатерининской больнице всех, кому в других больницах нет места» [14]. В том же сборнике в перечислении врачей, служивших в Старо-Екатерининской больнице, указано «Гааз Фёдор Петр. 5-й Главн. врач арестантской, полицейской, тюремной и чернорабочей больниц», что связано с изменениями функций больницы за этот период. Больница постепенно меняла или совмещала свое функциональное назначение, при этом Фёдор Петрович продолжал выполнять обязанности ее главного доктора неформально.

С.В. Пучков — последователь Гааза и его приемник в будущей Полицейской больнице в Малом Казенном переулке — пишет: «В 1840 году Губернатор Сенявин предложил Гаазу занять место Главного доктора Екатерининской больницы (т.е. Старо-Екатерининской). Фёдор Петрович отклоняет это предложение, «чувствуя себя не в состоянии оному удовлетворить». Затем с той же просьбою обратил-

Сборник, посвященный 150-летию юбилею Старо-Екатерининской больницы

ся к нему Московский генерал-губернатор князь А.Г. Щербатов. По этому поводу Гааз пишет: «Столь величайшая честь не могла преодолеть глубокую сознательность о несовершенствах моих и мое твердое намерение не увлекаться никакими земными похотениями». Но все же, уступив настоятельным просьбам князя Щербатова, Гааз в том же году занимает должность главного врача всей Старо-Екатерининской больницы.

Видя, что больница разрушается, Ф.П. Гааз деятельно принимается за ее реставрацию и модернизацию. В 1840 году Гааз просит отпустить ему кирпич «для производимых Тюремною больницей починок», какой «безденежно», а какой «по той цене, за какую будет продан». Он запасает не только кирпич, но и доски, и другой строительный материал, как пишет смотритель больницы Боголюбов, «чтобы употребить на сделание от дома к церкви Трифона через пруд <...> моста, прочие же на исправление и поддержание <...> ветхих строений», а также для «пристройки для арестантской больницы» [7]. Фёдор Петрович занимается устройством в Старо-Екатерининской больнице водопровода, частично тратя свои средства. Окончив его сооружение, Гааз обращается к генерал-губернатору с ходатайством о возврате 1500 рублей израсходованных им на сооружение водопровода: «На это дело я употребил все свои средства, и мне трудно даже заимствоваться деньгами у других» [14].

Ф.П. Гааз производит перепланировку двора больницы, снос самых ветхих построек и ремонтные работы тех бараков и корпусов, которые еще можно сохранить. Чтобы избежать завышения расходов на ремонт и устранить возможные злоупотребления подрядчиков при постройках, он в 1842 году ходатайствует, чтобы его самого назначили подрядчиком проводимых работ. Ф.П. Гааз пишет в прошении: «Я подчиняю себя всем обязанностям подрядчика». При этом чтобы конкурирующие подрядчики не перекупили право производить постройку, в 1843 году Гааз заявляет о снижении сметы на 8 рублей серебром против цены, «заявленной подрядчиками при переторжке».

По-прежнему Гааз тратит, кроме отпускаемых в его распоряжение сумм, свои собственные средства, а также деньги, по-

лучаемые от своих добрых друзей. Разницу между заявленной и действительной ценой стройки он вновь покроем из своих средств. Зато в чумных бараках XVII века появятся современные ванны с подогревом воды, ретирады (отдельные туалеты): «Ретирады так устроены, что осматривавшие их члены Комитета могли в них пить чай, когда ретирады были в полном действии» [14]. Была перестроена кухня, выстроены часовня и комната для анатомии, «по свидетельству знатоков, самая лучшая в Москве». Гааз надеялся, что в больнице будет как на лучших зарубежных курортах и в лечебницах проводиться лечение природными факторами (физиотерапия). Он устроил в больнице шкаф для серных ванн, различные души, минеральные и дождевые ванны.

Наивный, так и не изменившийся «наивный немец»: все его нововведения разберут и выкинут после открытия «чернорабочей больницы» (в 1845 г.), ибо незачем низшему классу принимать серные ванны... Преемник Гааза на посту главного врача Старо-Екатерининской больницы в своем официальном отзыве на запрос по поводу этого пишет: «Все сии вещи необходимые для серных и обыкновенных ванн, коих устройство г. Гааз находил нужным, при замещении зданий больницы больными из чернорабочего класса людей, оказались лишними» [14]. А Фёдор Петрович Гааз, ставший в это время главным врачом Полицейской больницы (в Малом Казенном переулке), опять думает о людях: «Мне кажется, чернорабочая больница не может тяготиться хранить такие вещи, ибо при другом размещении может понадобится устройство душа и дождевых ванн, столь прославленных ныне везде в Европе» [4]. Именно в это время в Австрии, Германии, Франции, Чехии открываются крупнейшие курорты, как мы теперь говорим СПА. Но Европа нам не указ...

Даже воспитанник Гааза доктор Норшин оценил проводимые нововведения как устройство больницы, предназначенной исключительно «для женщин».

Ф.П. Гааз ввел в Старо-Екатерининской больнице общие обходы больных, в которых вместе с ним участвовали все врачи, фельдшера и впервые введенные им сиделки мужских палат.

При Фёдоре Петровиче в 1843 году дороги вокруг зданий Старо-Екатерининской больницы были вымощены камнем.

В Старо-Екатерининской больнице с Гаазом произошел один знаменитый случай. Однажды перед обедом к нему пришел больной. Фёдор Петрович принимал многих нуждающихся прямо в бараке, где проживал — так, кстати, поступали и многие другие врачи. И когда Гааз на минутку отлучился, в комнате не оказалось ни больного, ни серебряных приборов, лежащих на столе. Сторож и солдаты задержали вора, и пошли за полицией. Пользуясь их отсутствием, Гааз сказал вору: «Ты фальшивый человек, ты обманул меня и хотел обокрасть. Бог тебя рассудит, а теперь беги скорее, пока солдаты не воротились; но старайся исправить свою душу — от Бога не уйдешь, как от будочника». Возмущенным домочадцам он ответил: «Воровство — большой порок. Но я знаю, как истязает полиция; да и почему знать, может мой поступок тронет его душу» [11].

В начале 1843 года московский гражданский губернатор Иван Григорьевич Синявин обратился к исполняющему обязанности военного генерал-губернатора Алексею Григорьевичу Щербатову с просьбой ходатайствовать перед правительством об учреждении в Москве «чернорабочей больницы». В его прошении говорилось: «Имея в виду, что все больничные заведения в Москве, доступные для простого класса, бывают полны во всякое время года, и в каждом из этих учреждений ежедневно получают отказ в принятии по несколько десятков человек больных, так что рабочие, не находя себе здесь приюта, удаляются из столицы в болезненном состоянии и мрут дорогою, не достигая своих селений».

Государственный совет, рассмотрев ходатайство и представленные положения о больнице, 7 июля 1843 года постановил учредить в Москве больницу «для чернорабочего класса людей». Одновременно был установлен особый сбор по 70 копеек серебром в год с каждого чернорабочего, проживающего в Москве. В Уставе о паспортах свода законов (том XIV, параграф 416) было записано:

а) Сбору подлежат все записавшиеся в Московской конторе адресов мастеровые, фабричные, и вообще лица, употребляемые

для работ при разных заведениях торговой, мануфактурной, заводской, ремесленной промышленности; также люди, в услужении находящиеся, именно: лакеи, кучера <...>.

б) Все по 431-й статье записавшиеся в конторе адресов, как-то: мостовщики, землекопы, каменщики, печники, плотники, штукатуры, поденщики, извозчики.

Это были люди, относящиеся к «чернорабочему классу». Каждый прибывший в Москву чернорабочий мужского пола или женского должен явиться в контору адресов со своим паспортом, внести установленную плату и получить адресный билет в установленной форме. Без такой регистрации «жительство в Москве людям сего рода не дозволялось» [14].

Около года арестантская и чернорабочая больница сосуществуют на одной территории. С.В. Пучков пишет. «В 1844 году в тех же зданиях Старо-Екатерининской Больницы открыта вновь больница на 200 кроватей для людей из класса чернорабочих. Таким образом, в зданиях Старо-Екатерининской больницы помещались две больницы: одна под именем арестантской на 400 коек (в ней заключались отделения для больных собственно арестантов тюремного замка, для больных Работного Дома на 100 кроватей и для больных бесприютных), а другая на 200 кроватей для больных «чернорабочего класса». Вместе с тем бывшим тогда Московским военным генерал-губернатором князем Щербатовым предписано было, чтоб в арестантскую больницу принимать «уже только тех бедных больных, которые не подходят к классу чернорабочих».

В 1845 году здания Старо-Екатерининской больницы полностью «поступают под помещение больницы для чернорабочего класса людей» [14]. С этого момента чиновники приказа общественного призрения лишаются права проживать на ее территории. Наконец совершается мечта Фёдора Петровича о создании больницы, оказывающей экстренную помощь. Той самой, о необходимости которой для города он говорил еще в 1825 году, будучи штадт-физиком. Должно было пройти двадцать лет, чтобы «затея эта» из «излишней» и «бесполезной» стала необходимой для здравоохранения города. Но и к этому заключению власти пришли не сразу и опять по настоянию Ф.П. Газа.

В 1844 году Попечительскому о тюрьмах комитету для размещения Полицейской больницы, основанной доктором Ф.П. Гаазом, была передана бывшая городская усадьба Нарышкина по Малому Казенному переулку.

Через год, в 1845 году, после ремонта тут обосновалась «больница для бесприютных всех званий и без платы», в которую Фёдор Петрович Гааз переехал на жительство из Старо-Екатерининской больницы, когда та, в свою очередь, была преобразована в «чернорабочую». В Главном доме бывшей усадьбы Ф.П. Гааз работал и жил со дня основания больницы и вплоть до смерти 16 августа 1853 года.

Фёдор Петрович Гааз воспитал прекрасных приемников и последователей своего нелегкого и подчас неблагоприятного труда. Одним из близких Ф.П. Гаазу людей был Николай Агапитович Норшин (1822–1897), который, будучи воспитанником Фёдора Петровича, часто сопровождал его во время обходов Старо-Екатерининской больницы. Начало их близости относится к тем временам, когда Ф.П. Гааз вылечил от «тяжелой горячки» встреченного им в полицейской арестантской больнице двенадцатилетнего еврейского мальчика, пришедшего из Литвы с «партией кантонистов», «инородческих сирот, солдатских сыновей и приютских воспитанников, не знающих родства» [4]. Кантонистами в России в 1805–1856 годах называли несовершеннолетних солдатских сыновей, а также взятых принудительно малолетних бродяг, детей евреев, раскольников, польских повстанцев, цыган, числившихся с рождения за военным ведомством и обязанных к воинской службе [17]. Евреи, согласно указу императора Николая I о введении для них натуральной воинской повинности (26 августа 1827 г.), принимались к призыву с 12 лет. С этой же целью с 1837 года дети евреев-ссылно-поселенцев, а с 1847 года и каторжан зачислялись в кантонисты. Еврейские дети-рекруты до 18 лет направлялись в школы кантонистов. Годы пребывания в кантонистах евреям не засчитывались в срок военной службы. А он был не малый — 25 лет [15].

Урожденный местечка Полуныян Тельшевского уезда Ковенской губернии (Каунас, Литва) Лейб Марков Норшин был сиротой. При крещении в Москве в 1838 году мальчик получа-

ет имя Николай в честь императора Николая I. Отчество свое при крещении он получил от Агапита Печерского, жившего в XI веке, Святого Русской православной церкви Собора преподобных отцов Киево-Печерских. Он был первым врачом (врачом) Киевской Руси, прославился своей безмездной помощью больным, приобрел большую известность исцелением трудно больных посредством молитвы и вареного былия (трава), которое давал больному. Согласно житию, исцелил черниговского князя Владимира Мономаха.

Фёдор Петрович, выйдя из мальчика, стал обучать его тому, что знал сам — математике, латыни, фармакологии и основам медицинских наук. Мальчик с вниманием воспринимал все наставления «доброго доктора», учился с прилежанием. Ему вместе с доктором Газом дозволяется жить при Старо-Екатерининской больнице. Наверное, именно тогда его будущая профессия и была определена. Можно сказать, что ее выбор получился сам собой. Николай старательно совершенствуется в медицинских знаниях и заботливо ухаживает за больными. Со временем Николай Норшин становится студентом медицинского факультета Московского университета. Фёдор Петрович Гааз всегда помогал своему подопечному студенту-медику осваивать медицинские науки. Думаем, что и ближайший друг Фёдора Петровича — Андрей Иванович Поль — принимал участие в воспитании будущего врача. Окончив медицинский факультет Императорского Московского университета в 1846 году, Николай служил в гренадерском полку Его Императорского Величества Великого князя Михаила Павловича батальонным врачом.

19 ноября 1850 года приказом по гражданскому ведомству Н. Норшин был переведен старшим окружным врачом палаты госимуществ в Нежинский и Борзненский уезды Черниговской губернии. Гааз переписывался со своим воспитанником, наставлял его и благословлял на служение людям. В Центральном государственном архиве обнаружены два письма, посланных Н. Норшину близким доверенным человеком Ф.П. Гааза — В. Дюма. По поручению Гааза Дюма писал: «...из последнего же письма вашего видно, что вы имеете намерение проситься для пользования себя в Старую Рузу (Старую Руссу — город в Новгородской

области, на р. Порусья — *авт.*), то скажу вам, что Фёдор Петрович и Андрей Иванович (А.И. Поль — *авт.*) одобряют вполне вашу мысль и даже советуют вам непременно просить начальство об отпуске вас в Старую Рузу, что послужит вам немалую пользу. На счет же желаемого перевода вашего в Московский Военный Госпиталь Андрей Иванович советует повременить до получения хорошей пользы и возвращения из Старой Рузы, потом просить Пеликана лично), и что он скажет, обо всем уведомить»¹⁰. Это письмо говорит о том, что Ф.П. Гааз и его друг врач-хирург А.И. Поль считали полезным, чтобы становление молодого врача Н. Норшина проходило в провинции, где он имел большое поле деятельности и, «получив немалую пользу», мог дальше совершенствовать свои знания в Московском госпитале. Это доказывает, что Гааз понимал необходимость врачебной практики для формирования молодого врача. Во втором письме, посланном 4 декабря 1846 года, В. Дюма писал о том, что в больнице для бесприютных принято жить согласно правилам следующим: «...всякому человеку дать ответ на вопрос его чистосердечно, так как сам желал получить ответ, <...> если что обещаем, то исполним, стараться приравнивать себя к правилам, изображенным в выданной всем книжке «Азбука христианского благонравия», не употреблять горячие напитки <...> и стараться других служащих убедить в соблюдении этих правил» [15, 16].

Высота нравственных требований к сотрудникам по больницам, к коллегам, а следовательно, и к молодому врачу Николаю Норшину смогли сформировать этого врача с профессионально-этической гуманной направленностью.

С кончиной своего подлинного духовного отца и наставника — Фёдора Петровича Гааза Николай Агапитович не потерял тот стержень, то направление, что было заложено в нем «святым доктором». 1 июля 1856 года он был утвержден в звании уездного врача. В 1857 году защитил в Медико-хирургической академии докторскую диссертацию «Некоторые из тифов» (*Quaedam de Típho*) и стал старшим врачом Тульской больницы общественного

¹⁰ Пеликан Евгений Венцеславович (1824–1884) — профессор Императорской медико-хирургической академии, судебный медик и «отец русской токсикологии».

призрения. С 1876 по 1889 год он становится инспектором Рязанской врачебной управы, получает чин действительного статского советника. С 1881 года — член Общества рязанских врачей [15, 17].

Николай Агапитович Норшин прошел с достоинством свой жизненный путь. Он «с малых лет воспитывался человеколюбом Фёдором Петровичем Гаазом», — писал доктор А.Д. Шеффер в журнале «Врач» и, давая обзор жизненного пути коллеги, указывал на то, что «за все время своего пребывания в Рязани до самой смерти он (Норшин) пользовался общим уважением. Достойный воспитанник доктора Гааза, всесторонне образованный Николай Агапитович всегда отличался прямою характера и добротой, и горой стоял за подчиненных ему врачей».

Н.А. Норшин скончался 24 мая 1897 года на 75-м году жизни. Журнал «Врач» (1897 г., № 31, с. 876), поместив заметку о смерти воспитанника Ф.П. Гааза, отметил, что «покойный был достойным преемником «известного человеколюбца» [18]. Семена добра, посеянные Ф.П. Гаазом в благодатную почву Российского общества, дали прекрасные всходы. В 1910 году в Рязани на ежегодном заседании в докладе Т.И. Фёдорова «Обзор деятельности Общества рязанских врачей за время его существования (1874–1908)» имя почетного члена общества Н.А. Норшина было отмечено в ряду достойнейших людей врачебного сообщества [19].

«Народы любят ставить памятники своим великим людям, но дела великого человека суть памятник, поставленный им своему народу», — произнес замечательный русский историк Сергей Михайлович Соловьев в речи на торжественном собрании Императорского Московского университета 30 мая 1872 года. Их приводит А.Ф. Кони в очерке, посвященном Фёдору Петровичу Газу, и эти слова наиболее ярко отражают истинное наследство, оставленное врачом-гуманистом.

Литература

1. *Копелев Л.* Святой доктор Фёдор Петрович Гааз. СПб.: Петро-РИФ, 1993. 190 с.
2. *Никольский В.А.* Старая Москва. Историко-культурный путеводитель. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1924. 206 с.

3. Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе. М.: Древо добра, 2002. 544 с.
4. Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1968. С. 288–242.
5. Блохина Н.Н. Фёдор Петрович Гааз — организатор медицинской помощи в Москве // Советское здравоохранение. 1987. № 8. С. 66–69.
6. Haas F.I. Ma wisite aux eaux d'Alexandre en 1809et 1810. Moscou: Impr. De Vsevolojsky, 1811. 365 p.
7. Фокина Е.Н. Фёдор Петрович Гааз и его исследование по изучению лечебных минеральных источников Кавказа // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 1980. № 5. С. 65–66.
8. Haas F.I. SutamillL Decou-verte sur la croup seu L'astma synanchicum acutum. М., 1817.
9. Haas F.I. Beitrage zu den Zeichen des Croups. М., 1818.
10. Лобанов А.Ю. Доктор Андрей Иванович Поль — ближайший друг Ф.П. Гааза (исследование) / Под ред. О.Ю. Милушкиной. Новосибирск: Изд-во АНС «СибАК», 2017. 212 с.
11. Dietz H.M. Friedrich Joseph Haass als Arzt in Moskau. Berlin, 1980.
12. Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк. М.: Сестричество во имя Преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 2006. 237 с.
13. Яровинский М.Я. Века Москвы медицинской. М., 1997.
14. Журавлев Д.И. 150 лет. Исторический обзор Старо-Екатерининской больницы. М., 1929. 436 с.
15. Блохина Н.Н. Врач. Гуманист. Ученый / Сб. «Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе». М.: Древо добра, 2002. С. 255–283.
16. Яровинский М.Я. Спешите учить добру // Медицинская газета. 3 августа 1976.
17. ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. 1360, 5 ед. хр., 1877–1887 гг.
18. Шеффер Л.Д. Некролог // Врач. 1897. № 31. С. 876.
19. Фёдоров Т.И. Обзор деятельности Общества рязанских врачей за время его существования (1874–1908) // Протоколы и труды Рязанского медицинского общества. Рязань, 1910.

Глава 3.

Фёдор Петрович Гааз — первооткрыватель Кавказских Минеральных Вод и автор первой книги о минеральных источниках Пятигорья

57

Глухов А.Н., Ефименко Н.В.

Пятигорский научно-исследовательский институт курортологии, филиал ФГБУ «Северо-Кавказский федеральный научно-клинический центр Федерального медико-биологического агентства» России, Пятигорск, Российская Федерация

«Мое мнение о целебных свойствах этих вод и этих мест стало столь же высоко, сколь велики боль и скорбь человека, посвятившего себя облегчению мук страждущих и наблюдающего, как подобные сокровища исчезают в неведомых пустынях и по разным причинам не приносят пользы тем, для кого могли бы стать единственным источником спасения».

Ф.П. Гааз

Истоки зарождения бальнеологии и курортологии на Кавказских Минеральных Водах берут свое начало в XVIII веке, когда в России были предприняты крайне важные научные академические экспедиции. Большую роль в исследовании минеральных вод Пятигорья сыграли немецкие ученые, служившие в России. Среди них Г. Шобер (1720 г.), И.Я. Лерх (1733–1735 гг.), И.Г. Георги (1772–1774 гг.), И.А. Гюльденштедт (1770–1773 гг.), Я. Рейнегс (1783 г.), П.С. Паллас (1793 г.). Именно этот период можно считать точкой отсчета в развитии отечественной бальнеологии и курортографии Кавказских Минеральных Вод.

Среди тех, кто участвовал в научно-медицинском освоении района Кавказских Минеральных Вод, был и известный московский врач Ф.П. Гааз, который, как известно, дважды посетил этот край и по результатам поездки написал замечательную книгу «Мое путешествие на Александровские воды в 1809 и 1810 гг.», ставшую выдающимся литературным памятником отечественной курортологии.

58

Имя Фёдора Петровича Гааза вписано золотыми буквами в число первых бальнеологов, курортографов и врачей-писателей, изучавших природные богатства Кавказских Минеральных Вод [1, 9, 12, 16–20, 28, 31, 33]. Гааз одним из первых подробно описал состояние курорта в начале XIX столетия. Это емкая и достаточно подробная информация о раннем этапе развития курорта, об укладе жизни людей, приезжавших для лечения. Основной целью написания книги было как можно быстрее и шире ознакомить врачей и больных с тогда еще практически не изученными минеральными источниками Пятигорья, первоначально названными им «Александровскими водами» в честь императора Александра I, по указанию которого была построена Константиногорская крепость¹¹, давшая начало развития Горячих вод и будущего Пятигорска. В этой крепости проживал и сам Ф.П. Гааз.

Книга была издана на французском языке и высоко оценивается специалистами курортного дела, находится в одном ряду редких книг, посвященных истории первых российских курортов. К сожалению, почти весь тираж книги погиб во время московского пожара 1812 года. Историки долгое время полагали,

¹¹ Укрепление назвали в честь родившегося в 1779 г. внука Екатерины II — великого князя Константина Павловича. С 1783 г. Константиногорская крепость получила постоянный гарнизон солдат и офицеров 16-го Егерского полка. Сам Гааз с сожалением отмечал, что «крепость сильно удалена от горячих источников. <.....> Возведение крепости на несколько верст левее или правее, ближе к горе, способствовало бы более надежной защите источников. Горячий ключ Мечухи (Машук), хотя и расположен всего в четырех верстах от крепости, не находится под ее опекой. Посему летом здесь надлежит разбить несколько лагерей гарнизонных рот, без коих не удастся обеспечить общую безопасность». Стычки с горами происходили неоднократно. Одна из них случилась 20–24 августа 1810 г., т.е. после отъезда Гааза. Сегодня сама территория бывшей Константиногорской крепости находится между современными улицами Тольятти, Кооперативной и переулкем Братским и полностью застроена жилыми домами.

что сохранилось всего два экземпляра — в государственной библиотеке им. В.И. Ленина и в библиотеке Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, в силу чего были малодоступными для изучения. У этой книги оказалась удивительная и необычная судьба. Любопытна история возрождения этой книги и перевода ее на русский язык. В 1980 году в фонде редких изданий академической библиотеки Ростовского медицинского института был обнаружен ранее неизвестный историкам экземпляр труда Ф.П. Гааза. Оказывается, во время Первой мировой войны фонд медицинской литературы библиотеки Варшавского университета эвакуировали в Ростов-на-Дону, на медицинский факультет Донского университета, который в 1930 году был преобразован в Ростовский медицинский институт. Книга чудом уцелела во время фашистской оккупации, но, поскольку была издана на французском языке, долгие годы оставалась раритетным экземпляром фонда и была недоступной для изучения. В 1980-х годах об этой редкой книге узнали пятигорские краеведы (в частности Л.Н. Польской) от сотрудника кафедры французского языка Т.Л. Черноситовой. По просьбе пятигорских краеведов Т.Л. Черноситова перевела книгу Ф.П. Гааза на русский язык. По завершении работы стало ясно, что это не только замечательный памятник науки начала XIX века, но и произведение, имеющее непреходящую духовную и культурную ценность. Книга вышла в Ставропольском книжном издательстве в 1989 году и сразу же стала ценнейшим подспорьем для историков курортного дела. В предисловии книги издатели, в частности, отметили: «Перед нами не обычные записки путешественника или наблюдения краеведа, не ученый трактат на узкую тему и не досуние размышления морали-

Книга Ф.П. Гааза
«Мое путешествие
на Александровские воды
в 1809 и 1810 гг.»

ста, — жанр книги вполне соответствует духу своего века, с его стремлением к энциклопедическому фаустовскому охвату всего сущего в природе, обществе и человеческом мышлении. В ней мы встречаем все — и точные физико-химические эксперименты, и метеорологические данные, фенологические наблюдения и натурфилософские размышления, врачебные предписания и административные проекты».

Причиной первой поездки Ф.П. Гааза на Горячие воды явилось ухудшение его здоровья, для поправления которого, как он сам писал, «я, как опытный врач, решил, что абсолютное здоровье мне может вернуть или тяжелая болезнь, либо длительное путешествие». В 30-летнем возрасте Ф.П. Гааз летом 1809 года вместе с семьей героя русско-турецкой войны генерала А.И. Муханова приехал на Горячие воды¹². Их пребывание продолжалось всего 15 дней, и никаких пояснений столь короткого нахождения нам не удалось обнаружить. Заранее планируя свою работу, Гааз привез с собой из Москвы химические реактивы и некоторые приборы для проведения анализа минеральных вод¹³ и метеорологических наблюдений. К сожалению, из-за краткости пребывания полностью провести исследования Гаазу не удалось. На Горячих водах Ф.П. Гааз впервые услышал о существовании целебных источников на г. Бештау: «Я был приятно удивлен тем, что оказался в непосредственной близости от минеральных вод, которые уже несколько лет использовались в лечебных целях, и решил побывать там. В Александровске (ныне станция Александровская) от одного казака, звали его Георгий, с которым я разговорился об истории этих мест, я узнал, что расположены они не на Тереке, как я предполагал, а в большой Кабарде, около Константиногорска, в сорока верстах от Георгиевска.

¹² Гааз пишет: «Во время отпуска, милостиво пожалованном мне Ее Величеством Матушкой Императрицей, я посетил часть юга России, проехав в июне по прекрасным Тульской, Орловской, Курской и Харьковской губерниям до Таганрога, расположенного на берегу Азовского моря. Оттуда я отправился в Черкасск и на Кавказскую линию, восточную часть которой я изучил от Георгиевска до Кизляра и Астрахани. Затем через Сарепту, Царицын, Саратов, Тамбов, Липецк и Рязань я вернулся в Москву».

¹³ По распоряжению Министра внутренних дел Козодавлева помощь в проведении исследований вод Гаазу оказывал аптекарь из Георгиевска И.М. Соболев.

Я знал о существовании Терекских минеральных вод из описания Гюльденштедта. Те же, о которых говорил Георгий, указывались в систематическом описании всех минеральных вод под именем Кавказских. <...> Вся горная местность между Каспийским и Черным морем изобилует различными минеральными водами. В большинстве своем они нам неведомы, потому что никогда ни один сведущий человек не мог туда добраться. Но, по свидетельству местных жителей, ни одна из минеральных вод не может соперничать с находящимися в большой Кабарде, подле Константиногорской крепости. Исцеления, происшедшие именно на этих водах, пробудили внимание общественности, и уже многие годы именно те Кавказские воды являются наиболее посещаемыми». Трижды он пытался найти их вместе с проводниками. Гааз вспоминал: «Один утверждал, что источники находятся на самой горе Бештау, другой — на расположенной поблизости горе, третий — на отдаленной горе; один называл их холодными, другой — горячими, и все говорили о том, что этих ключей много...». Видя, что мнения их расходятся, а времени остается мало, доктор решил отложить поиски источников на следующее лето, и занялся исследованием минеральных источников, расположенных рядом с г. Машук.

В ту пору Кавказские Минеральные Воды находились в совершенно необустроенном состоянии. Приезжие люди¹⁴, как правило, жили в Константиногорской крепости, другие в войлочных кибитках, которые устанавливались калмыками и ногайцами на летний сезон по несколько десятков за крепост-

¹⁴ Гааз пишет: «Жители Кавказской губернии приезжают сюда в начале, а другие в середине или конце июня. Сперва ненадолго останавливаются на горячих водах Константиногорска. Не исключено, что кислые воды посещались бы первыми, найдись они в начале пути. Приезжают больные перемежающейся лихорадкой, непроходимостью кишечника, брыжейки, с поражениями печени и селезенки, с признаками желтухи, с изжогой, кислой или слизистой отрыжкой; с нарушением аппетита, несварением желудка, запорами; с заболеваниями груди, кашлем, астмой, харканьем кровью или слизью; со спазмами, судорогой, слабостью и разного рода нервными болезнями; с истощением, апатией или разлитием желчи; с цингой, геморроем и всем, что с этим связано; с головными болями, заболеваниями глаз, с различного рода сыпью и другими кожными недугами; с наличием в моче песка или камней; с подагрой. Сюда съезжаются паралитики и изувеченные венерическими болезнями; ипохондрики, мнимые больные и здоровые люди».

ным валом. Размещались посетители и непосредственно у самих источников Горячей горы. Для защиты их от возможных нападений на возвышенных местах Горячей и Холодной гор располагались егерские пикеты. Рассказ о времяпрепровождении типичных посетителей тогдашних Вод завершается ремаркой: «Так живут до конца августа и, как правило, возвращаются домой с чувством глубокого удовлетворения, вызванного лечением, и долго еще с особым чувством вспоминают эти восхитительные места». Наблюдая такую жизнь в течение пятнадцати июльских дней 1809 года, Гааз благословлял ее патриархальную простоту и наивность.

Через год, в 1810 году, Ф.П. Гааз¹⁵ вновь посетил Пятигорье вместе с президентом Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества Б.И. Фитингофом, большим знатоком ботаники, помогавшим Гаазу проводить метеорологические и ботанические исследования. Прибыли они на Горячие воды 28 июня и предполагали пробыть здесь около трех месяцев, чтобы успеть провести намеченные ими исследования. Известно, что Гааз тщательно готовился к своим поездкам на воды, он внимательно изучил сочинения своих предшественников — Георги, Гюльденштедта, Палласа, Блуменбаха.

Интересно, что в первый приезд Гааза число посетителей Горячих вод за год составило 52, во второй приезд — 68, а уже на следующий год, в 1811-м, — 634, т.е. увеличилось почти в 10 раз. Не исключено, что это связано с положительными впечатлениями Гааза и описанием им маршрутов поездок в Пятигорье. В те далекие годы мнение сведущих людей имело подчас решающее значение. Например, известен такой факт. В августе 1821 года генерал Иван Сабанев писал своему другу генералу Арсению Закревскому: «Живущий в Москве доктор Гас (кажет-

¹⁵ В приказе по московскому госпиталю имени императора Павла I (Павловская больница, где работал старшим врачом Ф.П. Гааз) 31 мая 1810 года сказано, что второе путешествие на юг разрешается Гаазу лишь в виде исключения и с тем, что он «сей просьбы впредь повторять не будет». Сам Гааз пишет, что «выгоды, которые я смог примерно подсчитать, оказались столь велики, что я решил снова приехать сюда следующим летом, дабы избавиться от непрестанно мучивших меня болей в груди. Так в 1810 году я попал в эти края вторично, и результаты лечения полностью оправдали мои ожидания».

ся, при Голицинской больнице) знает чудесные источники Кавказа и может быть весьма полезным наставником. Я был два раза на Кавказе и пользовался его наставлениями, говорю по опыту».

Сочинение Ф.П. Гааза состоит из введения, семи глав и положений. В предисловии автор говорит о значении Кавказских источников. Он отмечает, что это пока единственное место в мире, где можно лечить столько болезней. Первая глава посвящена истории Александровских вод (так называл Ф.П. Гааз Кавказские Минеральные Воды), во второй главе дана характеристика климата Александровских вод, в третьей повествуется о флоре этого края, четвертая глава посвящена рассмотрению результатов химического анализа вод, пятая глава имеет название «Размышления о медицине», шестая — «Докладная записка министру полиции Александру Дмитриеву Балашову» о возможных путях развития курорта, седьмая — «Путь следования на Александровские воды»¹⁶.

¹⁶ Чрезвычайно интересная глава, в которой Гааз подробнейшим образом рассматривает путь в 1500 верст от Москвы через донские степи до Северного Кавказа и обратно, причем он делает интересные краеведческие замечания описания быта и нравов народа: «Подобный вояж требует таких же приготовлений и мер предосторожности, как и в любой конец России». Лошадей в избытке, правда, содержат их плохо. Следует воспользоваться «почтовыми с русскими ямщиками». Некоторые возмущаются нехваткой лошадей на почтовых перегонах. Гааз напоминает, что наместничество содержит лошадей на собственные средства, а путешественник покрывает своей платой всего лишь шестую часть стоимости езды на почтовых. «Возмущались бы эти требовательные особы, говорит он, оплачивая все почтовые пошлины, как это происходит за границей». На станциях для ночлега можно использовать комнату почтового инспектора. Переночевать удобно и в деревнях (станциях), разбросанных вдоль тракта. Там живут казаки, о которых Гааз отзывался с большой похвалой, полагая, что «путешественник сочтет за счастье провести у них ночь. Помещения чрезвычайно чисты, а хозяйства оказывают то патриархальное гостеприимство, коего, к искреннему стыду, не сыщешь во многих куда более цивилизованных местах. Со свойственным этому доброму и почтенному народу похвальным рвением и отзывчивостью, они спешат оказать приют и накормить, не требуя никакого вознаграждения. Приятно побывать в станицах, где повсюду царят порядок, достаток и даже богатство». Дороги в Кавказском краю превосходны, утверждает Гааз. И расстояния не столь велики, как уверяли на почтовом дворе. Однако порой их заметно преуменьшают, иронизирует он. В ход идет рассказ о новичке, который направился за околицу Георгиевска в сторону горы Бештау, еле маячившей на горизонте, утверждая, что до нее рукой подать. Однако чем ближе подходил он к горе, тем больше она от него отдалялась. «Такова Кавказская легенда, хотя нельзя утверждать, что многим вновь прибывшим удается избежать подобных случаев», — завершает свое повествование Гааз.

Образ жизни приезжавших и методы их лечения минеральными водами описаны Ф.П. Гаазом с тонким юмором и иронией: «Вас предупреждают, что воды превыше всего, что есть в медицине, они не любят комбинироваться ни с чем другим». Автор описывает методы лечения, которыми пользовались посетители Кавказских минеральных вод: «Вам говорят, что надо рискнуть броситься в источник, что предпочтительнее пользоваться каменными ваннами, так как они получают воду непосредственно из источника, что там надо оставаться столько, сколько можно терпеть (2–3–4 минуты). <...> А если вы находите, что эти источники чересчур горячие и невыносимы, то вас уверяют, что вы ошибаетесь. <...> Нельзя сравнивать эти воды с обычной водой, которую можно то охладить, то подогреть для больного. Вам заявят, что это воды Кавказа, а не какие-нибудь другие. <...> Если бы всемогущий Бог считал, что вам необходимо пользоваться более прохладными ваннами, то он их такими бы и сделал. Вы должны взять около 30 ванн, а после этого еще 30, а если и после этого не будете хорошо себя чувствовать, то еще 30. Затем вы выздоровеете или нет. Нужно ехать на воды Нарзана и пить воды столько, сколько сможет вместить желудок, купаться в этой холодной воде. Если вы в одиночестве находитесь и вам это разрешено, то следует полностью окунуться в источник».

Труды Ф.П. Гааза по исследованию и изучению вод Пятигорья были столь обильны результатами, что знаток истории этих вод доктор медицины и врач-писатель В.В. Святловский предлагал даже назвать первый период истории развития Кавказских Минеральных Вод, с 1717 по 1810 год, — Петровско-Гаазовским. Достаточно сказать, что Гааз не только впервые исследовал и описал одно из богатых природных достояний России, но и лично открыл серно-щелочные источники в Ессентуках, ряд целебных железистых ключей в Железноводске и кислосерный источник в Пятигорске [2, 3, 4, 13].

Профессор А.П. Нелюбин, автор обширного труда «Полное описание Кавказских минеральных вод» (1825 г.), говорит: «Доктор Гааз, во время пребывания своего на кавказских водах, произвел в Константиногорске химическое исследование

над тремя серными источниками Машука. <...> Да дозволено мне будет с особенным уважением и признательностью упомянуть о трудах доктора Гааза и профессора Рейса: оба они, по всей справедливости, оказали большую услугу минеральным водам — первый своими врачебными наблюдениями, а последний — химическим разложением вод; в особенности же должно быть благодарным Гаазу за принятый им на себя труд исследовать, кроме главного источника, еще два серных ключа на Машуке и один на Железной горе, которые до того времени еще никем не были испытаны. Сочинение, изданное Гаазом по сему предмету, принадлежит, без сомнения, к первым и лучшим в своем роде» [27].

В истории отечественной медицины Ф.П. Гааз по праву должен считаться одним из родоначальников отечественной климатологии, климатотерапии и бальнеологии. На основе проведенных им метеорологических, химических, ботанических исследований района Кавказских Минеральных Вод он предложил научно обоснованный проект использования всех климатических природных факторов этой местности в лечебных и оздоровительных целях. Климатические особенности Пятигорья он сравнивает с Италией и югом Франции. О Кислых водах он писал, что здешний «небесный райский воздух вызывает во всем теле ликование, о котором долго еще хранят воспоминания». Он полагал, что здешний воздух «столь же ценен, сколь и сами воды».

Следует отметить приоритет доктора Гааза и его главную заслугу в описании и изучении Эссентукских и Железноводских минеральных источников [11, 15]. Речь идет об открытии им в 1810 году Екатерининского минерального источника № 23, который носит сейчас название «Гааза-Пономаревского», а также двух других углекислых соляно-щелочных вод, которые впоследствии принесли курорту мировую славу. В течение длительного времени источник «Гааза-Пономаревского» обеспечивал старые серно-щелочные ванны в Эссентуках и открыл новые перспективы для их расширения, вплоть до конца 1930-х годов¹⁷.

¹⁷ В настоящее время источник используется в основном для постоянного наблюдения за дебитом и составом минеральной воды.

Ессентуки, Серно-щелочной источник доктора Гааза. Старинная открытка

Открытие минеральных источников недалеко от речки Бугунты, в 12 верстах от Константиногорской крепости, произошло в июле 1810 года, когда Гааз узнал от местных жителей о существовании в долине р. Бугунты «лошадиного» источника, к которому приходят лошади и крупный рогатый скот на водопой¹⁸. Сопровождаемый казаками, он обнаружил в болотистом

¹⁸ Обнаружив на местности следы лошадей, Гааз пошел по ним и в трех-четыре километрах от военного редута в долине р. Бугунты обнаружил источник, отчасти обложенный по краям камнями. Возвышение, из которого этот источник вытекал, Гааз считал бывшим когда-то берегом реки Подкумок. «Там, где этот берег, по-видимому, оканчивается и сливается с равниною, — пишет Гааз, — впереди его находится несколько источников, иссякающих вскоре по выходе. Немного ниже, на равнине, покрытой наносным песком, находится небольшой колодец, имеющий, быть может, до 3 футов в диаметре и до полфута глубины. Он соединяется с другим подобным колодцем, немного меньшим, который, по-видимому, обязан своим образованием лошадям, приходящим эту воду пить. По этой же причине вода постоянно мутна от тины, которую она подобно другим холодным серным водам, отлагает и которую лошади постоянно возмущают. Вода пробивается в трех или четырех местах, но так как источник неглубок, то он кажется как бы засорившимся, и в настоящем своем виде не дает много воды. Отстоявшаяся вода совершенно прозрачна и имеет вкус кисловатый, соленый, серный и вовсе неприятный». Кроме описанного источника, Гааз обнаружил еще два: «один выше сего последнего, другой ниже его» с соленой на вкус водой, которой было настолько мало, что Гааз не придал им серьезного значения. А они то и содержали соляно-щелочную воду — «жемчужину» Кавказских Минеральных Вод. Ввиду недооценки встреченных соляно-щелочных источников,

ущелье множество минеральных источников (позднее, в 1823 г., А.П. Нелюбин исследовал здесь 23 видимых ключа минеральной воды, которые он назван «Бугунтуцкими», разбив их на группы «щелочные» — № 1–18 и «соляные» — № 19–23). Самый обильный он назвал Екатерининским ключом, в честь Екатерины Великой, при которой этот край был окончательно присоединен к России, другие «Бугунтинскими». После проведения исследований в Москве Гааз в своей работе отмечает, что «следует привлечь внимание врачей к этому интересному источнику, который, несмотря на соседство Горячих серных вод, имеет большое значение и будет полезен практике, а в некоторых случаях эта холодная серная вода будет предпочтительнее, чем все другие источники Александровских вод». Огромной заслугой Гааза является тот факт, что он первый описал Эссентукские минеральные воды и, таким образом, положил начало их дальнейшему исследованию.

На Горячих водах Ф.П. Гаазом было обнаружено несколько целебных ключей [14, 23], один из которых — главный горячсерный источник, используемый для ванн, он назвал Александровским, в честь императора Александра I, который «сделал много добра для вод Кабарды». И.Я. Пантелеев в своей монографии пишет, что Гааз назвал все Машукские минеральные воды Александровскими, сохранив за главным источником название «Горячий», как уже широко известное [29]. Однако позже именно этот источник стали называть Александровским, а все остальные последовательно именовались Горячсерными, Константиногорскими и, наконец, Пятигорскими. В 1814 году близ выхода главного горячсерного источника были простроены дощатые Офицерские ванны. Гааз предлагал воду основного источника отвести при помощи труб к подошве Машука, создав там бассейн для большого числа больных, как это бывает в Бадене при Вене. Эта мера, по его мнению, была необходима, так как температура воды основного серного источника являлась слишком горячей, и больные не могли находиться в ней более одной-двух минут. «С помощью этих двух вод можно готовить

которые Гааз оставил без надлежащего исследования, его сообщения об Эссентукских водах не привлекли внимание врачей и посетителей вод. Эти воды еще 30 лет ждали своего настоящего открытия.

ванну любой температуры», заключал Гааз. Рядом с предложенным бассейном Гааз предлагал соорудить 6 ванн («шесть для мужчин и шесть для женщин») с двумя палатками для переодевания. Пока больной, принявший ванну, отдыхал в одной из них, другой, раздевшись, готовился принять ее. В результате такого нововведения можно было обслуживать бóльшее число больных. Он предлагал также устроить при Горячем источнике серные паровые бани, которые, по его мнению, «чрезмерно могли бы способствовать в излечении накожных и грудных болезней, не терпящих вокруг себя влажности, какова есть вода». Сам Гааз рекомендовал курс из тридцати ванн, которые, по его мнению, можно принять за три недели.

Ф.П. Гааз первым обратил внимание врачей и посетителей вод на два новых открытых им источника в северо-восточной части Горячей горы: один он отнес к числу горячих, другой к теплым. Новый горячий источник имел температуру воды на 4–5°C ниже, чем главный, а побочный выход (дериват) — всего 27°C. Горячий источник и его дериват Гааз назвал Мариинским¹⁹, а теплый — Елизаветинским, в честь матери и жены императора²⁰. Елизаветинский (кислосерный) источник он обнаружил еще в свое первое посещение в 1809 году, когда заметил, как лошади с жадностью пили теплую воду кислотоватого источника. По словам местных жителей, кони от этого становились здоровее. Гааз первым дал рекомендации по использованию этого источника для питья²¹. Елизаветинский источ-

¹⁹ Мариинский источник Гааз рекомендовал для ванн, и они вскоре вошли в употребление. Название источника не прижилось и позже с 1812 г. за этим источником закрепилось название «Варвациевского», по имени богатого грека И.А. Варвация, построившего у источника в 1812 г. небольшую купальню — два тузлучных домика, крытых камышом, с окнами и деревянным полом. Известно, что Варваций посещал Горячие воды в 1807 г., т.е. раньше Гааза, и принимал ванны на южном склоне Машука. Для приема ванн использовалась большая деревянная кадка в палатке, которую слуги ведрами наполняли минеральной водой.

²⁰ Ф.П. Гааз пишет: «Поскольку источники сии никому до меня не были известны, я могу присвоить себе право на их наименование. Так я избрал имена наиболее славные и многозначительные, имена, которые любой народ произносит с любовью и воодушевлением».

²¹ Его рекомендации по этой части далеки от современных: «Начинать с двух стаканов и доводить их количество до десяти-двенадцати в день, чередуя с медленными прогулками».

ник²² быстро привлек к себе внимание врачей и посетителей относительно малой температурой и повышенным содержанием углекислоты и получил название «Кислосерного», став самым популярным главным питьевым источником Пятигорского курорта. Источник углубили, превратили в небольшой колодец, в 1823 году над источником устроили каменный колодец и круглую площадку для посетителей вод, позднее рядом разбили Елизаветинский цветник и Эммануэлевский парк. Популярный источник, где проводили время посетители вод²³, стал вторым важным центром благоустройства Горячих вод после Александровского источника. Сегодня на месте источника располагается галерея²⁴.

Неподалеку от Константиногорска Гааз заметил на равнине два горячих соленых озера — Сухое и Тамбукан. Описывая озера, доктор говорит: «Окружность каждого составляет примерно версту. Одно из них почти полностью высохшее и слегка покрытое солью, другое покрыто толстой соленой коркой, не высохшей в середине». Ему было известно, что черкесы просили дать им возможность пополнять здесь свои запасы соли. Он назвал эти озера подлинным сокровищем Александровских вод и говорил об их использовании в бальнеологии. Целебную грязь из соленых озер, по его замыслу, «придется возить к теплым ваннам и загружать в деревянные бочки». Если соленую грязь смешать с теплой водой Мариинского источника,

²² В разное время носил названия Портнягинский, Наумовский, Солдатский и Кислосерный.

²³ В романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» посетители именно этого источника именуется «водяным обществом», представляющим большую группу людей из различных сословий, собиравшихся в Пятигорске у минеральных источников и проводивших там время.

²⁴ Каменная «Елизаветинская» галерея построена в 1851 г. по проекту архитектора С.И. Уптона. В ней размещались питьевые бюветы: в правом крыле — Товиевские ванны, в левом — городская лечебница на 20 коек, названная «Приютом Святой Ольги». Курс лечения, рассчитанный на 36 дней, включал прием ванн и питье минеральной воды. Основной контингент составляли малообеспеченные слои населения (о чем мечтал Ф.П. Гааз). В лечебнице проводили свои клинически наблюдения врачи РБО. Ряд исследователей полагают, что эта лечебница стала первым санаторием на Пятигорье. В 1925 г. галерея была переименована в «Академическую» в память 300-летия Академии наук. В правой ее части с 1925 г. функционировал курортный музей, переведенный затем в Михайловскую галерею.

«то получатся ванны, с успехом заменяющие морские или обычные соленые». «Одно-два ведра грязи, вылитые в бочку, сделают ванну чрезвычайно соленой». Естественно, что его заинтересовали целебные свойства соли, которую он увез с собой в Москву для исследования.

Интригующим стало открытие Гаазом железноводских источников, на что мы указывали при описании первого посещения им Пятигорья [25, 32]. Точное расположение этих источников указал Гаазу кабардинский князь Измаил-бей Атажуков, который помог доктору проводниками и организовал экспедицию к целебным ключам, расположенным в девственном лесу²⁵. Гааз произвел первый химический анализ источников — горячего и теплого, которые он назвал Константиновскими водами²⁶. Открытие железных вод (ныне — источники № 1 и № 2) первым российским ученым-исследователем состоялось в шестом часу вечера 26 июля 1810 года. Таким образом, в этом году исполняется 210 лет со дня открытия Железноводских вод. Еще дважды — 1 августа и в конце августа — Гааз посещал открытый им источник, для проведения опытов с реактивами. Для охлаждения горячих вод источника № 1 Гааз предлагал разводить их водой теплого источника № 2, расположенного поблизости.

Первый химический анализ новых железистых вод и вод Екатерининского ключа был сделан по просьбе Гааза осенью 1810 года в лаборатории Императорского Московского университета Ф.Ф. Рейссом, доктором медицины, профессором

²⁵ В то время склоны гор Бештау и Железной, а также долину между ними покрывал густой лес, который сплошной полосой тянулся на юго-восток и здесь сливался с лесным массивом северного склона горы Машук.

²⁶ По свидетельству Гааза, источник был расположен на небольшом холмике. Вода вытекала из бассейна, размером 2×3×0,7 м. Термометр, опущенный в воду, показывал 33,8°С при температуре воздуха 21,3°С. По глазомерному определению Гааза, источник давал воды около 10 ведер в минуту, или 2 л/сек. Сухой остаток, на современные единицы измерения, оказался равным 2,1 г/л, что очень близко к современным данным. «Вода, зачерпнутая в стакан, — писал Гааз, — совершенно прозрачна и чиста, без запаха, приятно теплая для рта и желудка. Имеет вкус немного соленый и вяжущий, как и вообще все железистые воды». Далее он отмечал: «Железный горячий источник, открытый мною, есть один из самых интересных в мире. В Европе не известно ни одной минеральной воды, которая была бы железистой и в то же время имела температуру в 34°С».

Памятник Ф.П. Гаазу в Железноводске. Скульптор С. Авакова

химии и секретарем университетского физико-медицинского общества.

По мнению авторитетных исследователей минеральных вод Пятигорья, открытый Гаазом источник — это и есть источник № 1, который с 1964 года получил название Лермонтовского.

Открытый источник и существующий при нем каменный бассейн Гааз предлагал «накрыть крышей, предохранив воду от листьев и грязи. Люди, желающие принять здесь ванны, могут с удобством делать это в простой палатке. Поэтому поначалу не потребуется сооружать специальные помещения». Данное Гаазом название горы и железистых минеральных вод Константиновскими не прижилось. Первые посетители источников стали именовать гору и воды просто Железными, посещения эти носили в основном характер любительских дневных прогулок под охраной казаков. Стихийные, эпизодические группы посетителей выезжали утром под охраной казаков из Константиновской крепости, принимали ванны в каменном бассейне, а вечером возвращались обратно, при этом дорога занимала около 5 часов.

Будучи на Кислых водах²⁷, Ф.П. Гааз произвел некоторые наблюдения над источником Нарзан, отметил, что площадка вокруг источника не была так болотиста, как описал ее П.С. Паллас, а сам колодец еще не обделан и после случившегося затопления еще полностью не очищен. Его глубина уменьшилась по сравнению с 1793 годом с 2,8 до 1,8 м. Гааз предложил углубить колодец, так как считал, что углекислый газ, составляющий главную силу Нарзана, не имел возможности действовать эффективно. «Надо вернуть ключу природную глубину и регулярно очищать его от осадков». Нарзан следует огородить «по всем правилам гидравлики», настаивает доктор. Вопреки распространенному в то время мнению, будто Нарзан стал хуже от того, что отвели реку Ольховку от прежнего русла, Гааз замечает: «Люди, которые знакомы с этим источником более 20 лет, уверяли меня, что он теперь (т.е. в 1810 г.) такой же, каким был прежде, и что даже в прошлом году, около конца августа, он был сильнее, чем когда-либо». Гааз полагал, что Нарзан лучше всего пить, ибо доктору трудно было представить, «как можно купаться в ледяной воде». Кое-кому по душе купание в ледяных нарзанских водах. Ссылаясь на опыт зарубежного курорта Бад-Пирмонт, Гааз ищет «средства для установления теплых ванн» и говорит, что сам «изобрел аппарат для нагревания воды в бочках». Он рекомендует накрыть источник: «Здесь, как и подле горячих ванн, необходимо соорудить крытую галерею для прогулок и залу для ассамблей».

²⁷ Гааз пишет: «Кислые воды, Нарзаны стали первым объектом медицинского исследования. Еще сорок лет назад о них и не слыхивали. Их не упоминают ни Гюльденштедт, ни Рейнеггс. <...> Говорят, что солдаты, побывавшие на этом источнике первыми, обнаружили там подвешенный серебряный ковш для питья. Вскоре слава о пользе и приятности этих вод стала расти. В основном их пили линейные офицеры, которые брали с собой охрану, обеспечивавшую необходимую охрану на вражеской территории. Почти все, кто употреблял эту воду, отзывались о ней очень высоко. Единодушны восторги в сочетании с таинственным видом, трудным доступом и опасностью пребывания там, окутали сей обычный ключ чудесной дымкой тайны, что вызывало восхищение у всех, кто о нем узнавал. Тот, кто не знаком с детальным описанием его, будет заинтересован, узнав о глубоком признании, коим сия вода пользовалась у своих прежних владельцев — черкесов, которые, будучи народом бесстрашным, называли ее Духом Героев — Нарзаном. С тех пор Терские воды отсутствовали в сторону. И хотя еще сохранился в памяти их обжигающий жар, пользуются ими лишь местные жители. От Терских вод отказались так же легко, как прежде восхваляли, не обращая ни малейшего внимания ни на призывы врачей, ни на их доводы».

О Кислых водах пишет Гааз: «Ансамбль этой бесценной долины поистине уникален: холмы, пригорки, площадки, пологие склоны, ложбины, обе реки, водопады, минеральный источник и крепость — все это искусный художник мог бы превратить в один из самых романтических парков». Здесь на Кислых водах Ф.П. Гааз произносит примечательные слова, достойные быть эпиграфом к его замечательной книге: «Край, где расположены эти воды, возможно, является самым целебным местом России, а обладание им — бесценный дар, коим должно гордиться отечество».

Исследования Ф.П. Гааза внесли значительный вклад в изучение и развитие региона Кавказские Минеральные Воды [22, 26]. Основываясь на опыте европейских курортов, в частности на «Баден при Вене»²⁸, он представил правительству докладную записку²⁹, где указал на необходимость сооружения на Горячих и Кислых водах таких казенных лечебных построек, как ванн, пресных купален³⁰, галерей, ресторации, а также разведения парков. «Через разведение деревьев должно бы стараться нашему потомству приготовить в сем месте приятность тени, зелени и пло-

²⁸ Ф.П. Гааз вырос в Европе, бывал на тамошних курортах, был знаком с целительными свойствами зарубежных вод. Его выводы о Кавказских водах сводились к тому, чтобы они «ничуть не уступали заграничным курортам, а то и превосходили их». Сравнение со всеми известными ему минеральными источниками Европы оказалось в пользу здешних: «Они превосходят все вышеупомянутые воды». Более того, целебные свойства разбросанных по всей Европе вод «находятся, так сказать, вместе в Большой Кабарде», т.е. образуют, говоря современным языком, единый бальнеологический комплекс. Отсюда следует лестный для Кавминвод вывод: «Едва ли в целом свете есть известное место, в котором бы можно было способствовать к излечению столь многих болезней, как здесь при Кавказских водах. Кажется, сама природа назначила им сие место между Европой и Азией, дабы служило оно для двух частей света». «Все целебные свойства различных заграничных минеральных вод можно с полной уверенностью приписать водам Кавказа».

²⁹ Докладная записка на имя первого министра полиции А.Д. Балашова завершается примечательными словами, звучащими как надежда и призыв: «До сего времени воды эти были для больных тем же, чем тучное поле для народа, не имеющего мельниц и не умеющего выпекать из муки хлеб. Подобно тому, как искусно и ловко можно приготовить из пшеницы самую полезную пищу, воды сии могли бы стать целебным средством для разумно использующих их страждущих, если бы правительство сооблаговолило возвести здесь соответствующие лечебные заведения».

³⁰ Летом 1810 г. доктор Гааз, изучая прием холодных ванн Нарзана, писал: «Однако холодные ванны лучше принимать в речке Козаде (Ольховка), которая пробила в горе каменное ложе, создав удобные углубления, напоминающие ванны, и образуя каскады, где можно принять отменный душ».

дов, коих мы, к великому сожалению, здесь не находим и чрез то заслуживаем их не признательность», писал Гааз в 1811 году. В своих планах он предлагал выращивать плантации деревьев на Александровских водах. Здесь, прежде всего, аллея от Константиногорска до Машука, «тройная аллея, состоящая из лип, каштанов и ореховых деревьев». Ее красоту усилил бы итальянский тополь — «высокое, устремившееся к небу дерево». Между Машуком и Подкумком, напротив Мариинских ванн, есть место для посадки рощи. Деревца можно взять из леса между Машуком и Бештау. Рощей стоит украсить клочок земли неподалеку от Елизаветинского источника и Мариинских ванн. «Это небольшая зеленая площадка, коей для полного очарования не хватает лишь немного тени». С ее благоустройством «это было бы самое восхитительное и приятное место, кое только может быть на водах». На этом месте ныне разбит курортный парк «Цветник» [7]. Он был заложен в 1822 году. Проектируя парк, архитекторы братья Бернардацци предусмотрели посадку аллей из лип, кавказских каштанов, кленов и тополей. Гааз предложил проект особого аппарата «для нагревания минеральной воды Нарзана в бочках при помощи выделяемых самой водой испарений, в результате чего она потеряет наименьшее количество газа и других ценных веществ». Гааз составил перечень местных растений, по времени их цветения, этот богатейший материал стал важным вкладом в развитие отечественной ботаники. Собранная ботаническая коллекция позволила ему высказать предложение по необходимости посадки деревьев, могущих прижиться в этом климате, для чего он предложил завезти деревья из Крыма. Одним из первых Гааз советовал употреблять кумыс.

Гааза беспокоило, что большинство приезжающих больных жило в кибитках или в палатках, а для неимущих не было вообще никакого пристанища. «Великое было оказано благодеяние бедным, — писал он, — если бы построить деревянную больницу человек на 50, страждущим бедным, кои могли здесь найти верное пристанище, пищу и услугу без всякой платы о все то время, пока пользуются водами. Сия больница послужила бы и для больных солдат, кои обыкновенно сюда присылаются для употребления вод». Мечта Гааза осуществилась лишь

в 1872 году: когда в Пятигорске был создан «Приют Святой Ольги» для бедных больных на 20 коек [7].

В докладной записке Гааз отмечал, что государству надо обдумать «преимущества, сулимые сохранением тех сумм, что больные люди вынуждены вывозить за границу в поисках здоровья, которое могли бы обрести в своем отечестве». Этот солидный экономический аргумент будет впоследствии обыгрываться едва ли не всеми открывателями вод. Потому здесь необходимы «разветвленные коммуникации», связывающие край со всем остальным миром [5–8]. Здоровье нации является государственным делом, ибо «есть болезни, везде и всегда привлекающие к себе внимание и заботу страны». Так принято считать во всей Европе, напоминает доктор, ратующий за превращение вод в общенациональную здравницу.

Император Александр I по достоинству оценил труды Ф.П. Гааза, обратил особое внимание на отличные способности, усердие и его «не токмо в исправлении должности в Павловской больнице, но и неоднократно им оказанные во время пребывания при кавказских целительных водах». Гаазу был присвоен чин надворного советника и сделан подарок — бриллиантовый перстень.

Ф.П. Гааз после поездки в Пятигорье проживет еще свыше сорока лет. Судьба не даст ему больше ни одной встречи с краем целебных вод, очаровавшим его в молодые годы и вдохновившим на создание книги, которая стоит в одном ряду с сочинениями Гюльденштедта, Палласа, Нелюбина, Баталина. <...> Тем самым доктор Фёдор Петрович Гааз обессмертил свое имя. И прославился как выдающийся гуманист России первой половины XIX века. Эта часть его жизни есть истинно русское, общенациональное достояние, сопряженное с судьбами многих выдающихся сынов России. Правда, и в визитах его на Воды можно видеть не только научно-медицинский интерес, а, как ныне говорится, государственный подход — смелую попытку побудить власти всерьез заняться судьбой завоеванной окраины [10, 21, 22, 24, 30].

Имя Фёдора Петровича Гааза не забыто на Кавказских Минеральных Водах: его именем были названы улицы в Ессен-

туках и Железноводске, серно-щелочной источник № 23 носит название «Гааза-Пономарева», его именем было названо здание Ново-Барятинских ванн в Железноводске.

**Высказывания Ф.П. Гааза из книги
«Мое путешествие на Александровские воды
в 1809 и 1810 гг.»**

76

- Со свойственным мне пылом я влюбился в этот край, который, несмотря на свой дикий, пустынный и грозный вид, как-то по-особенному привлекал и очаровывал всякого путешественника...
- Именно единственное в своем роде соединение в одном месте различных вод делает его воистину несравненным и бесценным...
- Врач может по своему усмотрению рекомендовать больному то одну, то другую минеральную воду. Само разнообразие излечиваемых здесь болезней способно утешить больных...
- Любая болезнь, являясь состоянием, полностью изменяющим организм, требует лечения определенной минеральной водой...
- Пусть больные знают, что основным способом применения вод является скрупулезное соблюдение советов врача...
- Горячие ванны наносят вред нежному женскому телу, а по-сему им надлежит применять их с гораздо большей осмотрительностью и осторожностью, нежели мужчинам...
- В зависимости от способа применения, минеральная вода может стать либо пищей, либо ядом, либо лекарством.
- Здешние минеральные воды есть для страждущих то, что плодородное поле для такового народа, у которого нет мельницы и который из приготовленной муки не умеет испечь хлеба...
- Принимать ванны значит пить воду кожей; пить воду значит купать в ней желудок.
- Для человечества поистине достойно сожаления, что такие сокровища истекают в неизвестности, в пустыне... Прямо под ногами у нации лежит сокровище, которым она должна научиться владеть, разумно пользоваться дарами природы...

- Государству надо обдумать преимущества, сулимые сохранением тех сумм, что больные люди вынуждены вывозить за границу в поисках здоровья, которое могли бы обрести в своем отечестве...

Литература

1. *Архангельский Г.В.* Московский врач-гуманист Фёдор Петрович Гааз (1780–1853) и его значение в развитии отечественной медицины // Клиническая медицина. 1981. №2. С. 118–120.
2. *Баталин Ф.А.* Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. Ч. 1. СПб., 1861. 303 с.
3. *Блохина Н.Н.* Врач-гуманист Ф.П. Гааз как исследователь и организатор курортного дела на Кавказских Минеральных Водах // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2012. № 1. С. 38–42.
4. *Блохина Н.Н.* Исследование Кавказских Минеральных Вод врачом-гуманистом Ф.П. Гаазом // Клиническая медицина. 2012. № 6. С. 76–79.
5. *Боглачев С.В.* Архитектура старого Железноводска. Пятигорск: Снег, 2010. 480 с.
6. *Боглачев С.В.* Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск: Снег, 2006. 512 с.
7. *Боглачев С.В.* Архитектура старого Пятигорска. Пятигорск: Снег, 2007. 520 с.
8. *Боглачев С.В.* Архитектура старых Эссентуков. Пятигорск: Снег, 2008. 544 с.
9. *Вазатов В.М., Сидоренко Ф.Ф.* Друг страждущих (Ф.П. Гааз) / Первооткрыватели Кавказских Минеральных Вод. Научно-популярные биографии. К 200-летию КМВ. Пятигорск, 2003. С. 95–145.
10. *Вашкау Н.Э.* «Святой доктор» Фёдор Петрович Гааз // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2012. № 2. С. 26–31.
11. *Воскресенский А.Е.* Краткие медико-топографические сведения о Старорусских соляных источниках // ВМЖ. 1837. Т. XXIX. № 2. С. 163–196.
12. *Герасименко Т.И., Зольникова Ю.Ф.* История открытия и исследования минеральных источников региона Кавказские Минеральные Воды в первой четверти XIX века // Вестник ОГУ. 2014. № 6. С. 120–122.
13. *Глухов А.Н.* Григорий Иванович Сухарев — первый главный врач Кавказских Минеральных Вод // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2005. № 5. С. 38–43.
14. *Глухов А.Н.* Из истории развития курортного дела на Пятигорском курорте (к 225-летию Пятигорского курорта) // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2006. № 2. С. 41–48.
15. *Эссентуки. Историко-экономический очерк (1898–1958).* Нальчик, 1961. 190 с.
16. *Ефименко Н.В., Глухов А.Н., Великанов И.И. и др.* Вклад ученых Кисловодской клиники в научное обоснование профиля кисловодского курорта // Курортная медицина. 2015. № 2. С. 26–32.

17. *Ефименко Н.В., Глухов А.Н., Ботвинева Л.А. и др.* Эссентукская клиника и ее научный вклад в развитие крупнейшего в стране бальнеологического курорта Эссентуки // Курортная медицина. 2015. № 2. С. 33–40.
18. *Ефименко Н.В., Глухов А.Н., Данилов С.Р. и др.* Исследование курортных ресурсов — приоритетная задача ФГБУ ПГНИИК ФМБА России // Курортная медицина. 2015. № 2. С. 8–13.
19. *Ефименко Н.В., Глухов А.Н.* Первая клиника бальнеологического института: Основные достижения и перспективы научной деятельности // Курортная медицина. 2015. № 2. С. 18–26.
20. *Ефименко Н.В., Глухов А.Н., Курбанов В.А. и др.* Прошлое, настоящее и будущее экспериментальной курортной науки // Курортная медицина. 2015. № 2. С. 13–18.
21. Кавказские Минеральные Воды. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1960. 167 с.
22. *Коваленко А.Н.* Возрожденный Гааз. Ставрополь: Ставропольский хронограф, 2005. С. 171–174.
23. Курортология Кавказских Минеральных Вод / Под общ. ред. В.В. Уйба. Пятигорск, 2009. 333 с.
24. Курорты Кавказских Минеральных Вод — национальное достояние: Становление и развитие (1803–2003) / Под ред. Ю.Л. Шевченко, О.П. Щепина. М., 2003. 184 с.
25. *Лозовенко А.З., Коваленко В.И.* Железноводск. Исторический очерк. Ставрополь, 1990. 157 с.
26. *Марченко Л.С.* Рождение курорта / Наследие народов Российской Федерации «Кавказские Минеральные Воды. К 200-летию юбилею (1803–2003). Пятигорск, 2003. 656 с.
27. *Нелюбин А.П.* Историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод, сочиненное Александром Нелюбиным. Ч. 1. СПб., 1825. 216 с.
28. *Ногаллер А.М.* Фёдор Петрович Гааз (1780–1853) — врач и гуманист // Клиническая медицина. 2002. № 4. С. 79–80.
29. *Пантелеев И.Я.* Очерк истории изучения и развития Кавказских Минеральных Вод. М., 1955. 202 с.
30. Пятигорск в исторических документах 1803–1917 гг. Ставрополь, 1985. 351 с.
31. *Разумов А.Н., Васин В.А.* Фёдор Петрович Гааз (1780–1853) // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2004. № 1. С. 39–42.
32. *Савощенко И.С.* Курорт Железноводск (историческое, гидрогеологическое и медицинское описание). М., 1949. 179 с.
33. *Фокина Е.Н.* Фёдор Петрович Гааз и его исследования по изучению лечебных минеральных источников Кавказа // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 1980. № 5. С. 65–66.

Глава 4.

Ф.П. Гааз — основоположник пенитенциарной медицины

79

Пертли Л.Ф., Александрова И.Э.

Центр обеспечения учебно-воспитательной работы
Федеральной службы исполнения наказаний,
Москва, Российская Федерация

Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья
детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский
исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России,
Москва, Российская Федерация

Медицинское обеспечение лиц, находящихся в местах заключения, в дореволюционной России формировалось параллельно с развитием медицинской науки и государственной медицины.

Первые официальные упоминания о необходимости «лечения больных преступников» датируются 1775 годом, когда было издано Учреждение для управления губерний Российской империи [1]. Впервые в 1783 году из казны было выде-

Ф.П. Гааз беседует с арестантом. Иллюстрация Е. Самокиш-Судковской к книге А.Ф. Кони «Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк»

лено 200 рублей на закупку медикаментов для больных арестантов.

В первые годы царствования Екатерины II, при ее непосредственном участии, был подготовлен проект Положения о тюрьмах (1788 г.), в котором был использован опыт организации тюремных систем передовых европейских государств. Однако реализация проекта Положения, так же как и большинства прогрессивных законодательных актов, не была обеспечена ни в финансовом, ни в организационном плане. Проект оказался мертворожденным. Продолжив начатые Петром I реформы тюремной системы страны, Екатерина II учредила во всех губерниях приказы общественного призрения, остроги, тюрьмы и каторги с вечной ссылкой «злодеев». Одновременно были приняты попытки организации финансирования содержания заключенных за счет казны [2]. В 1778 году своим указом Екатерина II определила количество «кормовых» для здоровых и больных колодников и разрешила лечить последних за счет казны с 1796 года [3].

В 1805 году все управление медицинскими делами в России разделилось на три самостоятельные части — гражданскую, военную и морскую [4]. С 1819 года заведование всей гражданской медициной сосредоточивается в Министерстве внутренних дел, в составе которого образован медицинский совет, ветеринарный комитет и медицинский департамент. Местное медицинское управление в этот период сконцентрировано во врачебном отделении губернского правления, состоящем в ведении губернского врачебного инспектора, подчиненного губернатору. При этом в соответствии с т. XIV Свода Законов лечение больных арестантов, особенно в тех местах, где не было особых больниц при острогах, входило в попечение непосредственно губернатора [5]. На врачебное отделение возложены лечебная, санитарная, ветеринарная и судебно-медицинская обязанности. При его органах в уездах состоят уездные врачи, по одному на уезд, ветеринарные врачи и их помощники, уездные фельдшера, в городах — городские врачи.

Всего, по данным МВД по состоянию на 1827 год, в штатах государственной медицины состояло: уездных, городских и полицейских врачей — 553, врачей при больницах приказов обще-

ственного призрения — 37, карантинных врачей — 41. По стране в 1842 году насчитывалось уже 7600, в 1845 — 8078 врачей [6]. Основную заботу врачей составляла борьба с распространением эпидемических заболеваний: чумы, холеры, оспы.

Несмотря на значительное развитие государственной медицины, в ведении которой находились и места заключения, имеющиеся при тюрьмах больницы в начале XIX века «в большей части найдены в неудовлетворительном состоянии: белье на постелях грязно, одеяла рваные, халаты пригнаны не в меру; больные не размещаются по родам болезни; медики редко посещают больницы, беспечность их в этом отношении доходит иногда до бесчеловечности» [7].

Если первые попытки правового регулирования медицинского обеспечения заключенных в России и организация его за счет государственной казны были сделаны в XVIII веке, то в XIX веке нормированное медицинское обеспечение арестантов стало закрепленной обязанностью государства, что ранее не предусматривалось. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года [8] регламентировала вопросы медицинского обеспечения при исполнении наказаний, условия содержания в тюремном лазарете и лечения; юридически закрепила регламенты взаимодействия врача и смотрителя тюремного замка, основные обязанности врача тюремного замка, а также требования по организации лечения арестантов.

Именно в этот период Фёдор Петрович Гааз после ухода с поста штадт-физика (главного врача) Москвы трудился простым врачом. Однако этому было суждено продолжаться недолго.

Следует сказать, что 19 июля (31 июля по новому стилю) 1819 года высочайше утвержденным докладом Министра духовных дел и народного просвещения № 27 895 «Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах» под покровительством Александра I было образовано Попечительное общество о тюрьмах. Инициатором создания Общества стал английский филантроп В. Веннинг — член Лондонского общества улучшения мест заключения. Главными целями Общества было содействие нравственному исправлению преступников и улучшение бытового содержания заключенных. Во главе Общества сто-

ял президент, назначаемый императором. Возглавил комитет министр народного просвещения и духовных дел Александр Голицын. Попечение общества распространялось на все места заключения: тюрьмы, рабочие и смирительные дома, съезжие дворы. Члены комитетов имели право посещать все места заключения и обращаться к властям с замечаниями и просьбами по улучшению содержания арестантов.

Исполнительными органами Общества на местах стали его губернские комитеты: мужские и женские. Постепенно комитетам Общества были передана организация снабжения арестантов пищей, одеждой (с 1830 года Обществом была введена форма для арестантов), бельем, обувью, устройство тюремных больниц и лечение заключенных, их коммунально-бытовое обеспечение (баня и стирка белья), а также ведение огородов для улучшения питания арестантов. Постепенно к Обществу перешло все тюремное хозяйство. Ему переданы благотворительные сборы (кружечные деньги) в 1820 году, суммы из городских и земских сборов на отопление и освещение тюрем (1825), казенные средства на продовольствие (1827), одежду (1829) и лечение (1837) арестантов.

Таким образом, основанное с филантропическими целями исправления преступников, Общество постепенно за счет расширения своих функций превратилось в распорядительный орган, утратило свой общественный характер и стало получать государственные ассигнования на материально-бытовое и медицинское обеспечение заключенных. Впоследствии, с 1855 года, Общество было причислено к Министерству внутренних дел, а его президентом стал глава министерства.

Обществу вменялись обязанности: внутреннее устройство мест заключения в целях создания условий для поддер-

Благотворительные сборы. Иллюстрация Е. Самокиш-Судковской к книге А.Ф. Кони «Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк»

жания здоровья арестантов; контроль за правильным размещением арестантов, подразделение их по полу, званию, возрасту и роду преступлений; обеспечение их продуктами питания; контроль за содержанием мест заключения в исправном состоянии; забота о поддержании тюремных больниц в должном состоянии и обеспечение нормального лечения больных арестантов; обеспечение арестантов одеждой, бельем, обувью и удовлетворение иных их потребностей; исправление нравственности арестантов; сооружение церквей в тех местах заключения, где их нет, и содержание всех тюремных церквей в надлежащем состоянии; забота о скорейшем разрешении участи заключенных; забота о пересылаемых арестантах; выкуп заключенных — неисправных должников.

Московский губернский комитет Общества попечительного о тюрьмах был создан лишь в 1828 году, т.е. через девять лет, а вице-президентом стал по должности московский генерал-губернатор Дмитрий Владимирович Голицын. В его компетенцию входили дела хозяйственные, духовными ведал митрополит Московский Филарет (Дроздов).

Доктор Гааз был приглашен на новую должность секретаря тюремного комитета и вскоре был назначен главным врачом всех московских тюрем, что послужило переломным моментом в его жизни.

В своем ответном письме на приглашение князя к работе в Тюремном комитете он пишет: «Я понял полностью и окончательно, что мое призвание — быть членом тюремного комитета». Его новая должность вполне соответствовала его подвижническому характеру.

«Увидав воочию положение тюремного дела, войдя в соприкосновение с арестантами, Фёдор Петрович, очевидно, испытал сильное душевное потрясение. Мужественная душа его не убоялась, однако, горького однообразия представившихся ему картин, не отвернулась от них с трепетом и бесплодным соболезнованием. С непоколебимой любовью к людям и к правде взгляделся он в эти картины и с упорною горячностью стал трудиться над смягчением их темных сторон. Этому труду и этой любви отдал он все свое время, постепенно перестав жить для себя» [9].

Уже 2 апреля (14 апреля по новому стилю) 1829 года Гааз усиленно ходатайствовал перед московским генерал-губернатором князем Д.В. Голицыным об освидетельствовании состояния здоровья всех находящихся в Москве арестантов. Благодарный, внимательно относившийся к нуждам заключенных, князь удовлетворил его ходатайство.

Этот гуманный поступок доктора Ф.П. Гааза в дальнейшем нашел отражение в приказе Федеральной службы исполнения наказаний от 22 марта 2011 года № 161 об объявлении 14 апреля Днем медицинской службы уголовно-исполнительной системы.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
(ФСИН РОССИИ)

П Р И К А З

22 марта 2011 № 161

**Об объявлении Дня медицинской службы
уголовно-исполнительной системы**

2 апреля 1829 года (14 апреля по новому стилю) член Московского попечительного о тюрьмах комитета главный врач московских тюрем Ф.П. Гааз обратился к учредителю названного комитета князю Д.В. Голицыну с просьбой уполномочить его свидетельствовать состояние здоровья всех находящихся в Москве арестантов. По решению Д.В. Голицына Ф.П. Гаазу было предоставлено право осуществлять независимый объективный врачебный контроль состояния здоровья арестантов, что фактически явилось одним из первых шагов на пути создания медицинской службы в учреждениях, исполняющих наказания.

В целях повышения статуса работников медицинских служб учреждений и органов уголовно-исполнительной системы **п р и к а з в а ю:**

Объявить 14 апреля Днем медицинской службы уголовно-исполнительной системы.

Директор
генерал-полковник внутренней службы

А.А. Реймер

Исп. Зиничев Т.А.
тел. 459-00-54, вн. 50-54

За короткое время Гааз становится самым активным членом комитета. Всего в ведении Фёдора Петровича Гааза, как главного врача московских тюремных больниц, находились: мужская больница при тюремном замке на 72 кровати, ее отделение для пересыльных на Воробьевых горах, открытое в 1832 году, на 120 кроватей и помещение для больных арестантов при Старо-Екатерининской больнице.

Фёдор Петрович активно заботился об арестантах, содержащихся в тюрьмах Москвы. Он требовал от младшего больничного персонала терпеливого и доброго отношения к больным. Много сил Фёдор Петрович Гааз уделял Московскому тюремному замку, или Бутырской тюрьме. Тюрьма эта построена в 70-е годы XVIII столетия и была довольно грязная, плохо застроенная, не имела канализации. По настоянию Фёдора Петровича впервые в камерах были сделаны окна, поставлен умывальник; оборудованы нары (до тех пор спали на полу). Гааз распоряжается установить в камерах нары с матрацами из соломы, а также подушками, набитыми балтийскими водорослями, очищающими и дезинфицирующими воздух. Матрацы менялись каждые полгода, чтобы не заводились кровососущие насекомые — клопы или вши.

Внутри тюрьмы был храм, но очень тесный. Гааз и Митрополит Филарет добились, чтобы храм расширили. Вокруг специально построили камеры, и заключенные, которые не помещались внутри, могли наблюдать за службой. Во дворах тюрьмы, по рекомендации доктора, посадили сибирские тополя для очищения воздуха, а вокруг был проведен дренаж и устроены мостовые. «Святой доктор» старался лиц, содержащихся в тюрьме, приучить к труду, убеждал каждого в необходимости освоения профессии. Гааз организовал для заключенных мастерские: портняжную, сапожную, столярную, переплетную (столярная мастерская действует до сих пор, там делают самые дешевые в наше время табуретки). Выделялась помощь заключенным, которые обещали прекратить воровскую жизнь, а освободившимся заключенным выдавалось пособие на проезд до дома, чтобы они в дороге не грабили крестьян. Финансировались все эти проекты из благотворительного фонда тюремного комитета.

Рядом с Бутырской тюрьмой Гааз организовал приют для детей, чьи родители находились в тюремном замке, ведь семья была вынуждена ехать за осужденным отцом в ссылку. Чтобы облегчить участь родственников, оставшихся без кормильца, Гааз устроил дом дешевых квартир для жен заключенных, а также школу для детей сосланных родителей, набрал специальный штат учителей. Учили не только арифметике, грамматике, Закону Божьему, но и давались практические знания. По инициативе Гааза Президиум Общества попечительного о тюрьмах издал распоряжение, на основании которого дети арестантов при поступлении в тюрьму с родителями направлялись в заведения Приказа общественного призрения (губернского). Позже эти дети передавались в благонадежные семьи на воспитание, с выделением на них из казны кормовых денег.

Гааз ходатайствовал также об отмене бритья половины головы пересылаемым по этапу, особенно женщинам, и Государственный совет вынужден был отменить эту кару, оставляя ее лишь для осужденных к каторжным работам.

Отдельной заботы требовали заключенные, направляемые к месту отбывания наказания по этапу. Введение этапной системы сопровождения арестантов, принятие Устава о ссыльных

Заключенная. Иллюстрация Е. Самокиш-Судковской к книге А.Ф. Кони «Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк»

и Устава об этапах в сибирских губерниях способствовали упорядочению деятельности конвойной службы. В Уставе об этапах подробно изложены правила отправления и сопровождения арестантов, их передвижения, сроки нахождения в пути, время отдыха и т.п. Согласно Уставу, в Сибирь ссылались: в каторжную работу; на поселение.

Увидев впервые Московскую пересыльную тюрьму, Гааз пришел в ужас. Первые преобразования доктор провел во Владимирской пересыльной тюрьме, куда прибывали заключенные из 23 губерний. Обычно они проводили там два-три дня, а затем отправлялись по тюрьмам во Владимирскую губернию. Гааз настоял на увеличении пребывания арестантов в пересыльной тюрьме с трех дней до недели, чтобы они отдохнули перед дальней дорогой. Ввел отдельное содержание под стражей мужчин и женщин, а также рецидивистов и впервые попавших в тюрьму заключенных. Способствовал расширению казарм и отоплению их. При тюрьме были пристроены больница на 120 мест с трехразовым питанием и маленькая церковь. Деньги на модернизацию тюрем были взяты из средств Московского тюремного комитета и благотворителей: князя Дмитрия Голицына, митрополита Филарета и самого доктора Гааза.

Московская пересыльная тюрьма находилась тогда на Воробьевых горах, напротив Девичьего поля и знаменитого Новодевичьего монастыря. В то время один раз в неделю из нее отправляли партии ссыльных в далекую Сибирь. Их участь особенно волновала Фёдора Петровича.

Обычно преступников заковывали в тяжелые цепи и отправляли пешком в далекий путь. С 1825 года был утвержден новый порядок пешего конвоирования арестантов, которых при следовании по территории Сибири предписывалось приковывать к металлическому пруту. На толстый аршинный железный прут с ушком надевались 10 запястий арестантов, в ушко вдевался замок, а в каждое запястье заключалась рука. Ключи от замка находились у конвойного унтер-офицера в особой сумке, которая запечатывалась начальником этапа. Распечатывать сумку во время пути не разрешалось.

По этапу. Иллюстрация
Е. Самокиш-Судковской
к книге А.Ф. Кони
«Фёдор Петрович Гааз.
Биографический очерк»

На прут нанизывались правонарушители без различия степени вины — убийцы, мелкие ворюжки, дебоширы, утратившие паспорт, ссылаемые помещиком строптивые крепостные. Люди сбивались с ног, слабые тяготили сильных, запястья натирали руки, железо накалялось под солнцем и становилось ледяным на морозе. Наконец, по естественной нужде одного останавливались все, и «все делалось при всех». Люди завидовали каторжникам: шли в кандалах, но все же каждый сам по себе.

На каторгу шли от трех до шести лет (в срок заключения период этапирования не включался). В день проходили от 15 до 25 км. Прут и сам по себе был тяжелый, а на него еще «нанизывалось» 20–40 человек — разного роста, возраста, тяжелобольные, без ноги или руки. С обеих сторон прут держали солдаты. К тому же кандалы мерзко лязгали, это быстро начинало раздражать, а ведь шли почти целый день — с 10-минутными перерывами через каждые три часа.

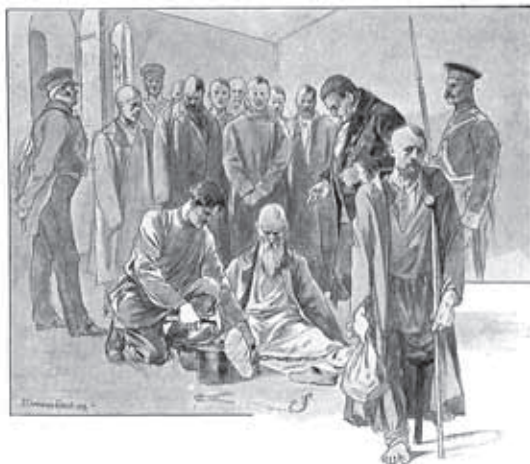
Доктор настоял перед тюремным комитетом и министром внутренних дел, чтобы вместо прута сделали цепь, которая позволила бы заключенным передвигаться более свободно. В 1833 году в Москве и Московской губернии прут был отменен. Для этой цели использовали цепь, к которой этапирруемые пристегивались с помощью быстро закрепляющихся наручников. Это изобретение приписывается командиру Отдельного корпуса внутренней стражи генералу П.М. Капцевичу [10]. Для облегчения передвижения на цепь приковывалось по 5–6 человек определенной комплекции, причем только рецидивистов и тех, кто совершил тяжелые преступления. Всех

остальных, по настоянию опять же доктора Гааза, освободили и от цепи.

Огромной помощью заключенным была не только замена прута на цепь, но и облегчение самих кандалов. Раньше кандалы весили почти 16 кг, усовершенствованная гаазовская «модель» — всего 5–7 кг. С внутренней стороны, на уровне щиколотки, кандалы обшивались телячьей или свиной кожей, чтобы ноги не стирались в кровь, а зимой не обмораживались. Каждую новую «модель» Гааз испытывал на себе, проходя в ручных и ножных кандалах по неделе, и на недоумение окружающих отвечал: «Я хочу знать, каково им идти в этих кандалах». Этому нововведению доктора долго противоборствовало министерство внутренних дел, но в конечном счете в 1836 году победа осталась за Гаазом. Кроме этого, несмотря на возмущение чиновников, престарелых заключенных, по распоряжению Гааза, вообще освобождали от кандалов. Благодарные заключенные после смерти доктора поставили ему памятник, ограду которого оплели, как венком, настоящими каторжными кандалами.

Немало внимания Фёдор Петрович уделял отправлению заключенных на этап. Поддержку Гаазу оказывали московские предприниматели — лесопромышленник-старообрядец Рахманов и булочники Филипповы. Этапируемых вели из пересыльной тюрьмы на Воробьевых горах через весь город около трех часов. По замыслу доктора в окрестностях Москвы, за Рогожской заставой, в районе нынешних станций метро «Площадь Ильича» и «Римская» был устроен для ссыльных полуэтап — отгороженный дворик, где

Перековка кандалов.
Иллюстрация
Е. Самокиш-Судковской
к книге А.Ф. Кони
«Фёдор Петрович Гааз.
Биографический очерк»

заклученные могли отдохнуть, попрощаться с родными перед далеким и нерадостным путем. Там же сердобольные москвичи наделяли этапируемых продуктами и деньгами. Булочники Филипповы поставляли всем заключенным ситные калачи: их специально пекли на соломе, на хорошо просеянной муке, они не черствели и очень помогали в дороге.

Сюда перед отправкой каждой новой партии приезжал «добрый генерал» (так нарекли заключенные доктора Гааза). Он привозил много провизии, тюки теплой одежды, приобретенные на личные средства. Кроме того, каждому давал Евангелие, а также книги, полезные для души, изданные за свой счет.

Гааз иногда сопровождал заключенных и после выхода из Москвы. Разговаривая, шел с ними по Владимирскому тракту (сейчас шоссе Энтузиастов). Провожая лично каждый этап, Гааз распорядился сажать тяжелобольных заключенных, престарелых и женщин в телеги, чего раньше до него никто не делал. По требованиям доктора тракт выровняли и по обочинам устроили специальные навесы, чтобы в случае дождя заключенные могли укрыться. Многие вспоминают, что даже зимой можно было видеть человека, уже пожилого, в старой волчьей шубе, который провожал арестантов, доходя с ними до современной Балашихи. Закоренелые преступники плакали, прощаясь с ним. Бесхитростные его речи живым источником падали на огрубевшие души осужденных.

Гааз в любом человеке видел «человека», даже в отверженном, и изо дня в день боролся с государственной жестокостью, которая превращала наказание людей в муку. Гааз чувствовал грань между «наказанием за преступление» и «издевательством», «убиением всего человеческого»; отстаивал уважение к человеческому достоинству, проявление милосердия. Страстно ходатайствовал он за тех, кто, по его мнению, был осужден невинно или заслуживал особого милосердия. В таких случаях он не останавливался ни перед чем: спорил с митрополитом Филаретом, писал письма императору Николаю и прусскому королю, брату императрицы Александры Фёдоровны...

Но Гааз заботился не только о земном, считая, что многие из преступников стали таковыми в результате отсутствия у них религиозного и нравственного самосознания. Он составил и издал за свой счет небольшую книжку под названием «Азбука христианского благонравия. Об оставлении бранных и укоризненных слов и вообще неприличных на счет ближнего выражений, или о начатках любви» [11] и вручал ее арестантам, закованным в цепи и отправляющимся этапом в Сибирь.

Память о Гаазе жила в тюрьмах, в сибирских городах и поселках — в семейных преданиях тех, чьи отцы и деды были каторжанами или ссыльными.

А.Ф. Кони пишет, что В.А. Арцимович был во второй половине 1850-х годов в Тобольске губернатором. При объезде губернии он остановился однажды в одном из селений в избе бывшего ссыльнопоселенца, давно уже перешедшего в разряд водворенных и жившего с многочисленной семьей широко и зажиточно. Когда Арцимович, уезжая, сел уже в экипаж, вышедший его провожать хозяин, степенный старик с седой окладистой бородой, одетый в синий кафтан тонкого сукна, вдруг упал на колени. Думая, что он хочет просить каких-либо льгот или полного помилования, губернатор потребовал, чтобы он встал и объяснил, в чем его просьба. «Никакой у меня просьбы, Ваше Превосходительство, нет, и я всем доволен, — отвечал, не поднимаясь, старик, — а только... — и он заплакал от волнения, — только скажите мне хоть Вы, ни от кого я узнать толком не могу, скажите: жив ли еще в Москве Фёдор Петрович» [9].

Назначенный секретарем Тюремного комитета, доктор Гааз со всей немецкой основательностью относился к своим обязанностям. Им написано изрядное количество писем, обращений, в том числе в Московский Тюремный комитет, касающихся различных вопросов жизни арестантов. Все они были направлены на улучшение содержания заключенных, создание человеческих условий пребывания и пересылки как самих этапиремых, так и членов их семей.

Комитет прошени образа
тоб вв Комитетъ "покор-
ныее прошеу подвергнути
ей грона внимательнущу
разсмотрению
Фёдоръ Газъ

Автограф Ф.П. Газа (фрагмент письма в Попечительский комитет) ³¹

В течение 25 лет состоялось 293 заседания комитета, и только один раз Фёдор Гааз отсутствовал. Комитет, кроме всего прочего, выполнял функции комиссии о помиловании. В юридической практике того времени была такая новелла — «оставлении в подозрении». При отсутствии собственного признания и законного числа свидетелей следователь не передавал дело в суд, но фактически лишал человека всех прав и отправлял в ссылку. В документах комитета имеются 142 ходатайства доктора о помиловании или пересмотре дела осужденных.

Даже после устранения от заведования освидетельствованием пересыльных вследствие слишком «человеколюбивого» подхода, Гааз не сложил оружия. Он продолжал ездить в пересыльную тюрьму и на этап, видеть «своих» арестантов, просить за них и заступаться, несмотря на то, что он был предупрежден, что если будет продолжать «нарушать порядок», то будет «удален силою».

К сожалению, 7 ноября 1851 года был изменен Устав Попечительного Общества, что повлекло за собой превращение его в официальное учреждение с неотъемлемыми бюрократическими чертами, что не могло способствовать развитию многих

³¹ РГАЛИ. Ф. 3265. Оп. 1. Д. 256.

филантропических начинаний [12]. В начале августа 1853 года Фёдор Петрович тяжело заболел, и вскоре его не стало. Слезами встретили в тюрьмах и больницах известие о болезни и кончине любимого доктора.

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации помнит и ценит деятельность доктора Ф.П. Гааза на ниве пенитенциарной медицины. Приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 10 ноября 2005 года № 855 учреждена медаль Фёдора Гааза.

Ею награждаются за большой вклад в развитие и совершенствование здравоохранения уголовно-исполнительной системы; за достижение высоких результатов лечебно-профилактической помощи лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы; за организацию и проведение эффективных мероприятий по обеспечению санитарно-противоэпидемического благополучия лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы; за личный вклад в развитие медицинской науки и образования, подготовку квалифицированных медицинских кадров для уголовно-исполнительной системы и укрепление международного сотрудничества России в области пенитенциарной медицины.

О роли личности доктора Фёдора Петровича Гааза в развитии отечественной пенитенциарной системы, как нельзя лучше, писали его современники. Председатель Петербургского тюремного комитета П.С. Лебедев утверждал: «Гааз, в двадцать четыре года своей деятельности, успел сделать переворот в нашем тюремном деле. Найдя тюрьмы наши в Москве в состоянии вертепов разврата и уничтожения человечества, Гааз не только бросил на эту почву первые семена преобразований, но успел довести до конца некоторый из своих начинаний, и сделал один, и не имея никакой власти, кроме силы убеждения, более, чем после него все комитеты и лица власть имевшие» [13].

Литература

1. *Филичкин А.А.* История становления пенитенциарной медицины в России // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 1. С. 90-93.
2. *Пертли Л.Ф.* Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России: монография / Под научн. ред. С.И. Кузьмина. М., 2011. 200 с.
3. *Тимофеев В.В., Тимофеев В.Г.* Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 29.
4. *Ханыкова Я.В.* Очерк истории медицинской полиции в России. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1851. 114 с.
5. *Коковцов В.Н., Рухлов С.В.* Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1894. С. 12.
6. Министерство внутренних дел России: 1802–2002. Исторический очерк в 2-х т. Т. 1. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. С. 111–112.
7. *Лучинский Н.Ф.* Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.) // Тюремный вестник. 1914. №2. С. 288.
8. *Рассказов Л.П., Упоров И.В.* Тюремные инструкции в Российской империи: учебное пособие. Краснодар: Изд-во Краснодар. юрид. ин-та, 1999. С. 20–21.
9. *Кони А.Ф.* Фёдор Петрович Гааз. Библиографический очерк. СПб., 1896.
10. *Курков К.Н., Опар И.П., Пертли Л.Ф.* Конвойная служба в России: история и современность. М., 2008. 121 с.
11. *Давыдова Н.В., Пертли Л.Ф.* Пенитенциарная медицина: история и люди: учебное пособие. М.: НИИ ФСИН России, 2011. 96 с.
12. От тюрем к воспитательным учреждениям / Сб. статей под общ. ред. А.Я. Вышинского. М.: Советское законодательство, 1934. С. 35.
13. *Копелев Л.* Святой доктор Фёдор Петрович Гааз. СПб.: Петро-РИФ, 1993. 190 с.

Глава 5.

Гааз — святой московский доктор

Александрова И.Э., Вернер А.

Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Российская Федерация

Клиника Хелиос Крефельд-Дюссельдорф (HELIOS Hospital Group), Дюссельдорф, Германия

95

ГЛАВА 5 • ГАЗ — СВЯТОЙ МОСКОВСКИЙ ДОКТОР

«Будьте... сострадательны, братолюбивы, милосердны, дружелюбны».
(Первое послание Петра, глава 3, Библия)

В любую эпоху для врача не менее важной задачей (а нередко — основной) является облегчение страданий больного, его близких и улучшение качества их жизни. Реализация особой философии, открывающей пути избавления от страдания, дает возможность для личностного и духовного роста как самому пациенту, так и оказывающему помощь доктору [1].

Жизнь и служение Фёдора Петровича Гааза — наилучший пример этого. Врач и философ Гааз по своему свободному выбору приехал в страну, далекую от его родных краев, и с каждым годом он все уверенней сознавал, что его свободная воля, которая привела его в Москву и побуждала там оставаться, вопреки всем внешним препятствиям, всем неблагоприятным обстоятельствам, выражает и волю Провидения.

Ф.П. Гааз с ребенком на руках. Иллюстрация Е. Самокиш-Судковской к книге А.Ф. Кони «Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк»

Недаром к судьбе и подвижничеству Фёдора Петровича обращались и обращаются не только писатели, поэты, историки [2, 3], но и представители духовенства, церкви. Гааз есть и остается нравственным авторитетом и образцом самоотверженного христианского служения ближним. Его путь — путь деятельной любви, воплощаемый через реальное служение человеку [4]. «Бог видел, как много любви носит в своей огромной душе доктор Гааз, поэтому открыл ему мир таких невыносимых человеческих страданий, принять которые в свое сердце было по силам далеко не каждому» [5].

Так описывает московская родня и приятели княгини Репниной только что приехавшего в Россию молодого Гааза: «Своими добродетелями не чванится, чужих грехов не судит, не пересуживает. Напротив, о любом и каждом норовит сказать хоть что-нибудь доброе, похвальное. Ласков и приветлив без корысти; перед сильными и богатыми не искателен; с простолюдинами, с прислугой — кроток и милостив» [6].

Где бы ни врачевал доктор Гааз, на каких бы должностях ни находился, стремление помочь любой ценой, забота не только о физическом состоянии, но и душевном и даже нравственном состоянии пациентов – отличительная черта его деятельности, стиль жизни, его мировоззрение.

Придание решающего значения личности врача в лечении больного и его отношения к пациенту характерно для медицины «романтизма» [7] — эпохи, философией которой становится личное саморазвитие. Общество же, согласно романтической философии, развивается как организм, где каждый орган уникален, но работает на благо целого.

Гааз лечил больных в богадельнях, приютах, больницах, в том числе тюремных. Его боготворила вся Москва. «Святой доктор», «божий человек», «печальник за несчастных» — с благодарностью, почитанием и любовью величали пациенты доктора Гааза.

В ранг «святого доктора» его возвели заключенные, когда тот в 1827 году стал главным врачом московских тюрем. Находясь на этом посту почти четверть века, он заставил изменить отношение общества к преступникам, всей душой принял чужую беду, участь арестантов стала волновать его настолько, что

он минимизировал врачебную практику, раздал свои средства и, совершенно забывая себя, отдал все свое время и все свои силы на служение «несчастливым».

В книге «Ma visite aux Eaux d'Alexandre» наряду с подробным описанием всех открытий, Гааз выражал и свои философские взгляды: «Зависимость человека от обстоятельств требует снисходительного отношения к его заблуждениям и слабостям. В таком снисхождении, конечно, мало лестного для человечества; но упрекать и порицать людей за эту зависимость было бы и несправедливо, и жестоко. Зато часто полезно бывает в иных случаях именно так рассматривать и наши суждения, и наши действия, т. е. сознавать нашу зависимость от внешних обстоятельств. Тогда ошибки наших ближних не станут сразу же вызывать гнев, а чья-либо поразительная добродетель не приведет в экстаз и можно будет лучше познать природу и причины каждого явления».

Доктор доказывал, что сущность Божества и Божественный промысел непостижимы рассудком и потому воспринимаются совершенно по-иному, чем земные предметы, доступные нашему зрению, слуху, осязанию, ухищрениям человеческой мысли, которая постигает причины и связи явлений и способна измерять пространство и время. Ибо вера и знание суть совершенно различные и почти не зависящие друг от друга пути, открытые человеческому духу, взыскующему истины... Но земные истины постижимы знанием, опытом, рассудком. А Божественная истина воспринимается лишь через откровение, сердечной верой, сердечным, душевным опытом...

«Преступления, кои свершаются разными людьми, — говорил Гааз, — бывают от разных причин. И вовсе не всегда от врожденного злодейского нрава — такое даже весьма редко бывает — и не так уж часто из корыстных и иных злых побуждений. Наибольшая часть преступлений совершается от несчастья — от несчастных случайных обстоятельств, при которых дьявол подавляет совесть и разум человека, одержимого гневом, ревностью, мстостью, обидой, либо от долгого тягостного несчастья, изнуряющего душу человека, преследуемого несправедливостью, унижениями, бедностью; такое изнурение души еще более опасно, чем случайный мгновенный порыв страсти.

Немало преступлений свершается также еще из-за болезней — явных и сокровенных болезней телесных и душевных, подавляющих или злокозненно возбуждающих нрав человека, ослепляющих и расслабляющих его так, что он становится послушным орудием в руках злодеев, невольным исполнителем повелений дьявольских. Болезни бывают причинами преступлений, но еще чаще становятся их последствиями. Арестант, подавленный сознанием греха и телесно угнетенный строгим наказанием — ударами кнута, клеймами на лице, кандалами, голодом, всеми тяготами тюремной жизни, легко становится жертвой любой болезни. <...> Посему необходимо понимать, что есть постоянная связь между преступлением, несчастием и болезнью. И добродетельные, благополучные, здоровые люди должны помнить об этой горестной связи. Необходимо справедливое, без напрасной жестокости отношение к виновному, деятельное сострадание к несчастному и признание больных» [6].

Чуждый ремесленному взгляду на свою врачебную деятельность, отзывчивый на все стороны жизни, умевший распознавать в оболочке больного или немощного тела страждущую душу, он никогда не ограничивал своей задачи, как это делалось многими при нем и почти всеми после него, одним лечением, несомненно, больных арестантов. Лекарство стояло у него на втором плане. Забота, сердечное участие и в случае надобности горячая защита — вот были его главные средства врачевания. «Врач, — говорилось в составленной им инструкции для врача при пересыльной тюрьме, — должен помнить, что доверенность, с каковою больные предаются, так сказать, на его произвол, требует, чтобы он относился к ним чистосердечно, с полным самоотвержением, с дружескою заботою об их нуждах, с тем расположением, которое отец имеет к детям, попечитель — к питомцам». «Комитет требует, — говорится далее в той же инструкции, — чтобы врач пользовался всяким случаем повлиять на улучшение нравственного состояния ссыльных; этого достигнуть легко, надо только быть просто добрым христианином, то есть заботливым, справедливым и благочестивым. Заботливость должна выразиться во всем, что относится к здоровью ссыльных, к их кормлению, одежде,

обуви и к тому, как их сковывают; справедливость — в благосклонном внимании к просьбам ссыльных, в осторожном и дружеском успокоении их насчет их жалоб и желаний и в содействии удовлетворению их; благочестие — в сознании своих обязанностей к Богу и в заботе о том, чтобы все ссыльные, проходящие чрез Москву, пользовались духовною помощью. Необходимо с уверенностью надеяться, что врач при попечении о здоровье ссыльных в Москве не оставит ничего желать и будет поступать так, чтобы по крайней мере никто из страждущих ссыльных не оставлял Москвы, не нашедши в оной помощи и утешений, каких он имеет право ожидать и по своей болезни, и по лежащему на тюремном комитете долгу, и по мнению, которое русский человек привык иметь о великодушии и благотворительности матушки-Москвы» [8].

Добрый иноземец знает о России не меньше нашего, а понимает, пожалуй, и побольше. Он ведь не только с губернаторами, сановниками да учеными господами знает, он и мужичков, и купцов, и солдат, и самых наибеднейших людишек со всех концов Руси великой каждодневно встречает. Да не просто взирает на них, не из окошка кареты, не с крыльца барских палат, не свысока в лорнетку щурится... Он и тела их лечит, и в души вглядывается, вдумывается [6].

Фёдор Петрович не знал страха — ни перед людьми, ни перед смертью. Во время эпидемии холеры в 1830 году он, принимая в больнице дрожащих от озноба холерных больных, обнимал их и целовал, чтобы внушить надежду. «Делаю, как велит Господь, приветствую больного брата... Эта болезнь не заразительная, и я не только на Бога надеюсь, но и хорошо знаю, что от прикасания к больному не может быть опасности». Вместе с санитарями он усадил холерного в ванную, потом уложил в кровать, обкладывал теплыми компрессами ноги и руки, сводимые судорогами. Спокойное бесстрашие Гааза, который целовал больных, помогал их купать и укутывать, многих и восхищало, и пугало, а кое-кого и злило [8].

Доктору пришлось однажды и усмирять холерный бунт на Сухаревке, выйдя один к разъяренной толпе, — только словом веры и добра.

Однажды в больницу привезли крестьянскую девочку, умирающую от волчанки. Страшная язва на ее лице была настолько уродлива и зловонна, что в помещение, где находилась эта одиннадцатилетняя мученица, не мог войти никто, даже родная мать. И только доктор Гааз ежедневно подолгу сидел у ее постели, целовал девочку, читал ей сказки, не отходил, пока она не умерла.

100

«Неумеренный филантроп» был «костью в горле» для чиновников, казнокрадов и бюрократов. Он терпеливо объяснял, доказывал, упрасивал, умолял, писал подробнейшие докладные записки, сердился, кричал, отчаивался, просил простить за дерзости, обещал впредь ничего не делать, не испросив разрешения, не договорившись...

«Фёдор Петрович молча опустился на колени и закрыл лицо руками, плечи вздрагивали. Щербатов выскочил из-за стола, стал поднимать его.

— Бог с тобой, Фёдор Петрович. Бог с Вами, друг мой. Вас, видно, не переупрямишь. Во всяком случае, я не берусь. Действуйте как знаете...»

Он не в первый раз падал на колени. Когда император Николай, навестивший Москву, осматривал новые здания пересыльной тюрьмы, тюремную церковь и больницу, те, кто особенно досадовал на «неумеренного филантропа», указали, что доктор Гааз препятствует исполнению законов, потакая арестантам. Вот старик содержится в больнице уже третий месяц без видимых болезней, токмо филантропической волей доктора Гааза... Император поглядел на худого седобородого старика в длинной холщовой рубахе, стоявшего, как и другие больные, склонив голову, у койки.

— Старой веры он, Ваше императорское величество. Смутьян. Определен на бессрочное поселение в Нерчинск.

Царь посмотрел на Гааза тяжелым свинцовым взглядом, тем самым, от которого боевые генералы терялись до обморока.

— Что же это ты, Фёдор Петрович, самовольничаешь?

Гааз, стоявший в стороне, сделал шаг, другой и прямо перед императором опустился на колени, склонив голову. Царь с улыбкой оглядел окружающих.

— Добро уж, Фёдор Петрович! Прощаю. Но впредь будь благодарней. Что ж это ты?.. Не слышишь разве? Я сказал: прощаю, встань.

— Государь, не встану, если Ваше Величество не услышите меня. Это бедный старик, очень слабый. Он не может в оковах идти в Сибирь. Он умрет в начале дороги. Государь, прошу, умоляю Вашего монаршего великодушия. Помилуйте его. Пусть он встретит кончину в своем доме, в семье.

Николай нахмурился. Посмотрел на старого арестанта, на Гааза, который поднял голову, и его выпуклые голубые глаза влажно поблескивали от слез, но не опускались перед тяжелым взглядом царя.

— Ну что ж, милую! Отпустите его вовсе! На твою совесть, Фёдор Петрович...

Прятели Гааза, кто шутя, кто всерьез упрекали его, что он злоупотребляет коленопреклонением.

Он сердито отмахивался.

— Вы говорите: «Становиться на колени перед человеком унижительно... есть нарушение заповеди!!». Нет, господа и друзья мои, нет, не могу согласиться. Унижительно бывает просить на коленях милостей для себя, своей выгоды, своей награды, унижительно молить недобрых людей о спасении своего тела, даже своей жизни. Это может быть очень унижительно, даже если проситель сидит или прямо стоит. Но просить за других, за несчастных, страдающих, за тех, кому грозит смерть, не может быть унижительно, никогда и никак ... Наш Спаситель принял такие истязания, такие поругания. Принял казнь на кресте. А ведь это была унижительная казнь для разбойников, для осужденных рабов. Но Сын Божий все претерпел, ибо он спасал людей. И ничто не могло унижить его. И это пример для всех. Сказано ведь: «Блаженны кроткие ...»

Да, я есть немец, но прежде всего я есть христианин. И, значит, для меня «несть эллина, несть иудея ...» Почему я живу здесь? Потому что я люблю, очень люблю многие здешние люди, люблю Москву, люблю Россию и потому, что жить здесь — мой долг. Перед всеми несчастными в больницах, в тюрьмах. Потому что я хорошо знаю: я помогаю им, этим несчастным. Помо-

гаю и могу помогать больше, чем кто-либо другой. Это не есть моя фантазия, не есть смертный грех гордыни, это есть правда, каковую вы, господа, все знаете. <...> А это означает, что такой есть мой долг перед Господом Богом, если я больше других могу помогать самым несчастным, самым бедным, значит, этого хочет Бог, и я есть только его орудие.

— А в других краях разве нет несчастных, бедных?

— Есть и в других краях. И я верю, что Бог и туда направляет других людей, которые помогают, лечат, жалеют. <...> Но я приехал сюда 40 лет назад, был молодой — 26 лет, был и суетный: радовался, когда получал похвалы, уважение, деньги. Очень гордился, когда получил чин советника и этот крест святого Владимира. Но потом я стал больше понимать — каждый месяц, каждый год больше. И когда начиналась больница для чернорабочих, и когда начинался комитет попечения о тюрьмах, и когда я видел всех несчастных. Видел и слышал. Не только мои уши их слышали, но и мое сердце, моя душа. И тогда я понимал — это мой главный долг перед Богом и людьми. А все другое есть пыль, прах. Все — богатство, чины, почет. Я очень радовался, когда стал надворный советник и писал про это родителям, братьям, сестрам; радовался, когда большой дом купил. А теперь мне никакие дома не надо. Когда сказали, что я уже статский советник, значит, полковник или даже генерал, я был рад только потому, что думал: теперь офицеры на Воробьевых горах будут меня лучше слушать. Но скоро даже забыл новый чин. <...>

Для меня образ Спасителя свят, где бы он ни был освящен — в Риме, в Кёльне или в Москве. И слово Божье истинно и благотворно на всех языках. На латыни оно звучит для меня привычней и поэтому особенно прекрасно, но душе это слово внятно и по-немецки, и по-славянски, и по-русски [6].

Не боялся Гааз спорить и с митрополитом Филаретом Московским, с которым они сотрудничали в Московском попечительном комитете о тюрьмах. После очередной просьбы доктора за осужденных Филарет резко сказал, мол, среди них невинных нет. Фёдор Петрович ответил митрополиту, что тот забыл о Христе. На это Владыка ответил: «Это, видно, Христос меня оставил, Фёдор Петрович».

<...> Он был немцем, но большую часть жизни прожил в сердце России; он оставался убежденным католиком в среде убежденных православных. Его чтили самые знатные, самые богатые и самые просвещенные москвичи; с ним приятельствовали сановники, литераторы, светские дамы, ученые. <...> Но он, прежде всего, спешил к своим больным; он посвящал все свои душевные силы, мысли, время и заработки беднейшим из бедных, бесправным, униженным, обездоленным людям. И для них он был любящим братом в подлинном смысле этого слова; он не только призывал других жалеть и помогать, но прежде всего сам помогал, сострадая, он действовал: лечил, утешал, защищал от болезни и от сурового начальства [6].

Энергия и самоотверженность «Святого доктора» зажигала людей, была примером для других врачей [9].

Так, доктор Александр Дмитриевич Бланк — дед (по материнской линии) В.И. Ленина «во время одной из своих поездок для лечения на курорт встретился с доктором Гаазом. Они нашли общий язык [10]. Бланк немало времени посвятил лечению рабочих в уральских городах, где только начинала развиваться горнорудная промышленность. Здесь вся власть принадлежала заводчикам, процветали взяточничество и казнокрадство, к рабочим применялись страшные наказания, их судьба никого не волновала. Бланк вспоминал Фёдора Петровича — смело выступавшего в защиту заключенных, каторжников. Как странно, — думал Бланк, — чужестранец, случайно попавший в Россию и так воспринимавший чужую боль, чужую беду». Доктор Бланк подробно изучал научные труды Гааза. В частности, Александр Дмитриевич буквально загорелся идеей открыть полезные источники и на Урале для лечения рабочих с заболеваниями суставов. Его усилия увенчались успехом: источники были открыты на Юзовском заводе, и рабочие стали получать определенное лечение.

«Каким действительно смелым и добрым человеком, должно быть, был доктор, девизом жизни которого стало «Спешите делать добро» — думал Бланк. <...> В свою очередь, его самого посылали на борьбу с эпидемиями, ему приходилось работать хирургом, терапевтом и даже акушером. <...> Талант, милосер-

дие, знание своего дела и высокая требовательность создали ему репутацию весьма знающего врача. <...> У него было свое правило: «не терять зря ни одной минуты». Доброта и милосердие «заразительны».

Протоирей О. Александр (Мень) поставил личность доктора Гааза в один ряд с фигурами Андрея Рублева и Сергия Радонежского: «На самом деле Судья будет спрашивать нас не о теоретических убеждениях или мистических видениях, а о том, что мы сделали для Его меньших братьев» [11].

Исследования ученых-культурологов [12] показывают, что жизнь Ф.П. Гааза хорошо укладывается в агиографический канон (традиции, правила изложения аспектов святости, описания жизни святых). В его биографии выделены элементы, общие для житий святых, что можно объяснить близостью целей и задач, стоящих перед ними [13]. Так, тип бессребреников (сюда относятся, например, святые Пантелеймон, Косьма и Дамиан) — это те, кто безвозмездно врачевал страждущих (к ним же можно отнести и доктора Гааза). Путем анализа житий святых авторы выделили типологически близкие элементы, повторяющиеся из жития в житие, в том числе и в биографии Ф. Гааза:

- 1) святой достигает успеха в мирской карьере, впоследствии отказываясь от нее (и имущества) ради Христа;
- 2) этот отказ происходит в результате обращения;
- 3) все силы и средства после своего обращения святой направляет на бескорыстное служение ближним и Богу;
- 4) многим поведение святого кажется странным, вплоть до юродства;
- 5) окружение святого пытается ему всячески мешать;
- 6) с помощью Божией святой находит выход практически из всех затруднительных ситуаций;
- 7) после смерти святого происходит его прославление.

Это типичная структура многих житий святых (с теми или иными нюансами), она же явственно обнаруживается и в жизни доброго доктора.

1. Ф.П. Гааз добивается славы одного из лучших московских врачей, становится богатым человеком (дом в Москве, имение и суконная фабрика в Подмоскowie), а потом отказыва-

- ется от карьеры и к концу жизни становится практически нищим, отдав свое имущество нуждающимся.
2. Обращение Гааза, по-видимому, связано с сильным потрясением от ужасных страданий арестантов, в которых он увидел образ Христа — до этого же он был просто благочестивым человеком, хотя и помогал бедным.
 3. Все свои силы святой доктор направляет на улучшение жизни арестантов (добивается замены тяжелых кандалов на «облегченные»; продления отдыха ссыльных перед этапом), заботится о больных, беспризорных и всех нуждающихся.
 4. Многим Ф. Гааз кажется одиноким чудаком, а его благотворительная активность — блажью. Доктор целует холерных больных, провожает ссыльных на каторгу, дарит им Евангелие, конфеты и апельсины. Ходит в старом поношенном костюме, ездит на старой кляче, живет в двух комнатках при больнице (и иногда берет к себе жить тех больных, кому не хватило места), просит, встает на колени перед «сильными мира сего» и т.п.
 5. Деятельность доброго доктора многим не нравится, ему чинят всяческие препятствия. Он вынужден писать сотни ходатайств, прошений, буквально вести войну с бюрократами. Иногда не находит понимания даже у Церкви.
 6. Множество трудностей возникает из-за непонимания людей, бюрократических препятствий, нехватки средств. Но святой доктор не обращает внимания на насмешки, преодолевает противодействия чиновников, принимает пожертвования у аристократов и купцов, тут же раздавая их нуждающимся.
 7. Уже при жизни многие считают Фёдора Петровича святым. Внезапно тяжело заболев, он принимал всех, нуждавшихся в помощи. К умирающему приехал проститься митрополит Филарет. Гроб с телом святого доктора несли на руках от Покровки до Введенского кладбища в Лефортово, его провожала огромная толпа. Узнав о смерти, каторжники приобрели на свои деньги икону святого Феодора Стратилата. Вокруг могилы святого доктора (которая до сих пор всегда

Доктор Ф.П. Гааз и митрополит Филарет

в цветах) — ограда из кандалов (тех самых, «облегченных»). Память о нем живет и приумножается.

Таким образом, жизнь Ф. Гааза, особенности его благотворительной деятельности укладываются в традиционную агиографическую схему — и это при том, что его биография хорошо нам известна по множеству свидетельств и явно не «подгонялась» под литературный стиль древних житий.

Современница Фёдора Петровича Е.А. Драшусова написала: «Он в жизни своей вполне исполнял заповедь Евангельскую: не собирал сокровищ на земле, все раздавал бедным. <...> Добродетели его выходят из ряда обыкновенных явлений. Никогда нечистый помысел не смущал его, никогда тень какой-нибудь неправды не касалась его души. Сострадание его доходило до самоотвержения, милосердие до страсти, любовь к человечеству до фанатизма. Вера его была тверда и пламенная, и она-то была источником всех его высоких дел. Он прощал всякое оскорбление, старался извинить всякую неблагодарность; недоверчивость никогда не возмущала его. В нем были не одни прекрасные порывы, как бывают у многих; но вся жизнь его была постоянно и одинаково исполнена добра, смирения и простоты. Он скорбел о пороках, ужасался злодеяниям; но в самом ожесточенном преступнике видел брата своего, и потому-то умел высказывать те слова любви и утешения, которые пробуждали раскаяние в самых закоренелых

сердцах и вели к нравственному возрождению. Нет числа бедным, которым он помогал, несчастным, которых он пристраивал, утешал, успокаивал, излечивал. Как врач, он давно уже не имел практики между богатыми, но отыскивал больных бедных. Он являлся везде, где ближнего постигало какое-нибудь несчастье, где была скорбь, где оплакивалась сердечная утрата. Он любил все человечество, но несчастные, но страждущие были ему роднее, и на них-то он расточал все сокровища своей души. При этой всеобъемлющей любви у него были, однако, особенные привязанности, и счастливы были те, которых он дарил своею дружбою. С необыкновенным чутьем сердца он открывал внутренние скорби, которые никому не высказывались и которые он так благодетельно врачевал своим сердечным участием. Куда бы он ни показался, приезд его был общему радостью. Он со всеми был приветлив, умел каждому сказать приятное, сердечное слово, дать доброе наставление, полезный совет. <...> Смерть его можно назвать общественной утратой. Он не имел семейства, но был связан узами любви со всем человечеством, и потому-то гроб его окружало столько любви и горести. Не было произнесено речи над его прахом. Вероятно, поняли, что никакая речь не могла передать того, что о нем все знали, ни выразить того, что чувствовали. Чтобы заслужить такую любовь и сожаление, не довольно одних добрых дел, но надобно быть так чисту сердцем и так высоконравственну, как был Фёдор Петрович [14].

Уже в наше время иконописец Андрей Николаевич Акимов (1959–2019) создал икону «Житие святителя Филарета митрополита Московского», на фрагменте (клейме) которой изображен Филарет и Ф. П. Гааз — люди разных религиозных конфессий, объединенные деятельностью в Московском тюремном комитете [15]. В 1994 году Филарет причислен к лику святых в христианской церкви, а в 2011 году в католической церкви начат процесс беатификации Ф.П. Гааза. Всего 200 лет назад(!) строгий ревнитель православия святитель Филарет благословил служить молебен о здравии католика Ф.П. Гааза, принимая и разделяя его девиз. «Спешите делать добро» — это призыв и упрек всем нам. И вечное напоминание о высшем предназначении человека.

Литература

1. Кучма В.Р., Александрова И.Э., Шубочкина Е.И., Курганский А.М. Доктор Гааз: «Спешите делать добро» // Pallium. Паллиативная и хосписная помощь. 2019. № 3. С. 55–59.
2. Вашкау Н.Э. «Святой доктор» Фёдор Петрович Гааз // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2012. № 2. С. 26–31.
3. Щемелева Н.Ф. Ф.П. Гааз — человек подвига // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. 2015. № 3. С. 40–47.
4. Николай (Погребняк), еп. Балашихинский. Спешите делать добро. Доктор Фёдор Петрович Гааз. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2019. 128 с. (Серия: Добрые люди).
5. Гаазе Е.В. Самая яркая звезда. Повесть о докторе Гаазе. Саратов: Издательство Саратовской митрополии, 2014. 51 с.
6. Копелев Л. Святой доктор Фёдор Петрович Гааз. СПб.: Петро-РИФ, 1993. 190 с.
7. Пфайфер Е. Врач и христианин. Профессиональная этика Фридриха Иозефа Хаасса (1780–1853 гг.): Дис. ... докт. наук. 2010.
8. Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз. Библиографический очерк. СПб., 1896.
9. Блохина Н.Н. Врач. Гуманист. Ученый / Сб. «Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе». М.: Дерево добра, 2002. С. 255–283.
10. Васильева О. Отчизне посвятим... М.: Молодая гвардия, 1984. 158 с.
11. Совершенно секретно. 1989. № 2. Июль. Прил. № 18.
12. Раров С.В., Рыжов Ю.В. Забота о других: благотворительность доктора Гааза и агиографическая традиция // NOVAINFO.RU. 2016. № 1 (40). С. 255–258.
13. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 240 с.
14. Драшусова Е.А. Несколько слов о Фёдоре Петровиче Гаазе (некролог) // Московские ведомости. 1853. № 101.
15. Александрова И.Э., Щемелева Н.Ф., Шубочкина Е.И. и др. Личность доктора Ф.П. Гааза в истории уголовно-исполнительной системы России / Материалы II Всероссийской научно-практической конференции в сб. «Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». М., 2019. С. 11–14.

Глава 6.

Смерть — забвение — возвращение — беатификация

Курганский А.М., Щемелева Н.Ф.

Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Российская Федерация

Московский клуб друзей Ф.П. Гааза, Москва, Российская Федерация

109

ГЛАВА 6 • СМЕРТЬ — ЗАБВЕНИЕ — ВОЗВРАЩЕНИЕ — БЕАТИФИКАЦИЯ

В начале августа 1853 года Фёдор Петрович заболел; карбункулы на шее причиняли мучительные боли, вызывая жар, озноб, и вскоре надежда на излечение была потеряна: «он сам был болен и сидел в своей комнате, за ширмами, в вольтеровских креслах; на нем был халат, и его прекрасную голову не покрывал уже исторический парик. Он не мог лежать, сидел постоянно в кресле и очень страдал. Когда Фёдор Петрович почувствовал приближение смерти, он велел перенести себя в большую комнату своей скромной квартиры, открыть входные двери и допускать к себе всех, знакомых и незнакомых, кто желал его видеть, проститься с ним и от него услышать слово утешения» [1].

Весть о безнадежном состоянии Фёдора Петровича подействовала удручающим образом на служащих при пересыльной тюрьме. Они обратились к своему священнику, Орлову, с просьбой отслужить, в их присутствии, обедню о выздоровлении больного. Не решаясь это исполнить ввиду того, что Гааз не был православным, Орлов отправился заявить о своем затруднении митро-

Памятник Ф.П. Гаазу
на Малом Казенном, 5

политу Филарету — и вспоминает ныне, что Филарет молчал с минуту, потом поднял руку для благословения и восторженно сказал: «Бог благословил молиться о всех живых — и я тебя благословляю! Когда надеешься ты быть у Фёдора Петровича с просфорой?» — и, получив ответ, что в два часа, прибавил: «Отправляйтесь с богом, — мы с тобой увидимся у Фёдора Петровича». И когда Орлов, отслужив обедню и помолясь о Гаазе, «о котором не может вспоминать без благодарных слез», подъезжал к его квартире, карета московского владыки стояла уже у крыльца его старого сотрудника и горячего с ним спорщика.

16 августа Гааза не стало. Его не тотчас вынесли в католическую церковь, а оставили в квартире, чтобы дать массе желающих возможность поклониться его праху в той обстановке, в которой большинство приходивших получало его советы. Тление пощадило его до самых похорон — привычная добрая улыбка застыла на губах. На похороны стеклось до двадцати тысяч человек, и гроб несли на руках до кладбища на Введенских горах. В середине XIX века в Москве проживало не более 400 тысяч человек. По разрешению митрополита Филарета в нескольких храмах Москвы служились панихиды. Рассказывают, что, почему-то опасаясь «беспорядков», генерал-губернатор Арсений Закревский прислал специально на похороны полицеймейстера Цинского с сотней казаков, но когда Цинский увидел искренние и горячие слезы собравшегося народа, то он понял, что трогательная простота этой церемонии и возвышающее душу горе толпы служат лучшей гарантией порядка. Он отпустил казаков и, вмешавшись в толпу, пошел пешком на Введенские горы. А в московской пересыльной тюрьме была зажжена лампада перед иконой Фёдора Тирона, приобретенной на скудные гроши арестантов. Такая же лампада перед такой же иконой зажглась на далеких Нерчинских рудниках, где каторжане узнали о кончине своего заступника [2].

Похоронен доктор Гааз был за государственный счет (как неимущий) при большом стечении народа. Но несмотря на такое почитание, после его смерти постепенно наступил период забвения. Хотя в простом народе всегда сохранялась память о «Гаазовской» больнице и святом докторе Фёдоре Петровиче Гаазе.

Трудно быть современником великого подвижника — только время открыло всем глаза, сколько света и тепла заключали в себе странности и чудачества «неистового филантропа». Даже недоброжелатели Гааза осознали вдруг, какую щедрую услугу оказал им святой доктор, заставляя участвовать в милосердных делах: он их просто спас, и теперь им было чем оправдаться на Высшем Суде.

Одиноким, очень часто без всякой помощи, Фёдор Петрович всей своей жизнью не согласился с поговоркой «Один в поле не воин». Своими трудами, жертвенным служением самым обездоленным, не имея никакой власти, кроме силы убеждения и милосердной любви, он сделал больше, чем все учреждения и социальные комитеты того времени. «Жизнь доктора Гааза — незабвенный пример решения евангельского вопроса: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?», подобно тому, как на пространстве веков решали его святые угодники Божии самым положительным, решительным и достойным общего подражания способом» (Иоанн Кронштадский).

После смерти Гааза Москва осиротела. Как-то пусто и неуютно стало в городе без этого чудного старика в смешном старомодном костюме, с которым на московских улицах здоровались все: вельможи из карет с гербами, нищие на церковных папертях, извозчики, нарядные светские дамы, генералы, офицеры, мастеровые, городовые из своих будок, студенты и университетские профессора, дворяники, купцы, приказчики. «Когда такой человек внезапно сойдет со сцены, в нас вдруг пробуждается чувствительность, очнувшаяся память ясно рисует и пользу, принесенную усопшим, и его душевную красоту, — мы плачем поспешными, хотя и запоздалыми слезами, в бесплодном усердии несем ненужные венки», — писал А.Ф. Кони.

Возвращению памяти о докторе Гааза послужила публикация знаменитым юристом и общественным деятелем

Портрет А.Ф. Кони.
Художник И.Е. Репин
(1898)

А.Ф. Кони книги «Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк» в 1896 году, то есть примерно через 40 лет после смерти самого доктора. Этому способствовал доктор С.В. Пучков, работавший в Гаазовской (Александровской) больнице, ставший затем ее главным врачом и передавший Кони сохранившиеся архивные документы [2, 3].

Сейчас его могила на немецком Введенском кладбище хорошо известна служащим кладбища, они указывают дорогу, поскольку часто на могилу приходят не только верующие и паломники — католики, но и бывшие заключенные за духовной поддержкой.

В католической церкви идет процесс беатификации святого доктора [4–6]. Подготовительный процесс к беатификации доктора Гааза начался в 1995 году в Апостольской администрации католиков европейской части России. С 1998 по 2011 год подготовка проходила в Кёльнской Архиепархии, в связи с тем, что там находится родной город доктора Ф.П. Гааза Бад-Мюнстер-райфель — место его рождения. Известно, что в 2007 году папа римский Бенедикт XVI назвал доктора Гааза святым, но юридического подтверждения в католической церкви в то время еще не было. Осенью 2009 года усилиями настоятеля храма великомученицы Екатерины (священника Вильфреда Велинга) в связи с торжествами, посвященными 100-летию памятника Ф.П. Гаазу в Москве, представители Кёльнской епархии передали документы московскому приходу.

В 2011 году Московская Архиепархия Божией Матери приняла от Кёльнской право проведения процесса беатификации, о чем объявил архиепископ Паоло Пецци. Перенесение в Москву процесса беатификации было обусловлено тем, что в Москве сосредоточена основная часть свидетельств о его подвиге и в Москве у него наибольшее почитание.

Могила Ф.П. Гааза на Введенском кладбище в Москве

В декабре 2015 года в соборе Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии был объявлен эдикт архиепископа Паоло Пецци о намерении открыть епархиальное исследование о героических добродетелях и святости Фёдора Гааза.

19 января 2016 года был официально возобновлен процесс беатификации Ф.П. Гааза в Москве: специальная комиссия собрала свидетельства и документы, которые передала для рассмотрения Конгрегацией по делам святых в Риме. Постулатором процесса беатификации был назначен священник Джермано Марани.

6 мая 2018 года в Кафедральном соборе Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в присутствии архиепископа Челестино Мильоре, духовенства, верующих и гостей была завершена епархиальная стадия канонизации Ф.П. Гааза в Москве: собранные документы были переданы в Ватикан. Мессу возглавил архиепископ Павел Пецци.

21 декабря 2018 года в Ватикане епархиальный этап, проведенный в Москве, был признан действительным.

Сотрудники НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков — волонтеры Музея доктора Гааза, также внесли посильную помощь в проведении экскурсий для католических общин и информационную помощь членам комиссии по беатификации доктора Ф.П. Гааза, которые многократно были гостями нашего музея. На данном этапе проблема беатификации доктора Гааза, по словам католического духовенства, заключается в собирании задокументированных современных чудес: случаев излечения от неизлечимого заболевания человека, молящегося святому доктору, или помощь в чрезвычайно затруднительных ситуациях. Отец Джермано Марани также работает и с православными священниками, осуществляющими окормление заключенных, то есть несмотря на объективные трудности совершаются все необходимые действия в данной области. Несмотря на описанные трудности, все люди, знакомые с процессом беатификации доктора Ф.П. Гааза, не оставляют надежду свершения данных чудес, их бюрократическую фиксацию и скорейшее прославление доктора Ф.П. Гааза как святого.

Во многом это подтверждается интервью, которое дал отец Джермано Марани корреспонденту РИА Новости в Риме Сергею Старцеву [7].

РИА Новости, 24 октября 2019 года:

— Отец Джермано Марани, Вы уже несколько лет занимаетесь делом доктора Гааза. Как отнеслись в России к вашей работе? Вам ведь приходилось общаться не только с простыми верующими, но и с представителями власти, причем порой на высоком уровне.

— Должен сказать совершенно определенно: куда бы и к кому бы мы ни обращались в России по делу доктора Гааза, нам всегда шли навстречу, всегда пытались помочь. По роду своей деятельности мне приходилось ходить по самым разным инстанциям, и никогда я не сталкивался с равнодушием или отказом. Это касается как официальных российских учреждений за рубежом — и здесь я не могу не сказать о постоянной поддержке и помощи со стороны посла РФ в Ватикане Александра Авдеева, — так и различных структур в самой России — от министерства культуры до провинциальных архивов.

Лучше всего об отношении к «святому доктору» в России свидетельствует тот факт, что память о нем бережно сохраняется. Мы благодарны москвичам и мэрии столицы за то, что в 2017 году одна из улиц в Западном административном округе была названа в честь доктора Гааза. Отрадно, что Минздрав России признал статус музея за мемориальным кабинетом доктора, который был открыт в сентябре 2015 года в здании созданной им Александровской больницы (теперь это НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков). А Минкультуры России отдельное спасибо за присвоение памятнику Гаазу в Малом Казенном переулке статуса объекта культурного наследия федерального значения и за заботу о его могиле на Введенском кладбище. К слову, мне приходилось встречаться в Москве с Ольгой Любимовой, которая в январе стала новым министром культуры России, и я искренне надеюсь на продолжение сотрудничества с ней и ее ведомством.

— Не кажется ли вам, что в случае беатификации доктора Гааза он станет своеобразным «мостом» между католиками и православными?

— Я думаю, что это уже произошло. Так оно и есть. Когда я приехал в Москву, российские католики, безусловно, слышали о «святом докторе», знали о его христианском подвиге, но не до конца представляли себе всю величину этой исторической фигуры. И тогда я стал привозить паломников в памятные места Москвы, связанные с именем доктора Гааза, в частности, в его мемориальный кабинет в Малом Казенном переулке. И вот во время последнего такого паломничества одна польская монахиня сказала мне: «Знаете, в чем состоит настоящее чудо? В том, что мы, католики, теперь не только знаем о докторе Гаазе, но и гордимся им».

Литература

1. Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк (репринт). Изд. 3-е. СПб., 2003. 184 с.
2. Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз. По новым материалам // Вестник Европы. 1903. №12. С. 646–703.
3. Пучков С.В. К характеристике доктора Ф.П. Гааза. М., 1910.
4. Овчинникова М. Спешите делать добро! К 150-летию кончины доктора Гааза. Седмица.ру, 2003. Доступно по: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=2002>.
5. В Москве завершилась епархиальная стадия процесса беатификации доктора Фёдора Гааза. Рублев, 2018. Доступно по: <http://rublev.com/novosti/v-moskve-zavershilas-eparkhialnaia-stadiia-protsess-a-beatifikatsii-doktora-fedora-gaaza>.
6. Свешникова М. Доктор Гааз официально объявлен святым. Вести ру, 2018. Доступно по: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3014788>.
7. Джермано М. Исцеления по молитвам Гаазу могут признать чудесами. Интервью корреспонденту РИА Новости в Риме Сергею Старцеву. Доступно по: <https://ria.ru/20200318/1568727961.html>

Глава 7.

Полицейская больница как больница доктора Гааза: история и современность

116

Кучма В.Р., Шубочкина Е.И.

Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Российская Федерация

Начиная описание этой последней больницы, где продолжил свое служение Ф.П. Гааз самым обездоленным в России людям, мы должны снова и снова ссылаться на самую лучшую книгу об этом удивительном человеке, написанную Анатолием Фёдоровичем Кони. При его многочисленных трудах и публикациях именно биография доктора Ф.П. Гааза была номинирована на Нобелевскую премию по литературе³².

³² Архив номинантов на Нобелевскую премию. <https://www.nobelprize.org>.

Здание НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков — бывшая Полицейская больница

В числе многочисленных заслуг доктора Ф.П. Гааза была организация в 1844 году при поддержке военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына первой в России больницы для приема поступающих «по внезапным случаям для пользования и оказания бесплатной помощи для лиц, подобранных на улице в бесчувственном состоянии» и «бесприютных больных». Она была организована и преобразована доктором Гаазом за его собственный счет и деньги других благотворителей в здании бывшего Ортопедического института в Малом Казенном переулке [1].

Эта городская усадьба сформировалась на территории Земляного города (в границах Садового кольца) на месте тяглых дворов Казенной слободы XVII века. Первым известным хозяином строений был купец И.И. Иванов, владелец кирпичного завода, продукция которого немало способствовала изменению деревянного облика первопрестольной столицы на каменный. В 1735–1747 годах купцу И.И. Иванову принадлежала территория современных владений 5а и 5б (НИИ вакцин и сывороток им. И.И. Мечникова) по Малому Казенному переулку, на которой располагался кирпичный завод и имелись каменные постройки.

С 1751 по 1783 год усадьба находилась во владении генерал-майора И.И. Дивова, а потом его детей. В это время был построен первоначальный двухэтажный Главный дом.

В 1783 году усадьбу приобрел генерал-майор В.С. Нарышкин. В 80-х годах XVIII столетия Главный дом был надстроен до трех этажей и перестроен в стиле классицизма. Архитектор неизвестен, считается, что он был учеником М.Ф. Казакова. Классическая обработка фасадов и частично интерьеров сохранилась до настоящего времени. Тогда же были перестроены и построены три флигеля и ограда усадьбы.

В 1816 году владение было приобретено генерал-майором П.Н. Ивашевым, сподвижником фельдмаршала А.В. Суворова. В этом доме 23 января 1826 года был арестован его сын декабрист Василий Петрович Ивашев. Здесь же в 1830–1831 годах жила его будущая жена, француженка Камилла Ле-Дантю (дочь гувернантки). Супруги обвенчались и умерли в Туринске.

В усадьбе Ивашевых с 1829 года разместился «Институт для исправления телесных повреждений» доктора Людвига Мандилени, который до того был семейным врачом Ивашевых. С 1832 года судьба здания тесно связана с медициной и здравоохранением. В этот год усадьба была приобретена казной для Опекунского совета Воспитательного дома, до 1843 года здесь продолжал существовать Ортопедический институт, первое подобное лечебное учреждение в России. К этому времени, вероятно, относится дошедшее до нашего времени оформление парадных помещений главного дома — потолочная лепнина, пилястры из искусственного мрамора, филленчатые двери [2].

Ф.П. Гааз вложил немало средств в приведение в порядок обветшавшего к тому времени здания. Первоначально там было размещено 150 больных арестантов из Старо-Екатерининской больницы, а 2 мая 1845 года больница начинает свою деятельность «как больница для бесприютных» [3]. В сентябре 1845 года Гааз начал хлопотать о переделке в Полицейской больнице ретирад, устройство которых, как сказано в представлении Гааза, неудобно до невероятности: «в нижнем этаже 24 женщины и столько же служащих, мужчин и женщин, пользуются одной маленькой комнатой». По этому вопросу имеется протокол заседания Тюремного комитета³³ [4].

Проект Ф.П. Гааза, однако, не встретил сочувствия в лице члена комитета и архитектора академика Быковского, о котором Гааз говорит: «Разделяя со всей публикой почтение к талантам г. Быковского, я должен полагать, что он имеет отвращение ходить в суждение со мною по таким предметам». В 1851 году Гааз

³³ «Протокол 6. (Председатель — Его Сиятельство Господин Вице-Президент Князь Алексей Григорьевич Щербатов): Читаны предложения г. Директора и Главного Доктора Тюремных в Москве больниц Ф.П. Гааза (1845 г. 17 октября № 670; 34 с.) Что в доме, занимавшемся Ортопедическим институтом, в Яузской части, куда по назначению Главного местного Начальства перемещены больные из Старой Екатерининской больницы, находится в нижнем этаже зала, по высоте и прочему устройству не способному на зимнее время; ее предполагается полезным обратить в двухэтажную, с пристройкой особой ретирады, в каковых больница крайне нуждается. Переделку эту Г. Гааз просит Комитет предоставить произвести ему под наблюдением г. Председателя Строительного Отделения и Академика Быковского на счет экономии от больных бесприютных, коих доставлять будет Полиция, и которые, по мнению в Комитете, составляют как бы постороннее оному дел».

вновь ходатайствует «об устранении бедствия» в своей больнице, причем просит ознакомиться уполномоченным от комитета с устроенной им моделью проектированной ретирады. Из дел не видно, чтобы эта ретирада была переустроена при жизни Гааза, т.е. до 1853 года [3].

В больницу присылались полицией больные, которые за неимением мест или по другим причинам не могли быть приняты в других больницах, а затем число больных увеличивалось до 240 и более человек — отовсюду везли их сюда, потому что «у Гааза, по народному убеждению, не было отказа»; уход за больными был внимательнее, и доступ к ним легче. В народе она сделалась известной под именем «Гаазовской» больницы и сохранила до сих пор его имя. При жизни Гааза в ней лечилось около 30 тысяч больных с самого дна улиц: бедняки, сбитые экипажами, люди с обморожениями, голодающие, беспризорники, из которых выздоровела почти 21 тысяча [1]. К числу таких больных по его настойчивым ходатайствам были впоследствии отнесены не только не нашедшие себе приюта в других больницах, но и подлежащие по требованию господ телесному наказанию при полиции и заболевшие до экзекуции или после нее. Гааз обязательно сам обходил всех пациентов. При лечебнице этой была маленькая квартира из двух комнат, в которой он поселился сам, когда в лечебнице не было места, а поступали новые больные, он клал их в своей квартире и ухаживал за ними неустанно [5].

В Полицейской больнице, созданной Гаазом для «бесприютных больных», трудились ординаторы и фельдшеры, которые были его соратниками по непрестанной борьбе с тяжкими недугами, терзавшими московский люд: сыпным тифом, оспой, возвратной горячкой и т.д. Были больные, нуждавшиеся в помощи психиатра.

При больнице имелась амбулатория, где оказывалась первая помощь. Больница заботилась не об одном излечении больных, но по начертанной Гаазом программе начальство больницы хлопотало о помещении престарелых в богадельни, об отправлении крестьян на родину, о снабжении платьем с умерших и деньгами неимущих больных-иностранцев, об истребовании больным паспортами, о помещении детей, рожденных в больнице,

на время или постоянно в воспитательный дом и о помещении осиротевших детей на воспитание к людям, «известным своею честностью и благотворительностью».

«Порядки, заведенные Ф.П. Гаазом в Полицейской больнице, да и в тюремных госпиталях, были тоже своеобразны. Простой, обходительный и деликатный с подчиненными, он требовал от них прежде всего правды. Всякая ложь приводила его в негодование. В борьбе с нею он прибегал к необычным мерам. Так, в Полицейской больнице им была заведена кружка, в которую за всякую открывшуюся ложь виновный служащий, кто бы он ни был, должен был класть свое дневное по расчету жалованье. Это объявлялось доктором Гаазом при принятии на службу в больницу и исполнялось строго и безусловно. Система штрафов — обыкновенно в маленьких размерах — практиковалась им в Полицейской больнице широко. Они накладывались также за неаккуратность, небрежность, грубость и опускались в кружку. Иногда, впрочем, собрав несколько таких штрафов при обходе больных, Гааз не опускал их в кружку, а тихонько клал под подушку какого-нибудь больного, которому предстояла скорая выписка и неразлучная с нею насущная нужда. Из кружки собранная сумма высыпалась раз в месяц и распределялась в присутствии ординаторов и надзирательниц между наиболее нуждавшимися выздоровевшими больными и семьями еще находившихся на излечении или приходивших в амбулаторию, где заседал Фёдор Петрович, окончив обход больницы» [1].

«Когда Гааз был практикующим врачом в Москве, он не любил начинать больных лекарствами. Друг знаменитого в 40-х и 50-х годах в Москве терапевта Овера, он имел, однако, свои собственные взгляды на средства лечения. Он придавал значение покою и теплу; из внешних средств воздействия на организм наиболее действительным признавал ныне забытый фонтанель, а из внутренних — ныне снова весьма ценимый каломель»³⁴. Существовала даже присказка: доктор Гааз уложит в постель, закутает во фланель, пропишет каломель, поставит фонтанель.

³⁴ Фонтанель — искусственная рана, открываемая с целью оттянуть «вредные соки»; каломель — препарат ртути (однохлористая ртуть) — желчегонное и слабительное средство; обладает также мочегонным действием.

Те же средства рекомендовались им и в «своих» больницах. Но не в них видел он силу. «Участие и доброе, человеческое отношение к больному, заставляющее его думать, что он не одинок на свете, не брошен на произвол судьбы, были в его глазах наиболее действительными средствами». Читая изречение «*mens sana in corpore sano*» наоборот, он охотно предоставлял врачам тюремных больниц и своим ординаторам заботу о прописывании и избрании лекарства, оставляя за собою решительный и всегда доброжелательный голос лишь по вопросу, подлежит ли арестант или бесприютный лечению» [1, 6].

В Главном доме усадьбы Ф.П. Гааз работал и жил со дня основания больницы и вплоть до смерти в 1853 году. «Чистая, одинокая и целомудренная жизнь, постоянная подвижная деятельность, большая умеренность в пище и питье долго сохраняли ему цветущее здоровье» — пишет А.Ф. Кони. В последние годы в Полицейской больнице у него сложился такой распорядок дня: он вставал в 6 часов, вместо чаю пил настой смородинного листа, читал и готовил лекарства для бедных. В восемь начинался прием больных в амбулатории, которых всегда было много. Увлеченный своей филантропической деятельностью, он остался при своих знаниях «цветущего времени, склонялся к гомеопатии, а наука ушла вперед». А.К. Жизневскому, который обратился к нему за советом в 1850 году, вместо рецепта написал: «если тебе нужны врачи, да будут тебе таковыми три средства: веселое расположение духа, отдых и умеренная диета» [6]. Неслучайно простые люди видели в нем не только врача телесного, но и духовного. А.К. Жизневский в воспоминаниях о Гаазе приводит целый ряд отзывов о нем, исполненных восторженной благодарности со стороны самых разнородных по своему общественному положению людей. «Врачуя их тело, Гааз умел врачевать и их упавший или озлобленный дух, возродив в них веру в возможность добра на земле». В двенадцатом часу Гааз уходил в Полицейскую больницу, а оттуда уезжал в тюремный замок и в пересыльную тюрьму на Воробьевых горах. Обедал Ф.П. Гааз в пять часов, очень редко вне дома, был очень умерен в пище. После обеда отправлялся к знакомым и влиятельным людям хлопотать и просить за бедных и беззащитных, избе-

гал большого общества, попав в него случайно, был молчалив. В небольшом кружке близких людей и вдвоем любил говорить. Гаазу очень не нравились расспросы лично о себе, он сердился, когда упоминали о его деятельности.

«Так дожил он до 1853 года, весь проникнутый деятельной любовью к людям, осуществлять которую в тогдашнее время, при развившейся до крайности формалистике и суровой подозрительности, было нелегко» [1]. В начале августа 1853 года Гааз заболел, на шее у него образовался громадный карбункул и вскоре надежда на излечение была потеряна. 16 августа доктора Гааза не стало. На Введенском кладбище в Москве — жители окрестных улиц называют его еще по-старому, Немецким — есть могила: темно-серый камень с темно-серым крестом, черная ограда; чугунные стояки-колонки, темные прутья, а поверх них свисают кандалы — цепи с широкими наручниками и «накожниками». На камне выбито: 1780–1853 и несколько строк на латыни. Слова из Евангелия по-русски звучат так: «Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими; истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и, подходя, станет служить им».

После смерти Ф.П. Гааза врачи Полицейской больницы сохранили и продолжили традиции, сложившиеся под руководством этого великого гуманиста. Врачебные и человеческие качества этих достойных последователей Гааза отражены в публикациях Н.Н. Блохиной [7]. Непосредственным преемником на посту старшего врача Полицейской больницы стал Христофор Фёдорович Паль. Он поступил в Полицейскую больницу в 1841 году, и на его глазах материализовалась мысль Гааза о больнице для бесприютных.

Продолжил свою врачебную деятельность один из первых врачей больницы — врач-психиатр В.Ф. Собакинский, в помощи которого нуждались многие пациенты. Тридцатилетие его деятельности в Полицейской больнице (в 1874 г.) коллеги отметили «благодарственными адресами», изданными брошюрой в тот же год [8]. Традиции верности профессиональному долгу и чувству милосердия способствовали научному росту врачей Полицейской больницы, поддерживали в них стремление максимально

использовать научные достижения медицинской науки. В стенах Полицейской больницы деятельно и неутомимо трудились врачи, которые, не оставляя науки, самоотверженно стремились к поставленной цели: помочь страждущим, несмотря на трудности. Практически все врачи, работавшие в этой больнице, были докторами медицины.

И.И. Нейдинг (1839–1904) поступил врачом в Полицейскую больницу в 1860 году после окончания медицинского факультета Московского университета «первым лекарем с отличием». В 1866 году он получил степень доктора медицины за диссертацию «Об атеромазии артерий» и был назначен ассистентом кафедры судебной медицины Московского университета. Позднее состоял прозектором при кафедре патологической анатомии, с 1878 года доцентом, а с 1879 года профессором судебной медицины. Ординатор больницы С.С. Каминский посвятил свой научный труд «К учению о течении беременности под влиянием тифа и возвратной горячки» «товарищам моим ординаторам Московской Полицейской больницы». Среди врачей Полицейской больницы со времен Гааза сохранялся дух взаимного уважения и доверия, традиций служения и бескорыстности. В профессионально-этическом отношении ярким примером был доктор Н.П. Фивейский (1854–1914). «В сфере врачебной деятельности Н.П. Фивейский был в полном смысле врач-бессребреник, — писал о нем С.В. Пучков. Имея громадную практику и ведя скромную жизнь одинокого человека, он мог бы легко скопить большое состояние. Но не таковы были его идеалы. После него осталось только движимое имущество, которое, впрочем, он все раздал еще за два месяца до своей смерти, и незначительная сумма денег» [3, 9].

Тюремный комитет после смерти Ф.П. Гааза на протяжении ряда лет (1853–1858) не мог найти достойной ему замены. Преемником Ф.П. Гааза на посту главного врача тюремных больниц в Москве был назначен Николай Кононович Беркут (1823–1890). В 1841 году он окончил курс медицинского факультета в Московском университете, был ассистентом университетской клиники до 1848 года, затем — старшим врачом московских тюремных больниц (с 1858 г.), членом попечительного совета и инспек-

тором московских больниц гражданского ведомства (с 1876 г.). Он был одним из основателей и наиболее ревностных и выдающихся деятелей Московского общества русских врачей, председателем которого был до своей смерти. Должность тюремного врача оказалась для Н.К. Беркута чрезвычайно трудным и ответственным делом, но он уверенно последовал по пути, проложенному Ф.П. Гаазом, судя по воспоминаниям современников, прежде всего С.В. Максимова. Известно, что после официального назначения Н.К. Беркута на пост старшего врача московских тюремных больниц выявилось некоторое несоответствие штатного расписания. «Оказалось, — писал сам Беркут, — весьма странное недоразумение, я назначен был Тучковым на место главного доктора, когда-то принадлежащее доктору Гаазу, но в штатах для тюремной больницы, составленных комитетом и никем не утвержденных, эта должность была поручена доктору Гаазу безо всякого жалованья». Н.К. Беркут, как и Гааз, сталкивается с мошенничеством и воровством тех, кто снабжал Полицейскую больницу провиантом, дровами и др., и, кроме того, пишет: «Теперь полицейская больница преобразована в больницу императора Александра и управляется на новых основаниях» [9].

Сергей Васильевич Пучков (1856–1926) после окончания Московского университета в 1881 году поступил ординатором в Полицейскую (с 1883 Александровскую) больницу и 36 лет, вплоть до 1918 года, прослужил здесь, с 1906 года — в качестве главного врача [3]. Полицейская больница всегда была и оставалась больницей с самым тяжелым контингентом больных. По уставам многих других городских больниц, в них не принимались больные с «горячками» — лихорадящие больные (по сути дела, инфекционные больные), больные с тяжелой психической патологией, больные, укушенные бешеными животными. Неслучайно в числе первых в России врачи этой больницы С.В. Пучков и А.А. Гвоздев были инициаторами организации профилактики против бешенства. Первая в Москве Пастеровская станция была создана на добровольные пожертвования, которые собирались также по инициативе этих врачей. Ее торжественное открытие состоялось 17 июля 1886 года в больнице

в Малом Казенном переулке. Первую прививку осуществили 25 июля пяти крестьянам (в возрасте от 13 до 40 лет) из Ржева, Калуги и Касимова, поступившим в тяжелом состоянии. Сюда съезжались тысячи укушенных в ожидании спасительной помощи. По прибытии их незамедлительно обследовали и сразу же делали прививку против бешенства. Оказалось, что даже через 40–60 дней после укусов на многих больных вакцина оказывала положительное воздействие. Врачи и студенты-медики, желающие ознакомиться с новыми методами борьбы с бешенством, могли обратиться за помощью непосредственно к работающим докторам. Таким образом, в России Пастер нашел врачей, убежденных защитников своего метода [10, 11].

В 1906 году С.В. Пучков становится главным врачом Полицейской больницы. Большие усилия он приложил для сохранения и увековечивания памяти доктора Ф.П. Гааза после периода забвения, помогая А.Ф. Кони собирать архивы больницы. В 1910 году Сергей Васильевич в своей книге «К характеристике доктора Гааза» дополнил уже получивший широкую известность очерк А.Ф. Кони новыми материалами [3]. Он обращает внимание, что ранее для сохранения памяти доктора Гааза главный врач Александровской больницы (бывшей Полицейской) доктор Л.С. Шайкевич собрал в 1885 году пожертвованный в сумме 5000 рублей на обеспечение содержания в больнице благотворительной кровати имени доктора Ф.П. Гааза. Пучков пишет, что «В этой больнице хранится представляющий собою ныне большую редкость гравированный портрет Гааза, часть его медицинской библиотеки, а также принадлежавшее ему кресло; кроме того, имеется бюст Фёдора Петровича, полученный больницею от А.Ф. Кони, к которому он перешел по завещательному распоряжению А.К. Жизневского, бывшего с Гаазом в дружеских отношениях».

В 1906 году С.В. Пучков стал руководителем совета общины сестер милосердия «Утоли моя печали» после смерти ее основа-

С.В. Пучков,
главный врач
Полицейской больницы

тельницы княгини Н.Б. Шаховской, продолжая дело Ф.П. Газа, который стоял у истоков московских сестринских общин [12]. Призыв доктора Газа «Спешите делать добро» стал девизом для основательниц сестринских общин, решивших посвятить себя богоугодному делу. Первая в Москве — Никольская — община была создана по почину доктора Газа в апреле 1848 года во время страшной эпидемии холеры. Ее основательницей стала супруга московского генерал-губернатора княгиня С.С. Щербатова. После смерти мужа в 1863 году княгиня Наталья Борисовна Шаховская стала заниматься благотворительностью, вступила в Никольскую общину и стала работать в «Гаазовской больнице», переехав жить в одну из палат Полицейской больницы. Н.Б. Шаховская происходила из древнего княжеского рода Святополк-Четвертинских. Эта семья славилась сильными благотворительными традициями. Решающее значение имел и тот факт, что семейным врачом Святополк-Четвертинских был доктор Газ, и две сестры, Наталия и Надежда, увлеклись его идеями. Мечтой Н.Б. Шаховской было основать собственную общину сестер милосердия. Она возглавила группу из 30 сестер, которые стали ядром ее будущей общины. Они взяли на себя уход за больными не только в Полицейской больнице, но и в других лечебницах для чернорабочих (Яузской и Старо-Екатерининской). В 1865 году Н.Б. Шаховская в стенах Полицейской больницы основала общину «Утоли моя печали», в 1868 году Наталья Борисовна официально ее возглавила — стала руководителем общины. Община «Утоли моя печали» за свою историю сменила три адреса, в 1866 году Шаховская купила флигель на Покровке, где открылось отделение общины, продолжавшее работать в тех же больницах и Военном госпитале в Лефортово. Третьим адресом общины стало Лефортово. В 1875 году там было выстроено главное здание общины, строительство велось на личные средства Шаховской и на пожертвования частных благотворителей, среди которых был Павел Третьяков. В нем открылось отделение для сиротского приюта на 500 мест, больница на 200 коек и общежитие для сестер. Шаховская сумела привлечь в свою клинику лучших врачей, в том числе С.П. Боткина, известного психиатра С.С. Корсакова. Сестры милосердия общины

«Утоли моя печали» также помогали солдатам, получившим ранения в ходе сербско-турецкой, русско-турецкой, балканской и Первой мировой войны. Община работала до начала 1920-х годов, затем была передана городской больнице № 29 имени Н.Э. Баумана, а сама община была переименована в Школу медсестер при больнице № 29, став первой советской школой медсестер, а потом городским медучилищем.

В 1904 году гласные Московской городской думы Н.И. Гучков и С.В. Пучков подали в думу заявление, в котором было сказано: «Чувства благоговения и уважения к личности Фёдора Петровича Гааза, отдавшего все лучшие годы своей жизни и своей деятельности Москве, налагают, как нам кажется, на городское управление священный долг взять на себя заботу по охранению его могилы в том виде, как это приличествует его святой и самоотверженной жизни», что и было выполнено. «Памятник на могиле был подновлен; под него подведена новая гранитная плита, на которой золотыми буквами изображен бессмертный афоризм Гааза: «Спешите делать добро». Взамен старой довольно плохой ограды поставлена новая прекрасной работы с бронзовым барельефом покойного и с бронзовыми изображениями пылающих факелов по углам. На передней и двух боковых сторонах ограды повешены разорванные кандалы времен Гааза. На все это было израсходовано около 2000 рублей. Комитет по благоустройству кладбища иноверческих исповеданий из уважения к памяти покойного взял на себя безвозмездно заботу по охране могилы»

Сергей Васильевич Пучков выступил также инициатором сбора пожертвований на памятник доброму доктору, он пишет «в конце 1908 года решил взять на себя почин постановки памятника Ф.П. Гаазу в Александровской больнице, а весной 1909 года объявил во всеобщее сведение, что памятник будет поставлен осенью того же года. Я позволил себе сделать такой шаг благодаря горячему сочувствию и поддержке в этом деле московского городского головы Н.И. Гучкова, художника И.С. Остроухова и скульптора Н.А. Андреева, и попечителя Александровской больницы барона А.Л. Кноп». Эта инициатива была горячо поддержана, было создано «Ольгинское благотворительное общество в память доктора Ф.П. Гааза при Александровской боль-

нице». Фонд имени Гааза составил 20 000 рублей. Известный скульптор Андреев не взял денег за свою работу. В книге доктора С.В. Пучкова [3] подробно описано, как проходило открытие памятника Ф.П. Газу 1 октября 1909 года, начинавшееся с панихиды на его могиле по обрядам римско-католической церкви. Служил декан польской церкви во имя св. ап. Петра и Павла А.М. Василевский в присутствии московского городского головы Н.И. Гучкова, главного доктора Александровской больницы С.В. Пучкова, председателя и членов комитета по благоустройству кладбища и почитателей памяти покойного. Торжество открытия памятника в Александровской больнице было назначено в 2 часа. К этому времени Малый Казенный переулок, по которому расположены владения больницы, наполнился экипажами и массами народа. «В начале 3-го часа началась торжественная панихида. Служило православное духовенство во главе с протоиереем Александровского военного училища Н.И. Добронравовым, в сослужении священников Московской пересыльной тюрьмы Георгиева, Александровской больницы Виноградова, протодиакона Успенского собора Розова и диакона больничной церкви Смирнова. Наступила торжественная минута — мощный голос провозгласил: «рабу Божию Фёдору вечная память...». Голоса детского хора сливаются в чудной трогательной гармонии с голосами людей в серых куртках. Присутствующие опускаются на колена... у многих на глазах слезы. В этот самый момент показывается солнце, завеса с памятника падает, и среди толпы людей, полных глубокого чувства умиления, предстает отлитый в бронзе Фёдор Петрович Гааз со своими добрыми и умными чертами лица... Духовенство окропило памятник, после чего в стройном порядке, благодаря участию студентов распорядителей, под звуки «Коль славен» оркестра Руквишниковского приюта началось шествие депутаций к памятнику и возложение к его подножию венков. Первый венок-крест из живых белых цветов без всяких лент и надписей от Великой Княгини Елисаветы Феодоровны был возложен управляющим двором Ее Высочества камергером А.Л. Корниловым. Всего было возложено 33 венка с соответствующими надписями [3].

На протяжении всех предреволюционных лет С.В. Пучков старался, чтобы у памятника Гаазу с высеченными словами

Детский праздник под названием «У доброго дедушки Гааза» в начале прошлого века

«Спешите делать добро» каждый год проходили детские праздники под названием «У доброго дедушки Гааза». Совет Полицейской больницы принял решение за заслуги удостоить С.В. Пучкова звания почётного члена совета больницы. Ему была предоставлена в пожизненное пользование квартира, в которой жил доктор Ф.П. Гааз.

Прошли годы, наполненные ежедневным трудом в больнице, в городской Думе, в различных общественных организациях, а рядом вырос преемник и последователь — сын Александр Сергеевич Пучков (1887–1952) [3, 10]. Младший Пучков стал не только, как и его отец, врачом, но и продолжил семейную традицию «спешить делать добро». В 1906 году он окончил IV Московскую гимназию, в 1911 году — медицинский факультет Московского университета со званием «лекарь с отличием». А.С. Пучков продолжил дело Ф.П. Гааза и отца, проявил себя как блестящий организатор и стал создателем современной скорой помощи в Москве, о которой мечтал Ф.П. Гааз. Для Александра Сергеевича были близки и дороги идеалы его отца, он поддерживал переписку с А.Ф. Кони. «Я говорил Вам, — писал он 8 мая 1923 года, — что Ваши книги всегда были для

меня своего рода нравственным маяком, который осветил мне не один темный вопрос повседневной жизни». В другом письме, посланном через три года, 24 декабря 1925 года, он сообщал Кони: «Собираюсь в январе побывать в Петербурге для осмотра станции скорой помощи и мечтаю повидать Вас». А.С. Пучков принимал непосредственное участие в организации семи подстанций «Скорой помощи» в Москве, в создании специализированного автотранспорта и его оснащения. Скорая и неотложная помощь в Москве носит имя ее организатора: «Станция скорой и неотложной медицинской помощи им. А.С. Пучкова» [13, 14].

С августа 1919 по апрель 1925 года главным врачом бывшей Александровской больницы (Гаазовской), а потом Красно-Советской был А.И. Синёв [15]. Александр Иванович Синев родился 25 августа 1873 года. Он окончил ту же IV Московскую гимназию на Покровке, где учился А.С. Пучков. После окончания Московского императорского университета в 1899–1902 годах он работал сверхштатным ассистентом по кафедре патологической анатомии Московского университета и врачом-бактериологом Мариинской больницы. С 1903 года он работал на Украине — вначале прозектором в Одесском университете и помощником прозектора Одесской городской больницы, а затем прозектором Житомирской Губернской больницы. С 23 февраля 1904 года по май 1908-го доктор Синёв был зачислен на период русско-японской войны младшим ординатором 7-го Иркутского запасного госпиталя, с сохранением статуса прозектора Одесской городской больницы. 1914 год. Грянула Первая мировая война. Снова доктор Синёв (с 8-го июля 1914 г. по май 1918 г.) в строю на военной службе: вначале младший врач полка, затем старший врач дезинфекционного отряда, старший ординатор госпиталя и в конце концов — главный врач госпиталя³⁵.

В мирное время проработал по совместительству 10 лет прозектором Старо-Екатерининской больницы и 20 лет по совместительству прозектором Московского областного научно-исследовательского института охраны материнства (бывший

³⁵ Из личного архива доктора А.И. Синёва, переданного в Мемориальную комнату-музей Ф.П. Газа его внучкой М.Р. Озолина.

Лепёхинский роддом). А.И. Синёв занимался научной работой. Всероссийским профессиональным союзом работников просвещения (Московский Губотдел, ГУБПРОС) он был зарегистрирован как научный работник по г. Москве. По признанию коллег, А.И. Синев способствовал изучению послеродовых септических заболеваний и смертности новорожденных. В годы разрухи (1918–1920 гг.) лаборатория и прозектура при больнице Тимистера и Лепёхинском роддоме работали бесперебойно, благодаря энергии и находчивости А.И. Синёва, сумевшего выработать новые методы лабораторных исследований, например, постройка керосинового термостата, видоизменение окрасок препаратов, приготовление мясного питательного бульона из последов. Академик А.И. Абрикосов в своем отзыве отмечает научные работы А.И. Синёва по туберкулезу, прекрасные учебники по гистологии и анатомии для среднего медицинского персонала [15].

В августе 1919 года Александр Иванович Синёв получил направление на должность главного врача в Гаазовскую больницу в Малом Казенном переулке в Москве. Он приложил много усилий для наведения порядка в больнице в сложное время. С первых дней работы в Гаазовской больнице Александр Иванович думал о необходимости воскрешения памяти о «святом докторе» уже в новое время — в новой Советской России, среди нового поколения медиков. Его опыт работы и преподавания студентам позволили ему выдвинуть идею Гаазовских чтений прямо там, в Гаазовской больнице, где жил и работал «святой доктор» [16]. В том же году доктор А.И. Синёв обратился к знаменитому юристу России с приглашением принять участие в Гаазовских чтениях в Москве и выступить перед молодыми медиками со словом о Фёдоре Петровиче Гаазе. Завязалась переписка между А.Ф. Кони и А.И. Синёвым. Анатолий Фёдорович всем сердцем приветствовал это начинание. Благодарил Александра Ивановича за труды во имя исполнения достойной идеи. В 1920 году больница готовилась отметить свое 75-летие, было решено пригласить на юбилейные мероприятия А.Ф. Кони, по-прежнему жившего в то время в Петрограде. Из письма А.И. Синёва к А.Ф. Кони становится известным, что он

обращался к наркому здравоохранения А.И. Семашко с просьбой вернуть имя Ф.П. Гааза Александровской больницы и получил положительный ответ. А.Ф. Кони рад памяти о Ф.П. Гаазе в новой России и тому, что основанная Гаазом больница носит его имя. Кони сетовал на трудности, связанные с приездом в Москву, и выражал надежду, что железнодорожные перевозки между двумя крупнейшими городами страны наладятся. В письме от 3 января 1921 года А.Ф. Кони писал:

«Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Увы! Я получил Ваше дорогое письмо и лестное приглашение больницы, носящей незабвенное имя, лишь вчера вечером, так что не мог даже телеграммой приветствовать Ваше трогательное торжество, хотя всем сердцем перенесся в Казенный переулок и в Вашу, ставшую мне родной по духу, товарищескую семью. Мне больно и то, что я не услышал лекции искренне уважаемого мною С.В. Пучкова, которому прошу Вас передать при свидании мой душевный привет».

Переписка продолжилась. Из письма А.Ф. Кони к А.И. Синёву от 12 февраля 1921 года

«Петроград–Москва 12 февраля 1921 года

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Я счастлив, что имя доктора Гааза сроднило меня с Гаазовской больницей, в которой лет 20 назад я учредил две кровати имени моих отца и матери. Живя очень скромно и получив неожиданный источник дохода от продажи моих последних сочинений («За последние годы», «Отцы и дети судебной реформы» и «На жизненном пути»), я завещал крупную сумму Гаазовскому приюту для бесприютных детей для учреждения 12 коек в память ряда моих профессоров и оставшихся сослуживцев. Я писал биографию Ф.П. Гааза в очень трудные дни для дела правосудия вообще, и для меня лично. Временно все хорошее, что было в «судебных уставах», подвергалось наружному разрешению, внутренним искажениям, и была образована особая комиссия, понимавшая задачи совершенно наоборот, т.е. «спешила являть зло» [15].

В апреле 1925 года А.И. Синёв покидает пост главного врача Больницы имени доктора Ф.П. Гааза и начинается новая жизнь Гаазовского дома, тесно связанная с гигиеной и профилактической медициной.

Комплекс зданий по адресу Малый Казенный переулок, дом 5, переходит в ведение Института по изучению профессиональных болезней имени В.А. Обуха, организованного по приказу Мособлздравотдела от 23.07.1923. Первыми директорами были доктора В.Д. Коноплянкин, Л.С. Боголепова, Г.Д. Арнаут. В нем работали выдающиеся ученые: терапевты М.П. Кончаловский и И.Г. Гельман, гигиенист С.М. Богословский [17].

Быстрые темпы индустриализации молодой республики Советов в 1920–1930 годах, масштабное строительство в разных ее регионах крупных предприятий металлургической, горнодобывающей, машиностроительной и химической промышленности потребовали решения новых задач в сфере охраны труда, создания мощной базы медико-санитарного обслуживания заводов и фабрик, организации результативной борьбы с профессиональными заболеваниями в стране. Первой исследовательской работой нового Института стало обследование рабочих-

Комплекс зданий по адресу Малый Казенный переулок, дом 5, где во дворе стоит памятник Ф.П. Гаазу

полиграфистов, работающих во вредных условиях в контакте со свинцовыми сплавами при наборе текстов. Работа была утверждена на совещании главных врачей лечебных учреждений Москвы, так как для ее выполнения нужно было дополнительно привлечь практических врачей региона.

Институт с самого начала был организован как комплексное учреждение с клинической и санитарной частью, специальными лабораториями. Клиника института располагалась на улице Воронцовской (пер. Обуха, дом 5, стр. 1) в здании Лютеранской (Евангелической) больницы. Все началось с 1895 года, когда этот участок выкупили члены немецкой лютеранской общины, жившие рядом, на улице Воронцово поле. Они и финансировали постройку больницы в 1903/1904 годах по проекту архитектора Отто Фон Дессина. Несмотря на то, что больница являлась лютеранской, принимали здесь людей всех вероисповеданий и сословий. Примерно половина пациентов не были лютеранами, а большинство врачей были немцами.

В первые два года в планы Института вошло обследование 55 предприятий с 25 тысячами работающих на предприятиях металлообрабатывающей, текстильной, химической, полиграфической, фарфоровой, кожевенной и др. отраслей промышленности Москвы и Московской области. Клиника Института столкнулась, прежде всего, с промышленными интоксикациями — отравлениями рабочих парами мышьяковистого водорода, светильным газом, ртутью свинцом, нитробензолом, хлором и др. Проводились подробные санитарные обследования для предупреждения отравлений и заболеваний. Накопленные комплексные данные и опыт позволили вести термин «профессиональная патология». Врачи-клиницисты и гигиенисты пришли к необходимости изучать реакции человека на профессиональную работу, наблюдать за функциональными изменениями организма в процессе работы, т.е. не только изучать больного, но и здорового человека. Это был новый метод изучения профессионального труда, что привело врачей в цехи промышленных предприятий. Стали разрабатываться санитарно-клинические характеристики детальных профессий. С 1923 года издается журнал «Гигиена труда», в котором публикуется много работ Института [17].

В комплексе зданий в Малом Казенном переулке с 1927 года располагался отдел физиологии Института, возглавлял его ученик великого физиолога И.П. Павлова, будущий академик, И.П. Разенков. Физиологическая лаборатория была так оборудована, благодаря активности руководителя и личной помощи В.А. Обуха, что ее назвали «Институтом по исследованию различных отраслей физиологии». В двухэтажной части основного здания жили сотрудники Института, в других отдельно стоящих строениях были расположены мастерские по изготовлению аппаратуры, необходимой для проведения физиолого-гигиенических исследований в производственных условиях.

В 1935 году происходит объединение Московского института по изучению профессиональных болезней им. В.А. Обуха с Институтом гигиены труда и промышленной санитарии Народного Комиссариата Здравоохранения РСФСР и приходит новое пополнение врачей-гигиенистов и санитарных химиков (В.А. Левицкий, А.А. Летавет, А.Е. Малышева, М.С. Быховская, О.Д. Хализова и др.). Получают развитие комплексные исследования по гигиене труда с применением производственно-гигиенических, экспериментальных и клинических методов [17].

В 1959 году Институт переезжает в район Соколиной горы на проспект Буденного, 31, где продолжает свою деятельность как ведущий «Научно-исследовательский институт гигиены труда и профзаболеваний» АМН СССР (1945–1992) под руководством известного ученого-гигиениста академика А.А. Летавета (1948–1971), а затем как «Научно-исследовательский институт медицины труда им. академика Н.Ф. Измерова», которым академик Н.Ф. Измеров руководил с 1972 по 2012 год, при нем институт стал сотрудничающим центром Всемирной организации здравоохранения по медицине труда. В настоящее время это ведущее учреждение Российской Федерации по изучению гигиенических и клинических вопросов возникновения, диагностики, течения и лечения профессиональных и производственно обусловленных заболеваний с последующей реабилитацией. Руководит Институтом заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН И.В. Бухтияров.

В 1959 году был издан приказ Министерства здравоохранения СССР, подписанный министром С.В. Курашовым 23 июня за № 321 «Об организации Научно-исследовательского института гигиены детей и подростков в системе Академии медицинских наук». В соответствующем распоряжении Академии медицинских наук СССР об организации Института с 1 июля 1959 года указано «Возложить на организуемый институт осуществление следующих основных задач по охране и укреплению здоровья подрастающего поколения: вопросы гигиены детей, начиная с дошкольного возраста, и подростков в условиях школьного обучения и трудового воспитания; изучение детской и подростковой патологии; изучение и определение принципов и норм профессионального отбора; разработку гигиенических норм и гигиенических основ строительства и режима школ, детских и подростковых учреждений. Дано распоряжение директору Института гигиены труда и профзаболеваний проф. А.А. Летавету выделить помещения для вновь создаваемого института по адресу пер. Мечникова (Малый Казенный), дом 5.

В создании Института принимали активное участие известные гигиенисты М.Д. Большакова, М.И. Корсунская, С.Е. Советов, А.Я. Гуткин, С.М. Громбах, А.К. Смирнов, С.С. Познанский, Л.Н. Заглухинская, а также А.А. Минх, В.А. Рязанов, Ф.Г. Кротков, Г.А. Митерев.

Первым директором Института была в 1959 году назначена Тамара Александровна Николаева, кандидат медицинских наук, главный государственный санитарный врач РСФСР (1955–1959), а затем и СССР (1961–1964). Ею был организован Институт вакцин и сывороток, который также является преемником бывшей Александровской больницы. Затем продолжительное время, с 1963 по 1996 год, директором Института была Галина Николаевна Сердюковская, впоследствии академик РАМН, заместителем директора по научной работе был профессор С.М. Громбах, известный ученый, гигиенист детства. С 1996 по 1998 год Институт возглавлял академик РАН, академик РАМН Александр Александрович Баранов. В настоящее время ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, в состав которого входит Институт, возглавляет

заслуженный врач Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор Андрей Петрович Фисенко. С 1998 года Институт возглавляет член-корреспондент РАН, доктор медицинских наук, профессор Владислав Ремирович Кучма, зам. директора по научной работе ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России. Длительное время зам. директора по научной работе НИИ гигиены детей и охраны здоровья детей и подростков была Людмила Михайловна Сухарева, прошедшая в институте путь от аспиранта до профессора [2].

На самом начальном этапе организации Института в нем трудились замечательные ученые и специалисты, внесшие большой вклад в разработку и развитие теоретических и прикладных проблем гигиены детства: профессора И.А. Арнольди, Л.Т. Антонова, И.Д. Карцев, Е.И. Кореневская, Ю.Д. Жилов, З.И. Коларова, А.Г. Сухарев, П.И. Гуменер, Р.Г. Сапожникова, В.Г. Властовский, Л.Ф. Бережков, Л.И. Абросимова.

Многие годы в Институте работали специалисты, создавшие научный фундамент для решения многих прикладных вопросов охраны здоровья детей и подростков: доктора наук Е.К. Глушкова, В.А. Доскин, Р.А. Калюжная, О.В. Кайсина, И.И. Кондратьева, Д.Н. Крылов, Л.В. Михайлова, Ю.М. Пратусевич, Е.С. Рысева, Г.В. Терентьева, Г.Л. Туровец, А.Н. Усольцев, Г.К. Ушаков, М.А. Шарова [2].

С учетом задач, поставленных гигиенической наукой и практическим здравоохранением перед Институтом, была разработана концепция и методология научных исследований. Ведущий вклад в их создание в тот период внес С.М. Громбах. Сергей Михайлович сформулировал более детальное определение гигиены детей и подростков как отрасли медицинской науки, изучающей эффекты воздействия среды на растущий организм и разрабатывающей на этой основе мероприятия, направленные на создание условий, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья, оптимальный уровень функций и благоприятное развитие организма детей и подростков. Была разработана методология научных исследований: применение естественного гигиенического эксперимента в органическом сочетании с лабораторными исследованиями и методами санитарной статистики [2].

За первое десятилетие существования Института были выполнены актуальные исследования, проведены симпозиумы и конференции по проблемам профессиональной пригодности подростков (1963), гигиеническим вопросам строительства и оборудования школ и детских дошкольных учреждений (1964), Всесоюзная конференция по гигиене труда подростков (1966). В 1966 году вышли труды Института «Гигиена детей и подростков» под редакцией Г.Н. Сердюковской и С.М. Громбаха, в 1968 опубликована монография «Физиологические критерии профессиональной пригодности подростков к различным профессиям» (авт. И.Д. Карцев, Л.Ф. Халдеева, К.Э. Павлович).

Фундаментальные исследования, выполненные под руководством будущего академика РАМН, академика РАН А.Г. Сухарева, позволили сформулировать концепцию укрепления здоровья средствами физического воспитания, установить параболический характер зависимости между количественной величиной суточной двигательной активности и реакциями организма детей и подростков на нее, допустимые границы колебаний возрастных норм суточных локомоций мальчиков и девочек 3–18 лет. В центре внимания ученых Института в эти годы стали социальные условия и состояние здоровья школьников, акселерация роста и развития детей, влияние окружающей среды на здоровье подростков [18].

В 1980-е годы фундаментальные исследования сотрудников Института были посвящены изучению биологических ритмов растущего организма, работоспособности учащихся, влиянию школы на психическое здоровье учащихся, разработке основ психогигиены детей и подростков. Гигиенический анализ условий обучения, воспитания и охраны здоровья учащихся профтехучилищ позволил обосновать систему совершенствования и рационализации режимов труда и отдыха учащихся средних профессионально-технических училищ [18].

В 1990-е годы обосновываются критерии оценки состояния здоровья детей, новые подходы к профилактической и оздоровительной работе в образовательных учреждениях. Выпущено руководство для врачей. Подготовлены научно-методические основы Национального плана действий по гиги-

ене окружающей среды (НПДГОС) применительно к охране здоровья детей.

В 2000-е годы внимание направлено на медицинские и социальные аспекты адаптации современных подростков к условиям воспитания, обучения и трудовой деятельности. Созданы «Нормативы физического развития, показателей психомоторных и когнитивных функций, умственной работоспособности, школьной адаптации и вегетативной лабильности, деятельности сердечно-сосудистой системы подростков 15–16 лет». Издано руководство по врачебному профессиональному консультированию подростков [18].

На базе лаборатории полимерных материалов НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков еще с конца 70-х годов XX века были разработаны и усовершенствованы методические подходы к выявлению неблагоприятного воздействия химических веществ, выделяющихся из синтетических, искусственных материалов для изготовления товаров детского ассортимента; разработаны наиболее чувствительные и информативные методы определения ряда токсических веществ; разработаны методические подходы и критерии оценки игрушек из полимерных материалов — что и привело к созданию нового структурного подразделения Института в начале XXI века — лаборатории комплексных проблем гигиенической оценки и экспертизы.

Цель проводимых в лаборатории исследовательских работ заключается в снижении рисков негативного воздействия химических, физических и биологических факторов на детский организм, отличающийся физиологической незавершенностью роста и развития, повышенной чувствительностью к воздействию внешних факторов. Сотрудники лаборатории обосновали научные подходы к определению интегрального воздействия на организм ребенка всего комплекса факторов, характерного для того или иного предмета детского обихода и участвовали в разработке Технических регламентов «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков» и «О безопасности игрушек».

Лаборатория аккредитована в системе Росаккредитации и является третьей независимой стороной, доказывающей, что

продукция соответствует конкретному стандарту. Наибольший объем продукции, исследуемой в лаборатории, — это игрушки. На практике, несмотря на строгое законодательство, безопасность детей в этом отношении часто не гарантирована, а некоторые игрушки и другие детские товары иногда из-за применяемых материалов прямо угрожают детскому здоровью. Около 70% игрушек в России поставляется из Китая, и по причине недостаточного контроля за качеством материалов могут быть вредными и опасными для здоровья детей (содержание опасных химических соединений в них иногда более чем в 3 раза превышает ПДК). Каждая третья игрушка из десяти содержит такие вредные примеси, как формальдегид, фенолы, бензол, толуол, метанол. Очень часто такие показатели безопасности предметов детской одежды как гигроскопичность и воздухопроницаемость не соответствуют установленным требованиям.

Впервые были проведены исследования по гигиенической оценке использования светодиодов в системах искусственного освещения школ и исследования, направленные на обеспечение гигиенической безопасности использования компьютеров в обучении детей и подростков. Были изучены показатели состояния здоровья и особенности нервно-психического развития учащихся в школьном онтогенезе. Был выполнен цикл исследований, позволивший обосновать современную модель оказания медицинской помощи обучающимся в образовательных организациях.

Впервые была обоснована и разработана оригинальная система гигиенической диагностики санитарно-эпидемиологического благополучия обучающихся и выпущен сборник современных нормативно-методических документов по гигиене детей и подростков [18].

Гигиеническая оценка процесса интенсификации обучения, использования обучающимися мобильных телефонов, ридеров, планшетов, ноутбуков, интерактивных досок позволила обосновать гигиенические регламенты использования электронных средств обучения и разработать концепцию и комплексную систему гигиенической безопасности электронного образовательного контента. Комплексный анализ санитарно-эпидемио-

логического благополучия обучающихся и современных трендов государственной политики развития общества, науки и технологий в стране позволили выявить факторы риска здоровью обучающихся в современной российской школе, создать технологии их идентификации и профилактики средствами гигиены, в том числе с использованием теории управления рисками здоровью обучающихся и жизнедеятельности детей в условиях гиперинформатизации [18].

Институт осуществляет проекты по международному сотрудничеству: с 2016 года реализуется совместный проект Российской Федерации и Европейского регионального бюро ВОЗ «Развитие сети школ здоровья в странах Восточной Европы и Центральной Азии (2016–2020 гг.)». Целью проекта является поддержка школ здоровья в Европе (SHE), в странах Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА). Страны-участницы проекта: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Сербия. В задачи проекта входят информационное обеспечение участников проекта материалами SHE на русском языке; обучение и обмен мнениями национальных координаторов стран ВЕЦА, изучение и анализ работы сети школ здоровья в странах ВЕЦА.

В процессе реализации проекта проведена Международная конференция стран ВЕЦА «Формирование здорового образа жизни школьников в современных условиях» (14–15 ноября 2016 г., Москва). В работе конференции приняли участие 426 представителей из Российской Федерации, Дании, Нидерландов, Сербии, Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана. Обсуждались актуальные проблемы: реализация национальных стратегий формирования здорового образа жизни школьников в странах ВЕЦА; эффективная модель формирования здорового образа жизни обучающихся с учетом социокультурных и этнических особенностей; медицинское обеспечение обучающихся; формирование основ знаний по оказанию неотложной помощи детям в образовательных организациях; двигательная активность и инновационные технологии ее повышения в образовательных организациях; здоровое питание детей и подростков и проблемы его обеспечения в орга-

низованных коллективах; психологическое благополучие обучающихся; единая профилактическая среда в образовательных организациях; безопасность использования информационно-коммуникационных технологий в образовательных организациях.

Подготовлены печатные информационно-методические материалы для школ здоровья стран ВЕЦА: руководство для школ «Двигательная активность детей в школе: формы, средства и технологии»; руководство для школ «Питание обучающихся в современных условиях».

В 2017 году проведены исследования по оценке организации здоровьесберегающей деятельности в школах 5 стран ВЕЦА. В ходе исследований дана экспертная оценка протоколов самоаудита здоровьесберегающей деятельности, представленных школами Азербайджана, Армении, Беларуси, Кыргызстана и Молдовы.

20–22 ноября 2019 года в Москве состоялась 5-я Европейская конференция школ, содействующих укреплению здоровья «Здоровье, благополучие и образование: создание устойчивого будущего». В конференции приняли участие более 460 представителей из 41 страны. Основное внимание на конференции было уделено вопросам охраны и укрепления здоровья, обеспечения благополучия участников образовательного процесса в школах; сотрудничеству между секторами образования и здравоохранения, направленному на социальный прогресс и устойчивое развитие. По итогам Конференции был сформулирован итоговый документ — Московское заявление «Здоровье, благополучие и образование: создание устойчивого будущего» (The Moscow Statement “Health, well-being and education: building a sustainable future”), в котором отражены основные социальные вызовы современности, влиявшие не только на процессы роста и развития детей, но и на сферы социального взаимодействия, обучения и жизни детей в целом; представлены рекомендации по дальнейшему развитию школ, содействующих укреплению здоровья.

В последние два десятилетия были проведены капитальный ремонт и реконструкция зданий Института, что позволило открыть и показать скрытые до того старинные интерьеры (здание бывшей Полицейской больницы является памятником культурного наследия). Осуществлена модернизация материально-

технической базы и создан Испытательный лабораторный центр, аккредитованный Федеральной службой по аккредитации, который обеспечивает своими исследованиями безопасность товаров для детей и подростков.

Воссозданы координация и анализ научной деятельности НИИ и вузов страны в сфере гигиены и охраны здоровья детей и подростков, а также научно-организационные структуры этой работы: Научный совет Отделения медицинских наук РАН по гигиене и охране здоровья детей и подростков, Проблемная комиссия Ученого совета Роспотребнадзора по гигиене детей и подростков, Координационный совет Президиумов РАО и РАМН «Здоровье и образование детей, подростков и молодежи».

Консолидировано профессиональное сообщество специалистов страны по школьной и университетской медицине. Воссоздано международное сотрудничество и членство в профессиональной ассоциации Европы — в Европейском союзе школьной и университетской медицины и здоровья (EUSUHM). Институт стал национальным центром поддержки российской сети школ, содействующих укреплению здоровья (РСШЗ), а с 2014 года — Московским филиалом Сети школ здоровья стран Восточной Европы и Центральной Азии.

Институт является базой подготовки по гигиене детей и подростков, основам формирования здоровья детей на вузовском и последипломном этапах обучающихся Сеченовского Университета. Все это позволяет Институту работать на современном научном уровне в целях обеспечения безопасных условий жизнедеятельности молодого поколения России [18].

Литература

1. Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз. Биографический очерк (репринт). Изд. 3-е. СПб., 2003. 184 с.
2. Кучма В.Р. и др. Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья детей и подростков (50 лет): страницы истории. М.: НЦЗД РАМН, 2009. С. 11–13.
3. Центральный исторический архив Москвы, Ф. 1581 (Комиссия попечительская о тюрьмах).
4. Пучков С.В. К характеристике доктора Гааза. Изд. 2-е, доп. М.: Городская типография, 1910. 48 с.

5. *Драшусова Е.А.* Несколько слов о Фёдоре Петровиче Гаазе (некролог) // Московские ведомости. 1853. № 101.
6. *Жизневский А.К.* Воспоминания о докторе Фёдоре Петровиче Гаазе [электронный ресурс]. Санкт-Петербург: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. Доступно по: http://elib.tverlib.ru/zhiznevskiy_avgust_kazimirovich_1819_1896_vospominaniya_o_doktore_fedore_petroviche_gaaze
7. *Блохина Н.Н.* Врач. Гуманист. Ученый / Сб. «Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе». М.: Древо добра, 2002. С. 255–283.
8. Благодарственные адреса старшему ординатору Полицейской больницы статскому советнику и кавалеру Василию Филипповичу Собакинскому в день юбилея тридцатилетней его службы 15 марта 1874 года. М.: Тип. Миллера, 1874. 31 с.
9. *Беркут Н.К.* Записки // Исторический вестник. 1911. № 12. С. 876–905.
10. *Шерстнева Е.В.* Первые пастеровские станции в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 2. С. 56–59.
11. *Шубочкина Е.И.* Пучков С.В. — продолжатель традиций доктора Ф.П. Гааза / Сточиковские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва. 25 мая 2018. М., 2018. 238 с.
12. *Кучма В.Р., Плавунцов Н.Ф., Шубочкина Е.И., Кадышев В.А.* Доктор Ф.П. Гааз и Полицейская больница в Москве на Малом Казенном как первая больница скорой и неотложной помощи // Архив внутренней медицины. 2019. Т. 9. № 6. С. 413–418.
13. *Пучков А.С.* Организация скорой медицинской помощи в Москве. М.: Медгиз, 1947. 188 с.
14. *Пучков А.С.* (К 125-летию со дня рождения) // Неотложная медицинская помощь. Журнал им. Н.В. Склифосовского. 2012. № 3. С. 75–76.
15. *Кучма В.Р.* Гаазовский дом гигиены в первой четверти XX века. К 250-летнему юбилею Научного центра здоровья детей РАМН // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. 2013. № 4. С. 4–6.
16. *Озолия М.Р.* Последний главврач Гаазовской больницы / В кн.: Известные научные школы и выдающиеся врачи и ученые. Новосибирск: СибАК, 2016. 212 с.
17. *Боголепова Л.С.* История создания Московского института по изучению профессиональных болезней им. В.А. Обуха. / В кн.: Итоги и перспективы исследований по актуальным проблемам медицины труда в России (Актовые речи ведущих ученых Института 1973–2012 гг.). М., 2013. С. 8–20.
18. *Кучма В.Р.* Шесть десятилетий научного поиска в гигиене детей и подростков // Гигиена и санитария. 2019. Т. 98. № 5. С. 573–580.

Глава 8.

Фёдор Петрович Гааз сегодня

Шубочкина Е.И., Скоблина Н.А.

Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Российская Федерация

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Минздрава России, Москва, Российская Федерация

145

ГЛАВА 8 • ФЁДОР ПЕТРОВИЧ ГААЗ СЕГОДНЯ

Прошло более полутора веков со дня смерти знаменитого русского врача-филантропа Фёдора Петровича Гааза, немца по происхождению, посвятившего свою жизнь служению России, великого благодетеля для простого люда в самых кризисных условиях жизни — во время эпидемий опасных инфекционных заболеваний (тиф, холера, дифтерия), попавших в тюрьмы, долговые ямы, в ссылки по этапу на каторгу, и их

Память о добром дедушке Гаазе жива и поныне.

страдающих семей. Память об этом замечательном человеке продолжает жить в народе, его могила на Введенском кладбище всегда в цветах. В память доктора Гааза ежегодно осенью во дворе бывшей Полицейской больницы проходят детские праздники, присуждаются международные премии, названы больницы и школы в разных городах, улицы, открываются памятники и памятные таблички в местах, где он бывал и работал, ему посвящаются оперы и спектакли, выходят книги о нем, проходят научные конференции и организуются различные конкурсы, в том числе юных музыкантов. В честь Гааза с его девизом «Спешите делать добро» созданы государственные и ведомственные награды — медали с его изображением.

Возрождение детского праздника у памятника Гаазу в Малом Казенном в 2009 году, организованного сотрудниками НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков, было приурочено к 100-летию со дня открытия памятника и восстанавливало давние традиции. Устроитель этих праздников главный врач С.В. Пучков в брошюре «Детские праздники у памятника «доброму дедушке Гаазу»» (Москва, 1912) пишет: «С тех пор, как в 1909 году <...> был торжественно открыт памятник доктору Ф.П. Гаазу, сквер, где стоит памятник, постоянно посещается воспитанниками и воспитанницами школ и приютов. Наставники рассказывают детям о том, кто был доктор Гааз. Собравшись в сквере вокруг памятника, дети слушают рассказы своих учителей и, подняв свои головки, внимательно осматривают бюст доброго дедушки Гааза... Они как будто чувствуют своей чистой детской душой, как их любил святой доктор». А.Ф. Кони в своей книге повествует об отношении Гааза к детям: «Он очень любил детей. И дети ему платили тем же, шли к нему с доверием, лезли на него, ласкали его, теребили. Между ними завязывались разговоры, прерываемые шутками старика и звонким детским смехом. Он сажал их на колени, смотрел в их чистые правдивые глаза и часто, с умиленным выражением лица, возлагал им на голову руки, как бы благословляя их. Он любил проделывать с детьми шутливое перечисление необходимых добродетелей. Взяв маленькую детскую ручонку, растопырив ее пальчики, он вместе с ребенком, загибая большой палец, говорил «благоче-

стие», загибая указательный — «благодравие», «вежливость» и т.д. пока не доходил до мизинца. «Не лгать! — восклицал он многозначительно, — не лгать, не лгать, не лгать!» — повторял он, потрясая за мизинец руку смеющегося дитяти...»

На празднике в 1911 году группа старших воспитанников одного из приютов прочитала стихотворное послание к А.Ф. Кони:

Привет Вам за то, что умом и душой
Вы вспомнили первый о том,
Кто делал добро любовью живой,
Боролся с неправдой и злом.
Вы нам рассказали, как был он велик
Горячей любовью своей,
Как много страдал, чего он достиг
Средь грубых, бездушных людей.
Светлей и прекраснее повести нет,
Чем повесть о докторе Гаазе святом.
И мы посылаем наш детский привет
Тому, кто поведал о нем.

На детский праздник у памятника Ф.П. Гаазу в Малом Казенном 1 октября 2009 года были приглашены более 100 детей из детских домов, школ-интернатов и многодетных семей города Москвы. В программе праздника были концерт, угощение, вручение подарков. В сквере около памятника в сопровождении детского духового оркестра Детского дома № 19 г. Москвы появились волшебники и феи и предложили сделать ребятам маленькие добрые дела: собрать листья, протереть ограду и памятник, сплести венок. За каждое доброе дело дети получили буквы, из них составили известный призыв Святого доктора «Спешите делать добро». Когда дети-участники праздника одновременно выпустили из рук воздушные разноцветные шарики — на хмуром небе выглянуло солнце. Почетными гостями праздника стали Чрезвычайный и Полномочный Посол Федеративной Республики Германия в Российской Федерации д-р Вальтер Юрген Шмид, Архиепископ-митрополит католической епархии Божией Матери в Москве Паоло Пецци, католическое и православное духовенство, общественные деятели.

В 1994 году германской неправительственной организацией Германо-Российский Форум учреждена Премия имени доктора Гааза. Премия ежегодно присуждается представителям общественных и политических кругов, которые внесли весомый вклад в углубление взаимопонимания между народами двух стран. Лауреатами премии становились писатели Владимир Войнович и Даниил Гранин, президент СССР Михаил Горбачев.

15 марта 2018 года в Берлине состоялось юбилейное заседание Германо-Российского Форума. Четверть века прошло с того времени, как была создана эта неправительственная организация, оказывающая большое влияние на формирование международных отношений. Для России юбилейное заседание важно было еще и тем, что на нем известному театральному деятелю и телеведущему, доктору театроведения, профессору, лауреату Государственной премии Российской Федерации, художественному руководителю Московского театра мюзикла Михаилу Швыдкому министр иностранных дел ФРГ Зигмар Габриэль вручил премию им. доктора Фридриха Гааза. Премия была вручена с формулировкой «За выдающийся вклад в развитие российско-германских культурных связей». Премия имени доктора Гааза предполагает получение денежных средств. По решению Михаила Швыдкого все они были перечислены в один из крупнейших российских детских благотворительных фондов. В своей речи Швыдкой упомянул и о докторе Гаазе: «Фигура доктора Гааза, которого в России звали Фёдором Петровичем, его судьба, символы его веры, — убедительное доказательство близости наших народов. Его девиз «Спешите делать добро» в равной степени отзывается в душах русских и немцев, его стремление добиться человеческого, гуманного отношения к заключенным — это те ценности, которые прорастают в современные гуманистические учения. И они равно важны русским и немцам».

Девиз доктора Гааза воплотился в современной России в ведомственной награде Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации — медали «Спешите делать добро», учрежденной распоряжением Уполномоченного по правам

человека в Российской Федерации № 17 от 18 июля 2005 года. В стенах «Геликон-оперы» 22 декабря 2017 года Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова провела церемонию награждения медалью «Спешите делать добро». В числе лауреатов была игуменья Елисавета из Марфо-Мариинской обители сестер милосердия, которая организовала приют для детей. Медалью «Спешите делать добро» был награжден также незрячий житель Нижнего Новгорода Дмитрий Балыкин, который, несмотря на инвалидность, успешно оказывает юридические консультации. «Главной наградой для меня, как юриста, является благодарность граждан за оказанную помощь, но время пришло и для других наград, и это большая честь для меня и организации», — отметил номинант. При вручении наград Татьяна Москалькова сказала: «Есть среди лауреатов и погибший водитель автобуса из Свердловской области Сергей Блохин, который ценой своей жизни подставил под удар кабину, успев открыть дверь и дать команду детям покинуть автобус». Награда была вручена вдове и матери погибшего.

В 2005 году учреждена медаль Фёдора Гааза — ведомственная медаль Федеральной службы исполнения наказаний России (приказ ФСИН России № 25 от 28 февраля 2005 г.). Награждение медалью производится за большой вклад в развитие и совершенствование здравоохранения в уголовно-исполнительной системе; за достижение высоких результатов лечебно-профилактической помощи лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы; за организацию и проведение эффективных мероприятий по обеспечению санитарно-противоэпидемического благополучия лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы; за личный вклад в развитие медицинской науки и образования, подготовку квалифицированных медицинских кадров для уголовно-исполнительной системы; за укрепление международного сотрудничества в области пенитенциарной медицины России. В 2016 году медалью ФСИН награжден В.Р. Кучма, зам. директора ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России, директор НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подрост-

ков, за деятельность по возрождению памяти доктора Гааза — одного из создателей тюремной медицины, и за создание мемориальной комнаты-музея доктора Ф.П. Гааза в бывшей Полицейской больнице.

В 2014 году Всероссийское общество развития школьной и университетской медицины и здоровья (РОШУМЗ) утвердило Медаль имени Ф.П. Гааза, которой награждаются его члены за заслуги в деле охраны здоровья детей и подростков. РОШУМЗ объединяет в своих рядах различных специалистов — школьных врачей, педиатров, гигиенистов, врачей по гигиене детей и подростков, педагогов, психологов, чья деятельность связана с профилактикой и охраной здоровья детей, подростков и молодежи, обучающейся в образовательных организациях.

Самый известный памятник доктору Гаазу (скульптор Н.А. Андреев) был открыт в 1909 году во дворе Полицейской больницы, где он работал, жил и умер (1844–1853 гг.) в Малом Казенном переулке, д. 5, стр. 5. Девиз Гааза «Спешите делать добро» выбит на камне. Сбор пожертвований на памятник был организован доктором С.В. Пучковым, главным врачом больницы с 1906 года.

В 1998 году на собранные пожертвования в родном городе Ф.П. Гааза в Бад-Мюнстрайфеле был установлен памятник, являющийся копией московского памятника 1909 года.

Установлена мемориальная доска в Кёльне на здании, где учился Гааз, с его изображением и девизом «Beeilt euch, gutes zu tun» (Спешите делать добро). Под изображением надпись: «Studierte bis 1802 an der Ecole Centrale in der Marzellenstrasse die facher literature, medizin und naturwissenschaften» (Изучал литературу по медицине и естествознанию в Центральной школе на Марцелленстрассе до 1802 года).

В Подмоскovie, в селе Тишково, где было имение доктора Гааза, которое не сохранилось, есть памятник из черного мрамора с изображением доктора, его известным изречением «Самый верный путь к счастью — не в желании быть счастливым, а в том, чтобы других делать счастливыми» и его девизом «Спешите делать добро». Памятник был открыт на

средства жителей сельского поселения Ельдигинское 2 октября 2010 года в честь 230-летия со дня рождения доктора Гааза. На открытии присутствовали представители миссионерского и тюремного отделов Московской духовной академии и семинарии.

В г. Железноводске в нижней части Каскадной лестницы 28 августа 2019 года установлен бронзовый бюст «святому доктору», первооткрывателю Кавказских Минеральных Вод Фёдору Гаазу. На камнях, которые символизируют горы, нанесена надпись на русском и немецком языках — «Сыну немецкого народа всем сердцем служившего России».

Деятели культуры также вдохновились именем и деятельностью великого филантропа. В музыкальном театре «Геликон-опера» под руководством Дмитрия Бертмана в 2016 году состоялась премьера оперы «Доктор Гааз» (либретто Л.Е. Улицкой, композитор А.Ю. Сергунин).

В Театре документальной пьесы Театр.Дос (Малый Казенный переулок, д 12), продолжающем традиции документальных социальных пьес, поставлен спектакль «Правозащитники». Создан на основе интервью с 12 российскими правозащитниками, среди которых всемирно известные лидеры крупнейших организаций и пока мало кому известные активисты небольших организаций. Их монологи и диалоги, рассказы о своей жизни, работе и тех, кому они каждый день помогают, дополнены в спектакле историями и цитатами о докторе Фёдоре Петровиче Гаазе, которого можно назвать «первым российским правозащитником». Ведь он не только облегчал участь заключенных и каторжан, но был фактически их «правщиком», собирая документы и организуя юридическую помощь им и их семьям.

В честь доктора Гааза названы его именем улицы в городах Ессентуки, Железноводск и Москва.

Афиша оперы «Доктор Гааз»

В честь знаменитого тюремного медика, сделавшего так много для борьбы с болезнями заключенных и облегчения условий их содержания, названо Федеральное государственное лечебно-профилактическое учреждение — «Областная больница имени доктора Ф.П. Гааза» Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

В его честь как доктора, филантропа и благотворителя, уделявшего много внимания заботам о детях в трудной жизненной ситуации, назван Детский онкогематологический центр имени Ф.П. Гааза в г. Перми.

На исторических зданиях больниц, в которых трудился доктор Гааз, размещены памятные таблички с датами его деятельности в них.

В настоящее время имя Фёдора Петровича Гааза носят две школы: гимназия № 58 города Гомеля (Беларусь) и школа при посольстве Германии в Москве (с 1989 г.).

В библиотеке № 16 Департамента культуры Москвы организован «Культурный центр милосердия и толерантности им. Ф.П. Гааза» и выставка, посвященная доктору Гаазу. Проводятся годовичные конференции его памяти.

В честь доктора Гааза в 1914 году был назван городской приют для детей-беспризорников («Приют имени доктора Ф.П. Гааза для малолетних призреваемых Работного дома и Дома трудолюбия»), до революции находившийся в Сокольниках. Одно из зданий этого приюта (улица Олений Вал, 24б) сохранилось до сих пор. Примечательно, что козырьки здания приюта поддерживаются цепями, аналогичными цепям на могиле доктора. В настоящее время часть зданий приюта занимает коррекционная школа для детей с проблемами слуха. Учащиеся этой школы посещали музей-мемориальную комнату доктора Ф.П. Гааза, подготовили на конкурс проект о докторе Гаазе в г. Москве и заняли призовое место.

Гааз сегодня — это и Гаазовский дом гигиены, который является объектом культурного наследия федерального значения. В нем создан музей доктора Ф.П. Гааза. В музее проводятся бесплатные экскурсии волонтерами — научными сотрудниками

ми Института гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России. Он активно посещается студентами медицинских институтов Москвы, любителями истории Москвы, школьниками, православными и католическими общинами, в том числе из Польши, Германии, Венесуэлы. За годы работы музея проведено более 100 экскурсий, которые посетило почти 2000 человек.

В апреле 2019 года Музей совместно с Институтом лингвистики и межкультурной коммуникации Сеченовского Университета принимал участников Международного форума «Doctor as a Humanist». Студенты с успехом выступали в качестве переводчиков во время проведения экскурсий для участников форума.

Глава 9.

Фёдор Петрович Гааз в русской литературе

154

Курганский А.М.

Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Российская Федерация

Доктор Ф.П. Гааз как яркая и известная личность оставил след и в художественной литературе. О нем писали многие известные литераторы, такие как Ф.М. Достоевский, А.И. Герцен, А.И. Солженицын. Свое мнение, правда, негативное, о докторе Гаазе имел и Л.Н. Толстой.

Образ доктора Гааза нашел отражение в личности старика-генерала в романе «Идиот» Фёдора Михайловича Достоевского. «В Москве жил один старик, один «генерал», то есть действительный статский советник, с немецким именем; он всю свою жизнь таскался по острогам и по преступникам; каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьевых горах ее посетит «старичок генерал». Он делал свое дело в высшей степени серьезно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался пред каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никогда никому, звал их всех «голубчиками». Он давал деньги, присылал

Барельеф Ф.П. Гааза
на стене школы в Кёльне

необходимые вещи — портянки, подвертки, холста, приносил иногда душеспасительные книжки и оделял ими каждого грамотного, с полным убеждением, что они будут их дорогой читать и что грамотный прочтет неграмотному. Про преступление он редко расспрашивал, разве выслушивал, если преступник сам начинал говорить. Все преступники у него были на равной ноге, различия не было. Он говорил с ними как с братьями, но они сами стали считать его под конец за отца. Если замечал какую-нибудь ссыльную женщину с ребенком на руках, он подходил, ласкал ребенка, пощелкивал ему пальцами, чтобы тот засмеялся. Так поступал он множество лет, до самой смерти; дошло до того, что его знали по всей России и по всей Сибири, то есть все преступники. Мне рассказывал один бывший в Сибири, что он сам был свидетелем, как самые закоренелые преступники вспоминали про генерала, а между тем, посещая партии, генерал редко мог раздать более двадцати копеек на брата» [1].

Также некоторые исследователи творчества Достоевского полагают, что Фёдор Петрович Гааз был одним из прообразов главного героя романа — князя Мышкина.

У А.И. Герцена в его романе «Былое и думы» имеется такой отрывок о Ф.П. Гаазе: «Доктор Гааз был преоригинальный чудак. Память об этом юродивом и поврежденном не должна заглохнуть в лебеде официальных некрологов, описывающих добродетели первых двух классов, обнаруживающиеся не прежде гниения тела.

Старый, худощавый, восковой старичок, в черном фраке, коротеньких панталонах, в черных шелковых чулках и башмаках с пряжками, казался только что вышедшим из какой-нибудь драмы XVIII столетия. В этом *grand gala* (фр. — *парадный костюм*) похорон и свадеб и в приятном климате 59° северной широты Гааз ездил каждую неделю в этап на Воробьевы горы,

Обложка книги А.Ф. Кони

когда отправляли ссыльных. В качестве доктора тюремных заведений он имел доступ к ним, он ездил их осматривать и всегда привозил с собой корзину всякой всячины, съестных припасов и разных лакомств — грецких орехов, пряников, апельсинов и яблок для женщин. Это возбуждало гнев и негодование благотворительных дам, боящихся благотворением сделать удовольствие, боящихся больше благотворить, чем нужно, чтоб спасти от голодной смерти и трескучих морозов».

Но Гааз был несговорчив и, кротко выслушивая упреки за «глупое баловство преступниц», потирал себе руки и говорил: «Извольте видеть, милостивый сударинь, кусок хлеба, крош им всякой дает, а конфекту или апфельзину долго они не увидят, этого им никто не дает, это я могу консеквировать из ваших слов; потому я и делаю им это удовольствие, что оно долго не повторится».

Гааз жил в больнице. Приходит к нему перед обедом какой-то больной посоветоваться. Гааз осмотрел его и пошел в кабинет что-то прописать. Возвратившись, он не нашел ни больного, ни серебряных приборов, лежавших на столе. Гааз позвал сторожа и спросил, не входил ли кто, кроме больного? Сторож смекнул дело, бросился вон и через минуту возвратился с ложками и пациентом, которого он остановил с помощью другого больничного солдата. Мошенник бросился в ноги доктору и просил помилования. Гааз сконфузился.

— Сходи за квартальным, — сказал он одному из сторожей.
— А ты позови сейчас писаря.

Сторожа, довольные открытием, победой и вообще участием в деле, бросились вон, а Гааз, пользуясь их отсутствием, сказал вору:

— Ты фальшивый человек, ты обманул меня и хотел обокрасть, бог тебя рассудит... а теперь беги скорее в задние ворота, пока солдаты не воротились... Да постой, может, у тебя нет ни гроша, — вот полтинник; но старайся исправить свою душу — от бога не уйдешь, как от будочника!

Тут восстали на Гааза и домочадцы. Но неисправимый доктор толковал свое:

— Воровство — большой порок; но я знаю полицию, я знаю, как они истязают — будут допрашивать, будут сечь; подвер-

гнуть ближнего розгам гораздо больший порок; да и почем знать — может, мой поступок тронет его душу!

Домочадцы качали головой и говорили: «*Er hat einen Raptus*» (нем.: *Он человек с причудами*). Благотворительные, дамы говорили: «*C'est un brave homme, mais ce n'est pas tout a fait en regie la*» (фр.: *Этот человек честный, но тут вот у него не все в порядке*), и указывали на лоб. А Гааз потирал руки и делал свое» [2].

Упоминание доктора Гааза есть у А.И. Солженицына в романе «Архипелаг «ГУЛАГ»», где доктор Гааз упоминается как противоположность врачам, работавшим в сталинских лагерях.

«Тюремный врач — лучший помощник следователя и палача. Избываемый очнется на полу и слышит голос врача: «Можно еще, пульс в норме». После пяти суток холодного карцера врач смотрит на окоченелое голое тело и говорит: «Можно еще». Забили до смерти — он подписывает протокол: смерть от цирроза печени, инфаркта. Срочно зовут к умирающему в камеру — он не спешит. А кто ведет себя иначе — того при нашей тюрьме не держат. Доктор Ф. П. Гааз у нас бы не приработался» [3].

У такого человека, как Ф.П. Гааз, были и свои критики. Уже после его смерти Л.Н. Толстой будет гневно восклицать, если вдруг речь в разговоре о благодетелях пойдет о докторе Гаазе. Придерживавшийся идеологии ненасильственного неповиновения власти, Толстой не хотел слышать о Гаазе потому, что доктор позволил себе встроиться в систему комитетов, институтов и тюрем, а не просто помогал заключенным и каторжанам во время этапа. Но много ли простой врач сделал бы, не имея поддержки в виде первых лиц государства? Важно отметить, что за принцип непротivления злу насилем и создание собственного учения Л.Н. Толстой был отлучен от Православной церкви, что говорит о том, что его позиции, с которых он критиковал Ф.П. Гааза, в большей мере являются очень спорными.

В 1894 году был опубликован «Рассказ старшего садовника» А.П. Чехова. В образе героя рассказа доктора нашли отражение некоторые черты Фёдора Петровича Гааза. «Он пренебрегал зноем и холодом, презирал голод и жажду. Денег не брал, и, странное дело, когда у него умирал пациент, то он шел вместе с родственниками за гробом и плакал.

И скоро он стал для города так необходим, что жители удивлялись, как это они могли ранее обходиться без этого человека. Их признательность не имела границ. Взрослые и дети, добрые и злые, честные и мошенники — одним словом, все уважали его и знали ему цену. В городке и в его окрестностях не было человека, который позволил бы себе не только сделать ему что-нибудь неприятное, но даже подумать об этом. Выходя из своей квартиры, он никогда не запирает дверей и окон, в полной уверенности, что нет такого вора, который решился бы обидеть его. Часто ему приходилось, по долгу врача, ходить по большим дорогам, через леса и горы, где во множестве бродили голодные бродяги, но он чувствовал себя в полной безопасности. Однажды ночью он возвращался от больного, и на него напали в лесу разбойники, но, узнав его, они почтительно сняли перед ним шляпы и спросили, не хочет ли он есть. Когда он сказал, что он сыт, они дали ему теплый плащ и проводили его до самого города, счастливые, что судьба послала им случай хотя чем-нибудь отблагодарить великодушного человека. Ну, далее, понятное дело, бабушка рассказывала, что даже лошади, коровы и собаки знали его и при встрече с ним изъясляли радость».

Образ самого садовника также напоминает Гааза. «Укладкой растений распоряжался сам садовник, Михаил Карлович, почтенный старик, с полным бритым лицом, в меховой жилетке, без сюртука. Он все время молчал, но прислушивался к нашему разговору и ждал, не скажем ли мы чего-нибудь новенького. Это был умный, очень добрый, всеми уважаемый человек. Все почему-то считали его немцем, хотя по отцу он был швед, по матери русский и ходил в православную церковь. Он знал по-русски, по-шведски и по-немецки, много читал на этих языках, и нельзя было доставить ему большего удовольствия, как дать почитать какую-нибудь новую книжку или поговорить с ним, например, об Ибсене.

Были у него слабости, но невинные; так, он называл себя старшим садовником, хотя младших не было; выражение лица у него было необыкновенно важное и надменное; он не допускал противоречий и любил, чтобы его слушали серьезно и со вниманием». [4].

О Гаазе Чехов неоднократно вспоминал во время и после своего путешествия на «кандалный остров» Сахалин, где он воочию встретился с жизнью и смертью каторжан и услышал немало преданий о «святом докторе» [5]. А.Ф. Кони писал о А.П. Чехове и его книге: «Он предпринял с целью изучения этой колонизации на месте тяжелое путешествие, сопряженное с массой испытаний, тревог и опасностей, отразившихся губительно на его здоровье. В ней за строгой формой и деловитостью тона, за множеством фактических и цифровых данных чувствуется опечаленное и негодующее сердце писателя» [6].

По данным Л.З. Копелева, Максим Горький писал А.Ф. Кони в ноябре 1899 года, прося его приехать в Нижний Новгород с лекциями: «...о Гаазе нужно читать всюду, о нем всем нужно знать, ибо это святой, более святой, чем Феодосий Черниговский. <...> Необходимо говорить о Гаазе живым, в плоть и кровь облеченным словом». И позднее Горький писал о «силе сострадания, создающей <...> такие характеры, как прославленный доктор Гааз, живший в тяжелую эпоху царя Николая Первого» [7, 8].

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Идиот. М.: АСТ, 2010. 621 с.
2. *Герцен А.И.* Былое и думы. М.: Детская литература, 1972. 576 с.
3. *Солженицын А.И.* Архипелаг Гулаг. М.: Время, 2010. 543 с.
4. *Чехов А.П.* Собр. соч. в 12 т. Т. 8. М.: Правда, 1985. 432 с.
5. *Чехов А.П.* Остров Сахалин (Из путевых записок). М.: Издание редакции журнала «Русская мысль», 1895.
6. *Кони А.Ф.* Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., 1959. С. 342–347.
7. *Копелев Л.* Святой доктор Фёдор Петрович Гааз. СПб.: Петро-РИФ, 1993. 190 с.
8. *Горький М.* Собрание сочинений. Т. 28. М., 1954. С. 97–98.

Глава 10.

Мемориальная комната-музей доктора Ф.П. Газа

160

*Кучма В.Р., Шубочкина Е.И., Курганский А.М.,
Александрова И.Э., Барсукова Н.К., Поленова М.А.*

Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Российская Федерация

Мемориальная комната-музей Ф.П. Газа, расположенная в здании бывшей Полицейской (Гаазовской) больницы, где он работал и жил с 1844 года до своей смерти в 1853 году, имеет три помещения: холл, собственно мемориальную комнату доктора Газа и Гаазовский зал, в котором расположена основная часть экспозиции музея.

В холле второго этажа, где ожидали доктора, бывали обычные и самые именитые его посетители, такие как князь Дмитрий Владимирович Голицын, Митрополит Московский

Стол Ф.П. Газа в мемориальной комнате-музее в Малом Казенном, дом 5

и Коломенский Филарет (Дроздов), профессор Александр Иванович Поль. С ними Гааз также тесно общался в Московском тюремном комитете.

Князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844) — военный деятель Наполеоновских войн (генерал от кавалерии), в течение четверти века осуществлял управление Москвой (1820–1844) в должности военного генерал-губернатора, просвященный и либеральный человек, возглавлял Московский тюремный комитет, поддерживал многие начинания доктора Гааза.

Филарет — Митрополит Московский и Коломенский (Дроздов) — (1783–1867), с 1826 — епископ Православной Российской церкви, Действительный член Российской Академии (1818), почетный член (1827–1841) Императорской академии наук и впоследствии ординарный академик (1841) по Отделению русского языка и словесности. Член Московского тюремного комитета.

Александр Иванович Поль (1794–1864) — друг, соратник и душеприказчик доктора Гааза, русский хирург, один из пионеров применения хлороформенного наркоза, первопроходец ряда сложнейших операций, активный поборник внедрения антисептических средств в хирургическую практику, действительный статский советник, профессор Московской медико-хирургической академии и Московского университета.

Пётр Михайлович Капцевич (1772–1840) — генерал от инфантерии, генерал от артиллерии. Участвовал в Отечественной войне 1812 года и последующих кампаниях, где показал себя умелым и мужественным военачальником. За отличия в обороне Смоленска награжден орденом Святого Владимира 2-й степени, награжден орденом Св. Георгия 2-го класса и шведским орденом Военного Меча 2-й степени. Командир Отдельного корпуса внутренней стражи (1828–1840), который сопротивлялся нововведениям доктора Гааза по облегчению условий этапирования заключенных (кандалы, цепи вместо прута и др.), из-за боязни побегов каторжан.

В мемориальной комнате доктора Гааза раритетом является двухтумбовый письменный стол красного дерева, обтянутый зе-

ленным сукном, с тремя верхними выдвигаемыми ящиками и двумя боковыми открывающимися дверцами. На столе находятся предметы, описанные в завещании или в воспоминаниях близких людей: бюст Сократа, антикварная карманная книга «Блаженный Августин. Исповедь», копия письма Газа и его первая полученная в России награда — орден Святого Владимира 4-й степени (макет).

162

В мемориальной комнате находится копия картины фламандского живописца Антониса ван Дейка, созданная при участии анималиста Паувеля де Воса «Отдых на пути в Египет» (нидерл. *Rust op de Vlucht naar Egypte*), или «Мадонна с куропатками» (1632 г.). Была заказана в Эрмитаже, где она находится в экспозиции. Подарена Гаазу во время его болезни почетным гражданином Фёдором Егоровичем Уваровым и завещана храму, в котором Гааз был прихожанином (церковь Петра и Павла в Милютинском переулке).

В Гаазовском зале представлены материалы о родине Фридриха Иозефа Хааса (Фёдора Петровича Газа): виды маленького городка Бад-Мюнстерайфель и дома, где он родился в 1780 году в многодетной семье аптекаря; католической школы в Кёльне, которую он закончил, и двух университетов — Йенский университет (Германия), где он прослушал курсы физики и философии, и Гёттингенский университет (Германия, Вена), где он

получил медицинское образование. Его учителями, с которыми он поддерживал связь в течение длительного времени, были философ Шеллинг, профессора Гимли и Адам Шмидт.

Участие доктора Гааза в борьбе с эпидемией холеры в Москве (1830 г.) совпадает по времени с болдинской осенью А.С. Пушкина, который по этой причине был разлучен со своей невестой Натальей Гончаровой. В музее представлен бюст Пушкина и редкая книга «Пушкин и медицина его времени» (1989 г.), автор профессор С.М. Громбах, известный пушкинист, который много лет был заместителем директора НИИ гигиены детей и подростков по научной работе.

Ф.П. Гааз — автор знаменитой книги «Мое путешествие на Александровские воды в 1809 и 1810 гг.», не потерявшей и своего значения для курортологии и в наше время. Книга написана на французском языке, тираж книги сгорел во времена московских пожаров 1812 года, осталось три экземпляра, и один оказался в Ростовском медицинском институте. В музее имеется уникальный оцифрованный экземпляр на французском языке и книга, переведенная на русский язык (1989 г.)

За свои успехи в Павловской больнице и путешествиях на Кавказские Минеральные Воды, столь плодотворных, Фёдор Петрович был удостоен чина надворного советника и награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. С этим орденом-крестом Гааз никогда не расставался, гордился им.

Во время Отечественной войны 1812 года Гааз был военным врачом-хирургом в действующей армии, дошел до Парижа. В Гаазовском зале мемориальной комнаты-музея представлены уникальные медицинские хирургические инструменты того времени — металлическая пила, пинцеты, зажимы. Раритетом является антикварная книга «Военная гигиена» на французском языке, изданная в 1803 году. Можно полагать, что медикам того времени, в том числе и Ф.П. Гаазу, она была необходима, чтобы избежать всевозможных болезней и осложнений в полевых условиях, в которых приходилось воевать, оказывать помощь раненым при отсутствии современных антисептиков и обезболивающих средств. Представлен также макет ордена Св. Анны II степени, которым Гааз был награжден за службу.

Уникальные медицинские хирургические инструменты
времен войны 1812 года

Выйдя по окончании войны в отставку, он возвратился к себе на родину, где застал всю семью у постели умирающего отца. Пребывание на родине было недолгим — Гааза неудержимо тянуло в страну, где он уже начал работать на общую пользу. Он вернулся в Россию — и уже до конца жизни не покидал ее. Овладев в совершенстве русским языком, он слился душою с русским народом, поняв и полюбив его.

Гааз всегда отказывался от писания своих портретов, что неоднократно ему предлагали его друзья. Есть только один, выполненный художником Николаем Кунилакисом без разрешения доктора, тайком. Копия этого портрета Гааза имеется в экспозиции.

Большое место занимают в экспозиции наиболее ценные, подаренные музею книги, посвященные Гаазу. В их числе: А.Ф. Кони «Фёдоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ». Съ портретомъ. Второе издание. С.-Петербург. Издание А.Ф. Маркса, 1900; «Записки о жизни и времени святителя Филарета, Митрополита Московскаго». Составлены Н.В. Сушковымъ. Съ фотографическимъ портретомъ». Москва: Типографія А.И. Мамонтова, 1868; «Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе». М.: Древо Добра, 2002; Лев Копелев «Святой

Посетители музея Ф.П. Гааза

доктор Фёдор Петрович» с автографом автора; *IL Santo Medico di Mosca Friedrich Joseph Haass vita e scritti a cura di Germane Marani SJ*, Torino: Sanpaolo; 2006.

В музейной экспозиции имеется фотокопия иконы «Святитель Филарет Московский в житии», выполненная иконописцем Андреем Николаевичем Акимовым (1959–2019). Икона находится в Свято-Филаретовском православно-христианском институте. В музее представлен выполненный автором-иконописцем фрагмент (клеймо житийной иконы) «Святитель Филарет митрополит Московский и доктор Гааз».

Важной вехой в жизни Ф.П. Гааза была его встреча в Бутырском тюремном замке с заключенным, прикованным к стене цепью с металлическим ошейником. Такая жестокость поразила Гааза. Вторая гипотеза перемены жизни может быть связана с тем, что он был безответно влюблен в жену своего друга, с которым прошел войну 1812 года, ставшего декабристом. Провожая их в сибирскую ссылку в 1826 году, был этим фактом потрясен. Все это повлияло на его взгляды, и после этих событий жизнь Гааза изменилась, он посвятил ее улучшению участи самых обездоленных: заключенных и каторжан. В крупных городах, прежде всего в Петербурге и Москве, стали создаваться тюремные попечительские комитеты, в задачу

которых входило наведение порядка в сложном тюремном хозяйстве и хоть какое-то облегчение участи несчастных заключенных. В состав московского комитета по настоянию губернатора князя Д.В. Голицына вошел Фёдор Петрович Гааз, став главным врачом московских тюрем.

Служение доктора Гааза как тюремного врача и попечение об осужденных отражено в рисунках Е.П. Самокиш-Судковской³⁶, выполненных к очерку А.Ф. Кони. В Гаазовском зале рисунки расположены в виде символического креста.

Дополняют эту экспозицию подлинные кандалы с Тверского этапа с цепью, облегчения которых добивался Гааз, медные и серебряные монеты того времени. Фигурка врача, вылепленная из хлеба — современная поделка заключенного. В экспозиции представлена медаль Фёдора Гааза ФСИН России, которой награждаются врачи службы исполнения наказаний за достойную работу по сохранению здоровья заключенных.

История Полицейской больницы после смерти ее главного врача доктора Гааза представлена копией книги С.В. Пучкова «К характеристике доктора Гааза» (1910 г.), главного врача Александровской (бывш. Полицейской) больницы, передавшего А.Ф. Кони³⁷ много архивных документов для его книги. Имеется подлинник книги А.Ф. Кони «Фёдор Петрович Гааз» (4 изд.) с дарственной надписью автора доктору Синёву — «Последнему главному врачу Гаазовской больницы».

Книги, подаренные Музеем истории гигиены труда и профпатологии НИИ медицины труда и профпатологии им. Н.Ф. Измерова (бывш. Институт по изучению профессиональ-

³⁶ Елена Петровна Самокиш-Судковская (урожденная Бенард), (1863–1924, Санкт-Петербург) — лютеранского вероисповедания, русская художница, иллюстратор. Выпускница Павловского института (Петербург), обучалась в Гельсингфорской художественной школе в Финляндии, брала уроки живописи у профессора В.П. Верещагина. Е.П. Самокиш-Судковская широко известна выполненными иллюстрациями к сказке П. Ершова «Конек-Горбунок» (1902) и роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1911).

³⁷ Анатолий Фёдорович Кони (28 января 1844 – 17 сентября 1927, Санкт-Петербург) — известный российский юрист, судья, государственный и общественный деятель, сенатор, литератор, написавший знаменитый биографический очерк «Фёдор Петрович Гааз». В 1902 г. — номинант на Нобелевскую премию по литературе за эту книгу.

ных болезней имени В.А. Обуха), занимавшим здание Полицейской больницы с 1925 года, отражают работу института в эти годы: «Московская рабочая молодежь» (Куркин П.И. Вып. 2. М., 1925); «Охрана детского труда» под ред. С.И. Каплуна (из личной библиотеки академика А.А. Летавета; перевод с немецкого, 1924); Труды Института по изучению проф. заболеваний им. В.А. Обуха: «Оздоровление труда и революционная борьба. Рабочий подросток и выбор профессии» (1929); «Гигиена труда подростка при производственном процессе» (Хоцянов Л.К. Наркомздрав. М.: Медгиз СССР, 1945).

С 1959 года по настоящее время в здании бывшей Полицейской больницы располагается НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России (бывший НИИ гигиены детей и подростков АМН СССР). Любимые слова доктора Ф.П. Гааза «Спешите делать добро», высеченные на пьедестале его памятника, продолжают жить в делах института.

Первые труды и диссертационные исследования отражают деятельность Института в годы его становления: «Гигиена труда подростков» (И.А. Арнольди, 1964); автореферат на соискание степени кандидата медицинских наук «Тепловое состояние детей дошкольного возраста как критерий оценки теплозащитных свойств зимней одежды» (Г.В. Терентьева, М., 1965); автореферат на соискание степени доктора биологических наук «Принципы оценки состояния организма и его регулирования при трудовых процессах у школьника» (П.И. Гуменер, М., 1968).

Медаль Ф.П. Гааза «Спешите делать добро» за заслуги в гигиене и охране здоровья детей и подростков, утвержденная в 2014 году Всероссийским обществом школьной и университетской медицины (РОШУМЗ) вручается ученым и медицинским работникам образовательных организаций.

Спеша делать добро, сотрудники Института следят за тем, чтобы игрушки и товары детского ассортимента (соски, бутылочки, подгузники, детская одежда и т.д.) не содержали вредных примесей и были безопасны для детей. Лаборатория Института аккредитована в системе Росаккредитации и явля-

ется третьей независимой стороной, доказывающей, что продукция соответствует конкретному стандарту. Исследования показывают, что каждая третья игрушка содержит такие вредные примеси, как формальдегид, фенолы, бензол, толуол, метанол. Очень часто такие показатели безопасности предметов детской одежды как гигроскопичность и воздухопроницаемость не соответствуют установленным требованиям. В экспозиции музея представлены образцы исследованных на безопасность товаров детского ассортимента. В двух стеклянных шкафах представлены «плохие и хорошие» товары, предназначенные для детей.

Послание Ф.П. Газа «Спешите делать добро» стало девизом сотрудников Института и во многих других начинаниях. С 1998 года Институт по поручению Министерства здравоохранения Российской Федерации стал национальным центром поддержки Сети школ, содействующих укреплению здоровья, которая входит в аналогичную сеть в странах Европы.

Достаточно быстро российский центр накопил научный, методический и организационный опыт как на уровне страны, так и в отдельных образовательных организациях. В 2014 году по инициативе Исполнительного комитета Европейской сети школ здоровья на базе Научного центра здоровья детей организуется Московский филиал Европейской сети школ здоровья для стран Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА). Сотрудники Института стремились передать свой опыт коллегам из стран ВЕЦА: начались страновые визиты, семинары-совещания национальных координаторов стран ВЕЦА. В 2016 году проект развития сети школ здоровья в странах ВЕЦА получил поддержку не только в Минздраве России, но и в Минфине России, и Европейском региональном бюро ВОЗ. В экспозиции музея есть ковер — дерево здоровья, подаренный детьми одной из школ здоровья г. Баку во время странового визита в Азербайджан по программе развития школ здоровья в странах ВЕЦА.

Фото праздников «У доброго дедушки Газа», которые с 2009 года проводятся каждую осень, показаны на стенде музея. Он стали символом памяти Великого гуманиста

и филантропа и продолжением его традиций любви к детям. На праздники приглашаются дети из окрестных школ, из многодетных семей, кадетских школ, немецкой школы им. Ф.П. Гааза при Посольстве ФРГ и других образовательных организаций.

Личность доктора Гааза привлекает внимание не только врачей, специалистов ФСИН России, но и деятелей культуры. 16 апреля 2016 года в Московском музыкальном театре «Геликон-опера» (художественный руководитель Дмитрий Бертман) состоялась мировая премьера оперы А.Ю. Сергунина «Доктор Гааз» (либретто Л.Е. Улицкой). В 2018 году в стенах Института состоялось концертное исполнение основных сцен оперы «Доктор Гааз».

Память о святом докторе Гаазе продолжает жить в сердцах как россиян, так и граждан других государств, и в музей продолжают поступать новые экспонаты, за что мы чрезвычайно признательны дарителям и коллекционерам.

Основные фонды и дарители Мемориальной комнаты-музея доктора Ф.П. Газа

Батюкина В.А., Шубочкина Е.И.

Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России, Москва, Российская Федерация

Дарители Мемориальной комнаты-музея доктора Ф.П. Газа

1. Бадейкин Андрей Михайлович.
2. Бесстрашная Нина Андреевна, кандидат медицинских наук.
3. Вернер Артур, доктор медицины, клиническая сеть ХЕЛИ-ОС Крефельд, Германия.
4. Всероссийское общество развития школьной и университетской медицины и здоровья (президент — Кучма Владислав Ремирович, член-корреспондент РАН; исполнительный директор — Мовшин Юрий Германович).
5. Глинский С.А.
6. Господникова Лариса Леонидовна.
7. Долинский Евгений Михайлович, издатель, член культурного центра «Дом Друзей Ф.М. Достоевского».
8. Джермано Марани — католический священник, постулятор процесса беатификации (Ватикан, Италия).

9. Карапетьянц И.А.
10. Кленова Н.И., краевед.
11. Лихачев Андрей Николаевич, директор Общественного благотворительного фонда им. доктора Ф.П. Гааза.
12. Махарадзе Марианна Павловна.
13. Миннибаев Талгат Шайдуллинович, доктор медицинских наук, профессор.
14. Моисеева Ирина.
15. Московский областной научно-исследовательский клинический институт (руководитель электронной библиотеки — Лобанов Александр Юрьевич, кандидат медицинских наук).
16. Музей истории гигиены труда и профпатологии НИИ медицины труда имени академика Н.Ф. Измерова (директор музея — Шиган Евгений Евгеньевич, кандидат медицинских наук).
17. Музей «Огни Москвы» (директор — Потапова Наталья Владимировна).
18. Нежный Александр Иосифович, писатель, журналист, публицист.
19. Озолия Марианна Рудольфовна, внучка главного врача Гаазовской больницы А.И. Синёва (Латвия).
20. Ростовский государственный медицинский университет (Дронов Иван Савельевич, доктор медицинских наук, профессор, Отличник здравоохранения).
21. Салицкая М.Б.
22. Федеральная служба исполнения наказаний (директор ФСИН России — Г.А. Корниенко).
23. Цуканов Павел Дмитриевич, филокартист.
24. Шубочкина Евгения Ивановна, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России, Отличник здравоохранения России.
25. Щемелева Нина Фёдоровна, руководитель Московского клуба друзей Ф.П. Гааза, член попечительского совета музея Гааза.

Основной (экспозиционный) фонд музейных предметов

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
1	Письменный стол	Антикварный, двухтумбовый, зеленое сукно, с тремя верхними выдвигаемыми ящиками и двумя боковыми открывающимися дверцами, ручки металлические, красное дерево, покрыт черным лаком
2	Кресло	Антикварное, красное дерево, спинка обшита черной состаренной кожей
3	Подсвечник	Антикварный, бронза, подставка черный мрамор (2 шт.)
4	Чернильница	Антикварная, хрустальная, с бронзовой крышкой на черной мраморной подставке
5	Подстаканник	Металл
6	Бюст древнегреческого философа Сократа	Полимерный материал, разновидность искусственного камня
7	Весы аптекарские «Пав.Рааше въ Ригъ». «Балтийский заводъ весовъ гирь и мъръ»	Антикварные, Россия, Рига, Механическое заведение П. Рааше, конец XIX века, металл. Весы являются сборно-разборными, в комплекте: весовые чашки — 2 шт., лоток, металлические гирьки — 5 шт., набор разновесов — 8 шт.
8	Лорнет складной	Антикварный, оправа белого металла, зафиксированная на рукоятке, одна линза
9	Увеличительный складной прибор в футляре	Антикварный, латунь, стекло
10	Короб-футляр с набором лекарств. «Старо-Никольская аптека В.К. Феррейнь»	Антикварный, в футляре 9 коробочек с травами, 6 пузырьков с лекарствами.
11	Ступа с пестом	Бронза
12	Крест ордена Св. Владимира 4-й степени	Макет-копия ордена Св. Владимира 4-й степени. Награда доктора Гааза по ходатайству императрицы Марии Фёдоровны
13	Крест-распятие	Металл, дерево
14	Щипцы для снятия нагара со свечей	Антикварные, металл
15	Копия картины А. ван Дейка «Отдых по пути в Египет»	Фотопечать. Картина упоминается в завещании Ф.П. Гааза

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
16	Подставка под цветы	Дерево, столик на высоких ножках с восьмигранной крышкой
17	Подставка под цветы	Дерево, столик на трех высоких ножках
18	Стул	Антикварный, дерево, реставрация 2016 г.
19	Салфетка тканевая	Антикварная, бордовый состаренный бархат с вышивкой и позолоченной бахромой
20	Подсвечник	Антикварный, бронза (2 шт.)
21	Свеча	Старинная восковая свеча
22	Подставка под масляную лампу	Каслинское литье
23	Die Bekenntnisse des Heiligen AUGSTINUS. Munhen; 1822. 184 с.	Антикварная, карманная книга «Блаженный Августин. Исповедь». Картонный переплет, размер 10,5×17 см
24	LA Morale. En action. PARIS; 1823. 307 р.	Антикварная, карманная книга о морали. Картонный переплет, размер 8,5×14 см
25	Шкаф для посуды	Красное дерево
26	Чайная пара	Антикварная, фарфор. Клеймо 1846 г. Французская фабрика Sevres
27	Блюдо	Антикварное, фарфор, клеймо Austria (Австрия), 27 см
28	Столовая посуда: тарелка	Фаянс, круглая плоская тарелка, клеймо «Товарищество М.С. Кузнецова»
29	Столовая посуда: тарелка	Фаянс, круглая, плоская, 21 см, с волнистым краем с зеленой окантовкой 1,5 мм
30	Столовая посуда: тарелка	Фарфор, прямоугольная
31	Столовая посуда: тарелка	Антикварная, белый фарфор, тарелка круглая, 25 см, с синим ободком, клеймо фабрики «Гарднеръ» в Москве.
32	Столовая посуда: тарелка	Фарфор, круглая с волнистым краем, клеймо «Товарищество М.С. Кузнецова» в Твери
33	Столовая посуда: соусница с подставкой	Антикварная, белый фарфор, клеймо фабрики «Гарднеръ» в Москве.
34	Кофемолка	Металл, Германия
35	Ложка	Чайная, десертная, серебро (2 шт.)
36	Ложка	Столовая, накладное серебро
37	Вилка столовая	Накладное серебро (2 шт.)

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
38	Вилка столовая	Антикварная, накладное серебро, клеймо «Fraget» известной фабрики братьев Иосифа и Альфонса Фраже в Варшаве.
39	Щипцы для колки сахара	Антикварные, инструментальная хромированная сталь, атрибут чайной традиции
40	Шкатулка	Антикварная, прессованное стекло, клеймо «Т-во ВАСИЛИЙ ПЕВЛОВЪ съ С»
41	Пушкин и медицина его времени. С.М. Громбах. М.: Медицина, 1989	Книга, формат бумаги 70×100, печать офсетная
42	Карта мест в Москве, связанных с Ф.П. Гаазом	Фотопечать
43	Revolat E.B. Nouvelle Hygiene militaire, ou precepts. 1803. 304 p.	Антикварная, книга о военной гигиене, картонный переплет
44	Больница имени проф. А.И. Бабухина бывш. Старо-Екатерининская в Москве 1776–1926. М.: Изд-во Мосздравотдела, 1929. 435 с.	Антикварная, юбилейный сборник составлен из статей сотрудников бывшей Старо-Екатерининской городской больницы
45	Орден Св. Анны II степени. Орден святой Анны II степени был учрежден сыном Павла I — императором Александром I	Макет, крест, с обеих сторон покрытый красной финифтью, имеет расширение на краях, по краям креста находится золотая канва
46	Аптекарская бутылочка с гербом	Стекло коричневое прозрачное, пробка — дерево. Клеймо — Герб Царской России (двуглавый орел), надпись: «Аптека pharmacie», маркировка на дне 2/60. XIX век
47	Аптекарская бутылочка с гербом	Стекло белое, прозрачное. Клеймо — Герб Царской России (двуглавый орел), надпись: «Аптека pharmacie», XIX век
48	Аптекарская бутылочка с гербом	Стекло зеленоватого цвета. Клеймо — Герб Царской России (двуглавый орел), надпись: «Аптека pharmacie», 30 мл. XIX век
49	Оловянная ложка	Образец ложки военного времени 1812 г.
50	Хирургическая пила	Антикварная, нержавеющей сталь
51	Хирургический зажим	Корцанг (прямой), нержавеющей сталь

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
52	Хирургический зажим	С петлей, нержавеющая сталь
53	Очки-пенсне в футляре	Антикварные, кожаный футляр
54	MA VISITE AUX EAUX D'ALEXANDRE EN 1809 ET 1810, PAR LE DOCTEUR FREDERIC — JOSEPH DE HAAS, MOSCOU, DE L'IMPRIMERIE DE N. S. VSEVOLOJSKY, 1811.	Книга, репринтное издание, картонный переплет. Ф.П. Гааз. Мое путешествие на Александровские воды. Москва, 1811. 364 с., на французском языке
55	Фотография. Окрестности Кисловодска. Водопад	Черно-белая печать
56	Фотография. Пятигорск, общий вид на г. Машук с Горячей горы	Черно-белая печать
57	Фотография. Железноводск	Черно-белая печать
58	Доктор Гааз. Ставропольское книжное издательство, 1989. 350 с.	Книга. Современное переиздание, перевод с французского. 1-я часть книги «Мое путешествие на Александровские воды», 2-я часть книги посвящена Фёдору Петровичу Гаазу. Составитель Ю.Г. Куликов, предисловие кандидата медицинских и философских наук Л.В. Жарова и Т.Л. Черноситовой. Перевод с французского Т.Л. Черноситовой. Рецензент: член-корреспондент АМН СССР, профессор П.П. Коваленко. Художник М.Г. Цветова
59	Meine Reise zu den Alexanderguellen in den Jahren 1809 und 1810 Dr. F.J. Hass als Arzt und Natuforsher im nordlichen Kaukasus. Aus dem Franzosischen ubersetzt und bearbeitet von Dietrich M. Mathias. Shaker Verlag Aachen; 2005	Книга на немецком языке. Мое путешествие на Александровские воды 1809–1810 г. Доктор Фридрих Йозеф Хаас — врач и натуралист на северном Кавказе. 198 с. Картонный переплет
60	Бутылка для минеральных вод	Стекло белое, прозрачное. Завод искусств. мин. воды П. Ланина в г. Москве, объем 0,3 л. Ланин П. основал завод искусственных и минеральных вод в 1852 г.

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
61	Кавказские минеральные воды. Москва: Издание Овчинников А., 1956. 76 с.	Альбом видов курортов Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, Железноводск. Оформление художника С. Телингатера, фото Я. Халипа, С. Заболотского и др. Москва: Типография «Искра Революции». Мягкий переплет, размер 21,5×29,5 см
62	Кавказские минеральные воды. М.Г. Актитасов, А.С. Вишневский. Ставрополь: Краевое книжное издательство, 1949. 300 с.	Книга, написанная доцентом М.Г. Актитасом и профессором А.С. Вишневым, подробно знакомит читателей с нашими курортами. Редактор З.М. Луденский, художник А.С. Свищев. Картонный переплет, размер 12×15 см
63	Кавказские минеральные воды: справочник-путеводитель / Э.В. Стативкин. Пятигорск: Вестник Кавказа, 2004. 160 с.; ил.	Книга посвящена одному из популярных курортных и туристических районов России. В путеводителе содержатся различные справочные сведения, легенды и мифы народов Северного Кавказа. Картонный переплет, размер 22×25 см
64	Кавказские минеральные воды. Н.И. Шейко, Н.В. Маньшина, автор идеи и проекта С.М. Бурьгин. Москва: Изд. «Вече», 2011. 304 с.	Книга-исторический путеводитель. Картонный переплет, размер 13,2×20,5 см
65	Памятная медаль «200 лет со дня рождения Ф.П. Газа». Медальер Г.А. Фёдорова. D-60 мм 1981ЛМД	Металл. Овальной формы, на лицевой стороне награды изображен погрудный бюст Ф.П. Газа, на тыльной стороне награды расположена фраза «СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО». Каждый рисунок и надпись на награде являются выпуклыми, края медали окаймляются бортиком
66	Азбука Христианского благонравия. Ф.П. Газ. М.: Истина и жизнь, 2001. 68 с. Редактор-составитель Юрий Гнедков, церковный консультант О. Ежи Ягодзинский SVD	Брошюра об оставлении бранных и укориженных слов и вообще неприличных на счет ближнего выражения, или о начатках любви к ближним. Карманный формат в современном издании. Мягкий переплет, размер 11,2×16,8 см
67	Призывъ къ женщинамъ. Спешите делать добро. Доктор Ф. Газ. Переводъ съ французскаго Л.П. Никифорова. МОО «Союз православныхъ женщинъ», 2013. 110 с., ил.	Брошюра. Карманный формат. Издание второе, полностью соответствует оригиналу 1897 г., без изменений, дополнено 2-й частью «Спешите делать добро». Мягкий переплет, размер 10×16,5 см

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
68	Завещание Ф.П. Гааза // Русский архив. 1912. № 6. С. 2006–2011.	Ксерокопия текста. Завещание Ф.П. Гааза, бумага, формат А-4
69	Икона Житие Святого Филарета	Копия. В рамке. Художник-иконописец А.Н. Акимов
70	Икона Свт. Филарет и доктор Ф.П. Гааз	Авторская копия. Художник-иконописец А.Н. Акимов Деревянная доска, масло
71	Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. Составлены Н.В. Сушковымъ. Съ фотографическимъ портретомъ. Москва: Типография А.И. Мамонтова, Большая Дмитровка, д. № 7. 1868. 164 с.	Антикварная книга, ветхая. Картонный переплет. Размер 18×26,5 см
72	Картонная коробочка с диапозитивными пластинками	Коробочка 9×6. 1939 г. Фабрика Сифа Покорнаго. Стекланные пластинки с изображениями, 8,5×8,5 см, 8 шт.
73	Шприц дорожный	Нержавеющая сталь
74	Шпатель	Нержавеющая сталь
75	DOKTOR HAASS. Karin von Berg. Oberstudierendirektorin Leiterin der DS Moskau. Mars; 2011	Альбом. Мягкий переплет, обложка бордового цвета, размер 35×24 см, 14 листов
76	Очки-пенсне в футляре	Антикварные, состаренная кожа
77	Термометр	Антикварный. Дорожный, ртутный, в футляре
78	Немецкая почтовая марка «Доктор из Москвы», посвященная 200-летию со дня рождения Ф.П. Гааза, 1980 г.	Цветная с оттиском печати, размер 2,5×3 см
79	Фёдоръ Петровичъ Гаазъ. А.Ф. Кони. Биографическій очерк. Съ портретомъ. Второе издание С.-Петербург. Издание А.Ф. Маркса, 1900. 174 с.	Книга. Раритет. Картонный переплет, размер 14,5×21 см

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
80	Врата милосердия. Книга о докторе ГАЗЕ. М.: Древо Добра, 2002. 544 с.	Картонный переплет, размер 17×24,5 см
81	Nimbus. Повесть о докторе Гаазе / А. Нежный — М.: Центр Книги Рудомино, 2012. 480 с.: ил.	Книга о событиях истории последних дней жизни Ф.П. Гаазы. Картонный переплет, 14,3×21,9 см
82	Торопитесь делать добро. Фролов В.А. М.: Российск. Гос. гуманитар. ун-т, 1995. 167 с.	Мягкий переплет, размер 12,5×19,8 см
83	Святой доктор Фёдор Петрович. Печатается по изданию: Лев Копелев Святой доктор Фёдор Петрович. Overseas Pulications Interchange Ltd London; 1985. Издательство ПЕТРО-РИФ. г. Санкт-Петербург, 1993. 192 с.	Книга написана в России в 1976–1980 гг. Позднее, знакомясь с архивами и работами немецких исследователей, автор исправил и дополнил некоторые разделы и написал послесловие. С автографом Копелева. Картонный переплет, размер 14,5×21 см
84	Hamm Von Dr Anton, Gerd Teschke Ein Deutscher Arzt als 'Heiliger' in Moskau, Werstkreus-Verlag; 1979. 136 p.	Книга. Немецкий врач как «Святой» в г. Москве. Доктор Антон Хамм, Герд Teschke. Картонный переплет
85	Der heilige Doctor Fjodor Petrovich Die Geschichte des Friedrich Joseph Haass — Bad Munstereifel 1780 – Moskau 1853 erzahlt von Lew Kopelew mit einem Vorwort von Heinrich Boll. Hamburg: Homann und Campe; 1984. 231 p.	Книга о докторе Фридрихе Иосифе Хаазе. Лев Копелев с предисловием Генриха Бола. Бад-Мюнстерайфель. 1780–1853. Москва. Картонный переплет
86	ILSanto Medico di Mosca Friedrich Joseph Haass vita e scritti a cura di Germane Marani sj. Torino: SanPaolo; 2006. 244 p.	Книга о докторе Фридрихе Иосифе Хаазе. Жизнь и описания под редакцией Germane Marani. Картонный переплет

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
87	Der heilige Doctor' von Moskau Friedrich Joseph Haass Munstereifel 1780 – Moskau 1853 mit einem Vorwort von Fritz Pleitgen und einer Schlussbetrachtung von Karl Kardinal Lehmann, 2007. Bad Munstereifel. 500 p.	Книга. Святой доктор Фридрих Иосиф Хааз, Бад-Мюнстерайфель, 1780 г. – Москва, 1853 г., с предисловием Фрица Плейтгена и окончательным рассмотрением Карлом Кардиналом Леманном. Картонный переплет
88	Heinz M.-D. Friedrich Joseph Haass als Arzt in Moskau Biographische Skizzen Berlin, 1980. 133 p.	Книга. Фридрих Йозеф Гааз — врач из Москвы. Биографический очерк. Картонный переплет
89	Московский очаг милосердия. Святой доктор Гааз. М.: Благотворительный фонд социальной поддержки населения ЭСКО, 2010. 448 с.	Книга о Святом докторе Ф.П. Гаазе. Картонный переплет
90	Фрагмент изразца	Скол изразца от печи, камина, XVIII век
91	Фигурка врача	Ручная работа, поделка из хлеба заключенного
92	Монета, 1 копейка, 1843 г.	Антикварная. Медь
93	Монета, 2 копейки, 1801 г.	Антикварная. Серебро
94	Монета, 2 копейки, 1801 г.	Антикварная. Медь
95	Монета, 1 рубль, 1822 г.	Антикварная. Серебро
96	Монета, 2 копейки	Антикварная. Монета в металлической коробочке. Медь. Аббревиатура К.М., А.М., диаметр 30 мм. Монетный двор на Нижне-Сузунском медеплавильном заводе в г. Сузуне (Россия, Сибирь) работал в 1766–1847 гг. В 1847 г. завод сильно пострадал от пожара и с тех пор не восстанавливался. На монетах Сузунского двора ставилась аббревиатура «К.М.» — «Колыванская медь» или «С.М.» — «Сузунская монета»
97	Монета, 1 рубль, 1844 г.	Антикварная. Серебро

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
98	Медаль Федеральной службы исполнения наказаний России, 2016 г.	Награда из нейзильбера, круглой формы, диаметр 32 мм. На основной стороне награды изображен погрудный бюст Ф.П. Газа. В верхней части медали размещена надпись: «Фёдор Газ», в нижней — цифры «1780–1853». На тыльной стороне награды, в самом центре расположена фраза «За вклад в развитие пенитенциарной медицины России». Каждый рисунок и надпись на награде являются выпуклыми, а края медали окаймляются бортиком. Знак отличия Фёдора Газа соединяется кольцом — ушком с 5-угольной наградной колодкой, которая обтягивается муаровой шелковой лентой, ширина которой 24 мм. Посреди ленты имеется одна синяя полоска шириной 7 мм, а по краям ленты имеются красные полосы шириной 1,5 мм каждая. Эти полосы отступают от краев ленты на 1 мм
99	Фрагмент кандалов	Антикварные. Кандалы с Тверского этапа с цепью к железному пруту
100	Фото арестанта в кандалах	Черно-белая печать
101	Очерк истории медицинской полиции в России. История России (1700–1916 гг.) Я.В. Ханьков. С.П.Б. Типография Министерства внутренних дел, 1851. 114 с.	Антикварная книга, репринтное издание, мягкий переплет
102	Фёдор Петрович Газ. А.Ф. Кони. 4-е изд. Биографический очерк	Раритетная книга с дарственной надписью автора. Картонный переплет
103	К характеристике доктора Газа. С.В. Пучков. Москва, 1910	Книга, репринтное издание. Картонный переплет
104	Московская рабочая молодежь. П.И. Куркин. Вып. 2. М., 1925	Книга. Картонный переплет
105	Охрана детского труда / под ред. С.И. Каплуна. Перевод с немецкого. 1924	Книга. Картонный переплет. Из библиотеки академика А.А. Летавета

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
106	Гигиена труда подростка при производственном процессе. Л.К. Хоцянов. Наркомздрав. Медгиз СССР, 1945	Брошюра. Картонный переплет
107	Гигиена труда подростков. И.А. Арнольди. 1964 г.	Брошюра. Мягкий переплет
108	Труды ин-та по изучению проф. заболеваний им. В.А. Обуха. Оздоровление труда и революционная борьба. Рабочий подросток и выбор профессии. 1929	Книга. Мягкий переплет
109	Принципы оценки состояния организма и его регулирования при трудовых процессах у школьника. Гуменер П.И. Автореферат на соискание степени док биол. наук. М.,1968	Автореферат. Мягкий переплет
110	Тепловое состояние детей дошкольного возраста как критерий оценки теплозащитных свойств зимней одежды. Терентьева В.Г. Автореферат на соискание степени канд. мед. наук. М., 1965	Автореферат. Мягкий переплет
111	Фото. Старая Москва, Лялин переулочек	Черно-белая печать
112	Фотоальбом. Доктор А.И. Синёв. 1909 г.	Черно-белая печать. Фото в Старо-Екатерининской больнице
113	Медаль Ф.П. Гааза «Спешите делать добро». За заслуги в гигиене и охране здоровья детей и подростков	Медаль имеет овальную форму, золотистого цвета. На основной стороне награды изображен погрудный бюст Ф.П. Гааза, надпись «Спешите делать добро»
114	Билеты в театр. Опера «Доктор Гааз»	17 апреля 2016 г. впервые в Московском музыкальном театре «Геликон-Опера» под руководством Дмитрия Бергмана состоялась мировая премьера оперы «Доктор Гааз»

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
115	Программа. Мировая премьера оперы, посвященной Ф.П. Гаазу. 2015 г.	Программа Московского музыкального театра «Геликон-Опера»
116	Диплом лауреата премии Ленинского комсомола	Центральный Комитет ВЛКСМ присудил премию Ленинского комсомола В.Р. Кучме за работу по пропаганде и формированию здорового образа жизни молодежи. Печать ЦК ВЛКСМ 1988 г. Пластиковая папка 34×24 см, красного цвета
117	Значок-награда лауреата премии Ленинского комсомола	Награда «Лауреат премии Ленинского комсомола», выданная ЦК ВЛКСМ в 1988 г. В.Р. Кучме. Оригинал, значок квадратной формы 1,6×1,6 см, желтый металл с нанесением колоса пшеницы серебристого цвета, на красной ленте. Награда в пластиковой коробочке 6,5×9 см, красного цвета, с красным бархатным ложементом
118	Нагрудный знак «Наставник молодежи»	Знаком ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи» награжден В.Р. Кучма в 1989 г. за заслуги в воспитании молодого поколения. Оригинал. Представляет собой граненую, выполненную под серебро звезду с наложенными на нее серпом и молотом бронзового цвета, на красной ленте
119	Удостоверение «Наставник молодежи»	Удостоверение установленного образца 7,5×11,3 см выдано к нагрудному знаку «Наставник молодежи». Знак ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи» утвержден постановлением Секретариата ВЦСПС и Секретариата ЦК ВЛКСМ от 19 августа 1986 г.
120	Малая медаль ВДНХ «Выставка достижений народного хозяйства СССР»	Оригинал. Медаль золотистого цвета, с художественным изображением «Союз рабочего класса и крестьянства». Награжден В.Р. Кучма в 1970 г.
121	Томъ XIX. «ИСТИННЫЙ ДРУГЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА (Докторъ Ѳедоръ Петровичъ ГАЗЪ). Клавдия Лукашевич С.-Петербург, 1900. Составлен по биографическому очерку А.Ф. Кони	Брошюра, мягкий переплет, размер 7,8×11,7 см

№ п/п	Наименование (предмет)	Краткое описание предмета
122	Афиша спектакля «Доктор Гааз». Театр «Геликон-Опера». Мировая премьера оперы, посвященной Ф.П. Гаазу. 2016 г.	Театральная афиша, цветная бумага, графический дизайн
123	Портрет доктора Ф.П. Гааза. Художник Кунилакис	Фотопечать 2015 г
124	Картина. Горный пейзаж с крепостью	Фотопечать 40×30 см
125	Картина. Горный пейзаж с всадником	Фотопечать 40×30 см
126	Картина. Горные вершины.	Фотопечать 40×30 см
127	Портрет А.Ф. Кони. 1898	Фотопечать в деревянной рамке. Художник И.Е. Репин. Размер 30×40 см
128	Фото памятника Ф.П. Гаазу в Германии	В деревянной рамке, размер 10×15 см
129	Бюст А.С. Пушкина	Гипс, окрашен коричневой краской, 70×80 см (1928–1953). Фабрика Лепка, М. артель Всекохудожник. Имеются потертости и сколы
130	Азербайджанский коврик «Дерево здоровья»	Тканый коврик, размер 52×62 см. Подарок учащихся школы здоровья г. Баку
131	Портрет доктора Ф.П. Гааза с ребенком	Фотопечать. Художник Е.П. Самокиш-Судковская
132	Портрет князя Голицына Дмитрия Владимировича	Фотопечать. Художник Ф.Н. Рисс
133	Портрет Митрополита Московского Филарета	Фотопечать
134	Портрет Капцевича Петра Михайловича	Фотопечать
135	Портрет доктора Поля Андрея Ивановича	Фотопечать
136	Карта Российской Империи	Фотопечать карты Российской империи, 1827 г., с указанием пути этапирования каторжников в Сибирь — Сибирского тракта. Рамка 95×84

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Научно-популярное издание

ФЁДОР ПЕТРОВИЧ ГААЗ.
РОССИЯ, МОСКВА, МАЛЫЙ КАЗЕННЫЙ ПЕРЕУЛОК:
ПУТЬ МИЛОСЕРДИЯ И СОСТРАДАНИЯ СТРАЖДУЩИМ

Под общей редакцией
члена-корреспондента РАН В.Р. Кучмы

Москва, 2020

Выпускающий редактор	У. Пугачева
Литературный редактор	А. Иванюта
Дизайн и верстка	Ф. Игнащенко

Подписано в печать 14.07.2020. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л 10,6. Тираж 550. Заказ № 200101
Отпечатано ООО «Полиграфист и издатель»
119501, г. Москва, ул. Веерная, 22-3-48